

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 12 № 2

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 12 # 2

Москва

2015

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

Акопов Г.В.
Аллахвердов В.М.
Забродин Ю.М.
Караяни А.Г.
Карпов А.В.
Малофеев Н.Н.

Марьин М.И.
Нечаев Н.Н.
Рубцов В.В.
Реан А.А.
Рыбников В.Ю.
Черноризов А.М.
Шкуратов В.А.

Редакционная коллегия

Абакумова И.В.
Асмолов А.Г.
Бабенко В.В.
Базаров Т.Ю.
Безруких М.М.
Богоявленская Д.Б.
Воробьева Е.В.
Деркач А.А.
Донцов А.А.
Дубровина И.В.
Журавлев А.Л.
Егорова М.С.
Ермаков П.Н. (заместитель главного редактора)

Лабунская В.А.
Леонова А.Б.
Сергиенко Е.А.
Тхостов А.Ш.
Цветкова Л.А.
Берберян А.С. (Армения)
Киттлер У. (Германия)
Менджерцкая Ю. (Германия)
Величковский Б.М. (Германия)
Кроник А.А. (США)
Белянин В.П. (Канада)
Бороховский Е. (Канада)
Стошич Л. (Сербия)

Ответственный секретарь – Седых Н.С.

Редактор английской части – Колесина К.Ю.

Выпускающий редактор – Буняева М.В.

Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 518,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,
г. Москва, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с Редакцией.

ISSN 1812–1853. Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»
Подписной индекс 46723

Russian Psychological Journal

Founder – Russian Psychological Society

Editor in Chief – Zinchenko Ju.P.

Editorial Committee

Akopov G.V.

Allahverdiv V.M.

Zabrodin Ju.M.

Karainy A.G.

Karpov A.V.

Malopheyev M.N.

Marin M.I.

Nechaev N.N.

Rubtsov V.V.

Rean A.A.

Ribnikov V. Ju.

Chernorizov A.M.

Shkuratov V.A.

Editorial Board

Abakumova I.V.

Asmolov A.G.

Babenko V.V.

Basarov T.Ju.

Bezrukikh M.M.

Bogoyavlenskaya D.B.

Vorobiova E.V.

Derkach A.A.

Dontsov A.I.

Dubrovina I.V.

Zhuravlev A.L.

Egorova M.S.

Yermakov P.N. (deputy Editor)

Labunskaya V.A.

Leonova A.B.

Sergiyenko E.A.

Tkhostov A.Sh.

Tsvetkova L.A.

Berberian A.S. (Armenia)

Kittler U. (Germany)

Menjeritskaya Ju. (Germany)

Velichkovsky B.M. (Germany)

Kronik A.A. (USA)

Belianin V.P. (Canada)

Borokhovski E. (Canada)

Stosic L. (Serbia)

Executive Secretary – N.S. Sedyh

English Editor – K.Ju. Kolesina

Managing Editor – M.V. Bunjaeva

Page settings – A.P. Tchekha

Address of the Publisher:

Nagibin Av., 13, of. 243,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel. (863) 243–15-17; fax 243–08-05

E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Founder Address:

Yaroslavskaya str., 13,

Moscow, Russia, 129366

Tel./fax (495) 283–55-30

E-mail: rpo@psychology.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission
of the copyright owner

ISSN 1812–1853. Subscription catalogue of Russian Press Agency «Newspapers, Journals»
Subscription code 46723

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мушастая Н. В., Данченко И. В.

Роль семьи в формировании самооценки у детей с нарушением слуха 6

Тащёва А. И., Малышко Л. Н., Бедрединова С. В.

Агрессивность у детей восьми лет из полных и неполных семей 17

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бедрединова С. В., Тащёва А. И., Шульц Е. О.

Особенности смысложизненных представлений в пожилом возрасте 24

Васильева О. С., Грачева Н. М.

Представления о себе и мире у студентов–психологов 34

Гришина А. В., Лунин С. Л.

Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины 46

Левшина А. А., Лунин С. Л.

Общественная деятельность молодежи: мотивы участия 56

Ращупкина Ю. В.

Процессуальные характеристики жизненных выборов учащихся мужчин и женщин в зависимости от выраженности личностной зрелости 67

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Рудь О. В., Демидова И. Ф.

Акмеологический тренинг как метод обучения сотрудников предприятий наставнической деятельности 75

Щербакова Т. Н., Авраменко Д. И.

Профессиональная успешность менеджеров образования: психологические критерии и детерминанты 86

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мифтахова М. Б., Явна Д. В., Звездина Г. П., Ермаков П. Н., Бабенко В. В.

Полосовые характеристики зрительных фильтров, пропускающих модуляцию пространственной частоты 99

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Морозов И. И., Ефимкина Н. В.

Социометрическая экспертная методика выявления сотрудников органов внутренних дел, склонных к искажению служебной информации 112

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 122

НАШИ АВТОРЫ 150

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ 160

CONTENTS

AGE PSYCHOLOGY

Mushastaja N. V., Danchenko I. V.

Family Role in Formation of a Self-Assessment at Children with a Hearing Disorder 6

Tashcheva A. I., Malyshko L. N., Bedredinova S. V.

Aggressiveness in Children of Eight Years from Two-Parent and Single-Parent Families 17

GENERAL PSYCHOLOGY

Bedredinova S. V., Tashcheva A. I., Shul'ts E. O.

Features of Life-Sense Representations in Old Age 24

Vasileva O. S., Gracheva N. M.

Perceptions of Themselves and the World of the Psychology Students 34

Grishina A. V., Lunin S. L.

Ethnic Identity Types of Russian Youth as an Indicator of a Positive Readiness to Accept the Forced Migrants from Ukraine 46

Levshina A. A., Lunin S. L.

Public Activities of Youth: Participation Motives 56

Rashchupkina Yu. V.

Procedural Characteristics of Vital Elections of the Studying Men and Women Depending on Expressiveness of a Personal Maturity 67

ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGY

Rud' O. V., Demidova I. F.

Acmeological Training as a Method of Training Employees of Enterprises Mentoring . . . 75

Shcherbakova T. N., Avramenko D. I.

Professional Success of Education Managers: Psychological Criteria and Determinants 86

PSYCHOPHYSIOLOGY AND CLINICAL PSYCHOLOGY

Miftakhova M. B., Yavna D. V., Zvezdina G. P., Ermakov P. N., Babenko V. V.

Bandwidth of Visual Filters that Transmit the Spatial Frequency Modulation 99

JURIDICAL PSYCHOLOGY, MILITARY PSYCHOLOGY

Статья Мария Ильяшова **Emkina N. V.** Статья ретрагирована Статья ретрагирована

article The Sociometric Expert Methodology for Detecting the Employee's

04.10.2015 04.10.2015 04.10.2015
in the Affairs Agencies, Disposition of the Confidential Information 112

SUMMARY OF THE ISSUE IN ENGLISH 122

OUR AUTHORS 150

INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION 160

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.761

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

***Мушастая Наталья Викторовна
Данченко Ирина Владимировна***

Актуальность написания данной статьи обусловлена определенными значимыми факторами для включения детей с нарушениями слуха в общеобразовательную среду. В процессе социализации необходимо формировать целый ряд личностных особенностей, в том числе и адекватную самооценку.

Изменения, происходящие в нашем обществе, приводят к обострению социально-стрессовой ситуации и росту эмоциональной напряженности, на почве которой у детей возникают различные проблемы – неуверенность в себе, застенчивость, агрессия, жестокость, заниженная самооценка.

На формирование самооценки в детском возрасте решающее влияние оказывает семья. Она становится фундаментом формирования личности. Отсутствие положительной общей самооценки в раннем возрасте трудно компенсировать в более поздние периоды, тем более у детей с нарушенным слухом, которые сталкиваются с огромными трудностями в общении даже в своей семье (имеются в виду дети с нарушенной слуховой функцией из семей слышащих родителей).

Самооценка играет очень важную роль в организации результативного управления своим поведением, без нее трудно или даже невозможно самоопределиться в жизни. Самооценка является критерием осознания личностью своей собственной индивидуальности и социальной ценности. Она определяет жизненную позицию человека и его взаимоотношения с окружающей действительностью. Направление деятельности специалистов в рамках учебно-воспитательного процесса на детей с ограниченными физическими возможностями от всего социального пространства приводит к репродуктивным преобразованиям, закрепляет в сознании подростков мысль о собственной «неполноценности», развивает негативную самооценку, вследствие чего страдает формирование личности.

Возможность гармоничного развития ребенка с ограниченными физическими возможностями, способного не только адаптироваться к существующим

условиям, но и изменять их, изменяясь и развиваясь при этом, может быть достигнута в том случае, если будут предложены механизмы и технологии формирования, в частности, адекватной самооценки.

Ключевые слова: *слабослышащие, адаптация, самооценка, реализация, общение, общество, деформация, тревожность, формирование.*

Эффективность процесса адаптации индивида в окружающем его мире более чем актуальна при наличии определенных отклонений в развитии. Ведь социальная адаптация – это постоянный процесс активного приспособления к условиям социальной среды, и осуществляется он через различные виды деятельности, в том числе и с помощью общения. Именно в процессе общения так или иначе формируется самооценка. Сначала ребенок пропускает через себя оценочные характеристики взрослых, а затем, по мере формирования «самости», оценивает себя в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет ему общество и он сам.

Оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей – это и есть самооценка. Она является важнейшим регулятором поведения человека, во многом определяя его самоощущение в мире отношений с другими людьми, его критичность, требовательность к себе, отношение к своим успехам и неудачам. Самооценка существенно влияет на эффективность деятельности и на становление личности на всех этапах развития ребенка, тем более с проблемами в развитии [15].

Самооценка может быть частной и общей. Общая – отражает целостное отношение человека к самому себе, его принятие самого себя. При нормальном развитии личности общая самооценка всегда должна быть положительной. Это обеспечивает человеку уверенность в своих силах, уважение к себе. В то время как отрицательная приводит к неприятию себя, к комплексу неполноценности, к пассивному, заторможенному поведению или, напротив, к агрессивности и озлобленности. Что касается частной самооценки, то она отражает отношение человека к результатам своей какой-либо конкретной деятельности. Частная самооценка тесно связана с уровнем притязаний, т. е. со степенью трудности задач, которые человек выбирает для себя в той или иной области: чем выше он оценивает свои возможности, тем более трудные задачи он перед собой ставит. Частная самооценка может по-разному соотноситься с реальными достижениями человека. Она может быть заниженной, завышенной и адекватной [11].

Расхождения между реальными возможностями человека, в том числе и с нарушениями в развитии, и его самооценкой могут приводить к серьезным личностным проблемам. В случае завышенной самооценки неуспех в какой-либо деятельности приводит к эмоциональным всплескам, обидам,

отказу от деятельности. Заниженная самооценка приводит к тревожности, неуверенности в себе, робости и пассивности.

Самооценка также отражается и на оценке возможностей и результатов деятельности других людей. При завышенной самооценке человек понижает достижения других людей, а при заниженной, напротив, чрезмерно превышает их.

Следовательно, формирование неадекватной самооценки неблагоприятно влияет на процесс социальной адаптации, особенно ярко это выражено у лиц с проблемами в развитии, которые по той или иной причине не могут полноценно взаимодействовать с окружающим миром [7].

Как отмечает Л. Пожар, у аномальных детей, подростков и взрослых можно довольно часто наблюдать переоценку собственных сил, возможностей, знаний и своего положения в группе, в обществе, т. е. неадекватно завышенный уровень притязаний. Однако часто можно наблюдать и недооценку собственных возможностей.

Исследования, описанные Л. Пожаром там же, которые касались ведущих мотивов деятельности, обнаружили достаточно интересные результаты. В видах деятельности, которые непосредственно не связаны со сферой дефекта, преобладает мотив сохранения успеха, что сказывается в более низких вербальных притязаниях ребенка по сравнению с реально достигнутыми им или объективно ожидаемыми результатами. И наоборот, в таких видах деятельности, которые непосредственно или вторично связаны с дефектом, доминируют мотивы результативности, достижений [8].

Исследования Т. Н. Прилепской выявили одну из особенностей, которая перекликается с результатами описанного выше эксперимента. В видах деятельности решение арифметических примеров и наглядно-действенных задач, не требующих использования речи, особенностью было следующее: при успешном достижении цели глухие дети не только не повышали свои притязания, но даже снижали их, т. е. стремились добиться успехов ценой меньших усилий. Явно прослеживался мотив сохранения успеха [11].

Таким образом, можно предположить, что существуют определенные явления, которые в некоторой степени способны ограничивать процесс формирования свойств личности глухого ребенка. Судя по результатам приведенного исследования, к таким явлениям можно отнести процесс компенсации.

Если же говорить о семье, как об одном из важнейших факторов, влияющих на формирование свойств личности ребенка и его самооценки в частности, то к таким имитирующим факторам можно отнести неблагоприятные условия воспитания, подробнее о которых будем говорить ниже.

Сурдопедагоги и психологи отмечают, что у глухих детей наблюдается недостаток речевых средств для описания личностных особенностей людей, их эмоциональных проявлений, и преобладают контрастные оценки качеств личности. Это замедляет у неслышащих процесс формирования морально-этических представлений, социально-эмоциональной зрелости, осознания детьми своего отношения к другим и самим себе, своего положения среди сверстников и в более широком социальном окружении [14].

Все указанные выше особенности связаны прежде всего с нарушением контактов с другими людьми, в частности, с недостатком социальных контактов в связи с отсутствием слуха, с первичным и вторичным недоразвитием мышления и речи в раннем детском возрасте, а также с неправильным воспитанием и неблагоприятными воздействиями социального окружения.

Ребенок с нарушенной слуховой функцией почти всегда чувствует свое невыгодное положение, что может отразиться в удручающем чувстве неполноценности. В развитии личности это может привести к отставаниям. Однако иногда возникает высокомерие.

Ребенок с дефектом «наталкивается» на определенные нормы, ожидания, требования, либо сравнивается со здоровыми людьми. Вследствие этого происходит усиление чувства неполноценности, что отрицательно влияет на формирование самооценки и личности. Явно выраженные и стабильно пониженные самооценка и самоуважение ослабляют способность личности неслышащего ребенка к активному приспособлению к жизни и реализации личных возможностей и внешних жизненных обстоятельств, благоприятных моментов, ситуаций и т. д. Часто результатом этого может стать появление патологических признаков и более глубоких нарушений личности [6].

Таким образом, отношение общества к людям с нарушением слуха, и, главным образом, их ближайшего окружения, имеет существенное значение.

В связи с наличием определенного дефекта, между аномальным ребенком и его социумом создается специфическое взаимодействие. Дефект часто изолирует ребенка и оставляет его на произвол судьбы и окружения. Поэтому зависимость неслышащего ребенка от эмоциональных и воспитательных отношений в семье, в школе и в процессе интеграции в обществе значительно больше, чем у здорового.

На формирование самооценки в детском возрасте решающее влияние оказывает семья. В первые месяцы жизни под влиянием родительской любви и ласкового отношения близких у ребенка возникает общая самооценка. Она становится фундаментом формирования личности. При дефиците родительской любви у ребенка не возникает общая самооценка, но не как таковая, а лишь ее положительная направленность. Это приводит к различным деформациям в развитии личности: нарастающему чувству своей

неполноценности, страху перед новым, агрессивности, озлобленности и т. п. Отсутствие положительной общей самооценки в раннем возрасте трудно компенсировать в более поздние периоды, тем более у детей с нарушенным слухом, которые сталкиваются с огромными трудностями в общении даже в своей семье (имеются в виду дети с нарушенной слуховой функцией из семей слышащих родителей) [1].

После двух лет, когда ребенок начинает осваивать разные виды деятельности, под непосредственным влиянием оценки взрослых начинает формироваться частная самооценка ребенка. В дошкольном возрасте самооценка, как правило, является завышенной – ребенок высоко оценивает свои достижения, независимо от реальных результатов своих действий. Это происходит потому, что общая положительная самооценка распространяется на отдельные действия – дошкольник еще не может отделить положительное отношение к себе в целом от оценки своих конкретных дел. На это стоит обратить особое внимание. Ведь на данном этапе формирования самооценки частные негативные оценки и замечания взрослых не оказывают должного воспитательного эффекта, а вызывают лишь обиду и отказ от неуспешной деятельности.

По мере того, как развивается и дифференцируется представление ребенка о себе, частная самооценка отделяется от общей. К концу дошкольного возраста в норме ребенок уже должен понимать, что замечания взрослых по поводу его конкретных действий не снижают общего положительного отношения к нему, т. е. он может не уметь чего-то, оставаясь при этом хорошим и любимым. Отделение общей самооценки от частной является ведущей предпосылкой готовности ребенка к обучению в коллективе [3].

Также важную роль в формировании адекватной самооценки играет общение ребенка со сверстниками. Сравнивая свои достижения в конкретных видах деятельности с результатами других детей того же возраста, ребенок начинает все более правильно и точно оценивать свои возможности и способности. Родители должны помочь ребенку правильно оценить свои достижения, указать на то, что он умеет лучше других, что хуже и что ему еще предстоит освоить. Но при этом ни в коем случае нельзя подвергать сомнению общую ценность его личности и положительную оценку ребенка в целом [10].

Частная самооценка формируется на основе оценок взрослых и на основе собственного опыта ребенка. Уже в младшем школьном возрасте дети начинают все больше ориентироваться в самооценке. Благодаря интенсивному усвоению моральных норм, правил поведения и развитию рефлексии, младший школьник уже способен правильно оценить свои успехи и неудачи.

Итак, рассмотрев этапы и механизмы формирования самооценки в норме, стоит отметить то, что глухие дети в своем развитии, как правило, проходят все эти этапы, однако качественное своеобразие формирования самооценки и личности в целом у них проявляется в более длительных задержках на определенных этапах. Это является следствием особенностей поступления определенного количества внешней информации. Ведь, если имеет место нарушение слуховой функции, то как раз тот этап формирования самооценки, на котором закладывается основа, не может протекать эффективно, т. к. ребенок зачастую просто не имеет представления о том, как его оценивают другие, а в первую очередь – взрослые. И пройдет немало времени до того момента, когда глухой или слабослышащий ребенок сколько-нибудь адекватно сможет общаться хотя бы с ближайшим окружением. И все те проблемы, которые могут возникать в процессе формирования самооценки у слышащих детей, у детей с нарушениями слуха проявляются гораздо острее. Хотя следует оговориться, что при определенных условиях (о них мы будем говорить ниже) проблемы эти могут быть сглажены, либо не возникнут вообще.

Если говорить о детях, обучающихся в начальной школе, то младший подростковый возраст представляет собой своеобразный рубеж в переходе к следующему этапу развития самооценки и личности ребенка в целом. Однако следует учесть, что ребенок с аномальным развитием в некотором роде не способен развиваться по законам нормы. Значит у ребенка с нарушением слуха могут наблюдаться не патологические, но все-таки задержки в формировании самооценки. В то время как слышащий ребенок способен правильно оценить себя, свои успехи и неудачи, окружающих и их деятельность в возрасте младшего подростка, для ребенка с нарушенной слуховой функцией оценка его самим себя в известной степени зависит от окружающих и их мнения. То есть, для детей с данной аномалией в этом возрасте семья играет более важную роль, чем для их слышащих сверстников [3].

Что же касается психологии как таковой, то в сурдопсихологии у глухих отмечается своеобразие черт характера, их повышенная склонность к невротическим состояниям и реакциям. Астено-невротические, психопатические реакции отмечались у детей уже в возрасте двух–четырёх лет, а в младшем подростковом возрасте – первые признаки осознания своего дефекта. По наблюдениям Л. М. Барденштейна, проявление у глухих и слабослышащих эмоционально-волевой незрелости (внушаемость, подражательность, недостаточная самостоятельность, склонность к аффективным взрывам) наиболее выражено именно в 7–13 лет [14].

Т. Н. Прилепская в своей статье говорит о том, что глухие дети также уступают слышащим в отношении социальной зрелости, приспособляемости к окружающим условиям. У них чаще встречаются эмоционально-

поведенческие нарушения, связанные со специфическими особенностями требований и стимуляции за определенное поведение. Дело в том, что такие дети чаще всего находятся в учреждениях интернатного типа, т. е. они большую часть времени изолированы от «слышащего мира». А поскольку все условия в интернате рассчитаны на детей с нарушением слуха, например заниженные требования и частые поощрения, то у них (детей) возникает обманчивое чувство облегченности и формируется своеобразное чувство иждивенчества. Вплоть до окончания школы большинство детей не сталкиваются с огромными трудностями, вызванными дефектом. Именно это может также явиться условием для формирования у глухих и слабослышащих неадекватного представления о себе [11].

Из всего сказанного выше следует, что на формирование адекватной самооценки оказывают влияние различные факторы. Это – учебные достижения и коммуникативные способности, в частности, общение со сверстниками. Однако мы снова возвращаемся к тому, что одна из важнейших ролей принадлежит все-таки семье. Здесь нас волнуют и внутрисемейные отношения, и стиль воспитания, и отношение родителей к самому ребенку и к его дефекту.

Ведь дефект представляет собой чрезвычайную ситуацию не только для аномального ребенка и для его окружения. Рождение «обычного ребенка с необычными проблемами» несомненно удручающе воздействует прежде всего на его родителей. Они часто переживают этот факт как жизненную катастрофу, причем независимо от того, какова тяжесть дефекта.

Важность того, как родители воспринимают ребенка и его дефект, достаточно велика. В семье могут выстраиваться совершенно различные стратегии поведения в отношении аномального ребенка. Если рассматривать основные пять стратегий по В. С. Соммерсу, то стоит сказать о положительных – как отмечает сам автор – и отрицательных реакциях на дефект [6].

Например, возможно, что родители принимают своего ребенка, объективно его воспринимают, адекватно оценивают свои силы и возможности, что придает уверенность в себе, в своей душевной силе. У этих родителей не возникает чувство вины или неприязни. Возможна и другая ситуация, когда в семье полностью отрицается, что ребенок страдает дефектом. Родители не признают для своего ребенка никаких ограничений и предъявляют к нему достаточно высокие требования [7].

Вышеописанные стратегии можно назвать положительными в том смысле, что они позволяют ребенку принимать участие в жизни семьи, делают его полноценным ее членом. Родители любыми способами стараются устанавливать контакт с аномальным ребенком. Как правило, в таких семьях дети не страдают от недостатка общения, а следовательно, практически ничто

не мешает формированию относительно благополучных свойств личности и самооценки в частности.

Конечно же, реакция отрицания может вызвать важные нарушения личности, т. к. создается повышенное нервное напряжение. Однако у ребенка с сильным типом нервной системы не возникает стрессовой реакции, и при определенных условиях можно добиться отличных результатов.

Возможна также реакция чрезмерной защиты. Отношения с ребенком наполнены жалостью, сочувствием. Это проявляется в чрезмерно заботливом и защищающем типе воспитания. И тогда развивается чувство иждивенчества и пассивный настрой на все окружающее. Стратегия скрытого отрицания представляет собой неявное, всячески завуалированное отвержение ребенка. Тогда дефект считается позором, но это отношение сокрыто под чрезмерно заботливым, предупредительным, внимательным воспитанием.

Открытое отречение проявляется в отвращении к ребенку. Родители перекладывают огромное чувство вины на общество, врача, учителя и т. д. Такая своеобразная защита приобретает вид враждебности по отношению к самому ребенку.

Такие типы стратегий поведения родителей однозначно неблагоприятно сказываются на ребенке. Они задерживают его развитие, формируют неадекватную самооценку. А затем, как снежный ком, накапливаются проблемы в плане адаптации, обучения, и, самое главное, – эффективной интеграции ребенка с нарушением слуха в «слышащий мир».

Хотя проблема взаимоотношений в семье ребенка с нарушением слуха изучена недостаточно подробно, можно выделить некоторые особенности, характерные для общения и воспитания глухого ребенка слышащими и неслышащими родителями.

Если ребенок находится в среде глухих, он адаптируется и развивается в меру своих возможностей достаточно благополучно. В таких семьях чаще встречается стратегия полного принятия ребенка и его дефекта. По-иному складываются отношения у неслышащего ребенка со слышащими родителями. В контактах возможно ощущение непонимания, отвержения, избегания со стороны родителей. Тогда, находясь дома, он большую часть времени проводит, «общаясь» с самим собой, либо с игрушками. При таких условиях, восприятие ребенком окружающего мира оказывается крайне суженным, неполноценным и неадекватным, т. к. не всегда соответствует тому этапу развития, на котором ребенок в данный момент находится. Естественно, что такие условия воспитания могут лишь отрицательно сказаться на формировании самооценки [6].

Итак, проблема влияния отношений в семье, воспитывающей ребенка с нарушенной слуховой функцией, на его развитие, высвечивается достаточно актуально.

Литература

1. Андрущенко Т. Ю. Психологические условия формирования самооценки в младшем школьном возрасте. – М.: Педагогика, 2008.
2. Битюцкая Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 2. – С. 40–56.
3. Бороздина Л. В., Волкова Н. Н. Опыт коррекции «триады риска» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 1. – С. 72–86.
4. Боскис Р. М. Глухие и слабослышащие дети. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 2003.
5. Боскис Р. М. Учителю о детях с нарушениями слуха. – М.: Просвещение, 2008.
6. Веракса А. Н. Социальный аспект в развитии регуляторных функций в детском возрасте: обзор современных зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 91–101.
7. Воронова М. Н., Корнеев А. А., Ахутина Т. В. Лонгитюдное исследование развития высших психических функций у младших школьников // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 4. – С. 48–64.
8. Гордеева Т. О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 3. – С. 63–78.
9. Гуровец Г. В., Ленок Я. Я. Коррекционно-развивающие игры как метод обучения в специальной педагогике // Дефектология. – 2006. – № 2. – С. 77–83.
10. Давыдов В. В., Драгунова Т. В., Ительсон Л. Б., Петровский А. В. Возрастная и педагогическая психология. – М.: Просвещение, 2009. – 288 с.
11. Захарова Е. И. Особенности взаимодействия матерей с детьми в условиях «позднего» материнства // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2 (14). – С. 97–101.
12. Зинченко Ю. П., Евдокимов В. И., Рыбников В. Ю. Анализ отечественных и зарубежных диссертаций в сфере медицинской (клинической) психологии (1990–2011) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 2. – С. 3–15.
13. Изучение слабослышащих детей в процессе обучения / Под ред. проф. Р. М. Боскис. – М.: Педагогика, 2009.
14. Исследование личности с нарушением слуха / Под ред. Т. В. Розановой, Н. В. Яшковой. – М.: Просвещение, 2011.

15. *Капустин С. А.* Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 76–90.
16. *Красная М. А.* Разработка и апробация методики определения позиции человека в социальной ситуации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 1. – С. 103–111.
17. *Леонгард Э. И., Самсонова Е. Г., Иванова Е. А.* Я не хочу молчать: Из опыта работы по организации обучения глухих и слабослышащих детей. – М.: Просвещение, 2010.
18. *Матвеев В. Ф.* Психологические нарушения при дефектах зрения и слуха. – М.: Просвещение, 2007.
19. *Нудельман М. М.* Представление глухих школьников об оценке их личности сверстниками // Дефектология. – 2013. – № 6.
20. *Осин Е. Н., Рассказова Е. И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 2. – С. 147–166.
21. Основы обучения и воспитания аномальных детей / Под ред. А. И. Дьячкова; Академия пед. наук. – М.: Просвещение, 2005.
22. *Петрова В. Г.* Отношение глухих учащихся к товарищам и самооценка / Под ред. И. М. Соловьева и др. – М.: Просвещение, 2011.
23. *Прилепская Т. Н.* Особенности самооценки и уровня притязаний у глухих и слабослышащих школьников // Дефектология. – 2009. – № 5.
24. *Пузанов Б. П., Селиверстов В. И., Шаховская С. Н., Костенкова Ю. А.* Коррекционная педагогика: Основы обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии. – М.: Академия, 2011.
25. *Рассказова Е. И.* Модели стадий изменения поведения в психологии здоровья: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 102–119.
26. *Собкин В. С., Верясова Е. С.* Структура ценностных ориентаций воспитателей детского сада // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1 (9). – С. 134–143.
27. *Соколова Е. Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: Изд-во МГУ, 2009.
28. *Цукерман И. В.* Проблема социализации выпускников специальных школ для детей с нарушениями слуха // Дефектология. – 2008. – № 1.
29. *Чеснокова М. Г.* Общепсихологические основания исследования здоровья личности // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1 (9). – С. 96–102.

30. *Шевандрин Н. И.* Психодиагностика, коррекция и развитие личности. – М.: ВЛАДОС, 2008.
31. *Шевандрин Н. И.* Социальная психология в образовании. Ч. 1. – М.: ВЛАДОС, 2005.
32. *Шипкова К. М.* Изменение профиля слухоречевой асимметрии при афазии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 4. – С. 65–75.
33. *Anauate C.* Psychological problems of late adoption as observed in Brazil through a cultural-historical approach // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. – 6 (4). – pp. 176–185.
34. *Razina N. V.* Attitudes to motherhood in different cultures // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – 7 (2). – pp. 93–104.
35. *Rodrigues T. F.* Meaning in couples relationships // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – 7 (3). – pp. 126–135.

УДК 159.9.072.43

АГРЕССИВНОСТЬ У ДЕТЕЙ ВОСЬМИ ЛЕТ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

*Тацёва Анна Ивановна
Малышко Людмила Николаевна
Бедрединова Светлана Валерьевна*

В материалах приводится сравнительный анализ проявления агрессии у современных девочек и мальчиков.

В отечественной и зарубежной психологии достаточно исследований по проблеме агрессивности, однако абсолютное большинство этих работ касается взрослых и детей более старших возрастных групп (например, подростков); почти все исследования о детях восьми лет выполнены отечественными психологами в середине – конце 20-го в., и практически отсутствуют работы об особенностях агрессивности у современных детей анализируемого возраста.

Авторам работы не удалось обнаружить эмпирические исследования о половых различиях в проявлении агрессивности у детей данного возраста, о связи одного из самых важных и интересных психологических феноменов с другими психологическими характеристиками детей 8 лет.

Объектом исследования выступили респонденты в возрасте 8 лет, учащиеся 1-ых классов средних школ.

Методический инструментарий исследования включил в себя тесты «Несуществующее животное» и С. Розенцвейга, Р. Кеттелла (12 CPQ), опросник А. И. Тацёвой «Атрибутивное сопровождение общения» («АСО»).

Основные результаты исследования позволили продемонстрировать: выявленные типичные способы поведения детей 8 лет во фрустрирующих ситуациях; общие половые особенности реакций детей на конфликт безотносительно их пола; специфические реакции в конфликте детей с повышенной и высокой агрессивностью и детей с «нормативной» и низкой агрессивностью.

Полученные результаты исследования могут быть полезны психологам, педагогам и родителям для эффективного взаимопонимания и взаимодействия с детьми 8 лет, для создания программы психологической помощи, направленной на снижение уровня агрессивности мальчиков и девочек исследуемого возраста.

Ключевые слова: *девочки, мальчики, восьмилетние дети, агрессия детей, агрессивность детей, «нормативная» агрессивность, повышенная агрессивность, низкая агрессивность, низкая самооценка, фрустрированные ситуации.*

Повышенная агрессивность детей является одной из наиболее острых проблем для самих детей, их родителей, общества в целом; становится одной из самых частых причин обращения за профессиональной психологической помощью учащихся младшего школьного возраста [5, 8, 10, 11]. Известно, что основы многих психологических качеств личности закладываются в возрасте 8 лет, отличающемся высокой сензитивностью и определяющем большие потенциальные возможности разностороннего развития ребенка. Поэтому данный возраст специалисты рассматривают как важный период стабильного развития, который может быть использован для выявления резервов развития школьников, что позволит более успешно готовить детей к дальнейшей учебной и трудовой деятельности.

Отечественные и зарубежные психологи уделяют немало внимания проблеме агрессивности, однако абсолютное большинство этих работ посвящено взрослым и детям более старших возрастных групп, в частности, – подросткам; кроме того, практически все эти исследования о детях 8 лет выполнены отечественными психологами в середине – конце 20-го столетия и, по сути, отсутствуют работы об особенностях агрессивности у детей данного возраста, живущих в новом веке [1, 2, 3, 4, 6, 7, 13, 14]. Кроме того, нам не удалось обнаружить эмпирические исследования о половых различиях в проявлении агрессивности у детей данного возраста, о связи одного из самых важных и интересных психологических феноменов с другими психологическими характеристиками детей 8 лет.

Предмет исследования – половые особенности агрессивности в связи с другими психологическими характеристиками детей 8 лет.

Объектом исследования стали 56 детей 8 лет, учащиеся 1-х классов средней школы № 98 г. Ростова-на-Дону, условно разделенные на 2 равные по объему и полу группы: в основную группу вошли дети с высоким уровнем агрессивности, в контрольную – с нормативным и низким уровнями.

Методический инструментарий: тесты «Несуществующее животное» и С. Розенцвейга, Р. Кеттелла (12 CPQ), опросник А. И. Ташёвой «Атрибутивное сопровождение общения» («АСО»); дескриптивная статистика ($\pm\sigma$), критерий Шапиро–Уилкса, U-критерий Манна–Уитни, детерминационный и множественный регрессионный анализ. Статистическая обработка данных была проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 22.0.

Достоверность результатов и выводов исследования, представленных в данной работе, обеспечивалась использованием апробированного валидного и надежного методического инструментария, взаимопроверкой результатов, репрезентативной выборкой, содержательным анализом полученных данных, применением статистического анализа.

Основные гипотезы исследования: 1) может иметь место своеобразие агрессивности у мальчиков и девочек 8 лет; 2) особенности агрессивности у детей разного пола могут быть связаны с другими их психологическими характеристиками.

Гипотезы–следствия: 1) мальчики 8 лет могут проявлять агрессивные реакции чаще, чем девочки; 2) степень выраженности агрессивности детей может быть обусловлена влиянием других психологических характеристик; 3) у более агрессивных детей пол может детерминировать формы проявления поведенческой агрессивности.

Рассмотрим основные статистически достоверные результаты исследования.

Выявлено, что на фрустрирующие ситуации дети всей выборки реагируют значимо доминирующим профилем реакций, воспроизводя признаки эгоцентризма, нейротизма, заниженной самооценки, пессимизма, гетеро- и аутоагрессии, вербальной и поведенческой агрессии, полнезависимого поведения и соревновательной стратегией в конфликте.

В ходе исследования гипотезы о существовании половой детерминации проявлений агрессивности был проведен детерминационный анализ, который показал, что если в целом по выборке лучше всего пол детерминирует проявления поведенческой агрессивности (38 %), то в основной группе эта детерминация составила 53 %.

Несмотря на один доминирующий профиль реакций, проявляющихся на фрустрирующие ситуации у всех детей выборки, у более агрессивных детей чаще наблюдаются реакции препятственно-доминантного (OD) типа, а девочки всей выборки на фрустрирующую ситуацию реагируют более адекватно, проявляя чувство ответственности (I-ED) за случившееся и готовность к продуктивному исправлению возникшей ситуации (i-NP). Агрессивные же мальчики в ситуации фрустрации чаще девочек воспроизводят реакции самозащитного типа (E-ED).

Сравнительный анализ показал, что между девочками и мальчиками основной группы существуют значимые различия по уровню выраженности типа реакции с фиксацией на самозащите ($U = 54,5$, $Z = -2,41$, при $p = 0,02$), с фиксацией на продуктивное разрешение проблем ($U = 43,5$, $Z = 2,86$, при $p = 0,004$), и реакции интрапунитивной направленности ($U = 33,5$, $Z = 3,28$, при $p = 0,001$).

Было обнаружено, что у детей контрольной группы в большей степени выражены добросердечность ($U = 56$, $Z = -2,34$, при $p = 0,02$) и напряженность ($U = 56$, $Z = -2,34$, при $p = 0,02$), т. е. они отличаются менее выраженными агрессивными проявлениями, им в большей мере свойственна эмоциональная сензитивность, чем детям основной группы.

Проведенное сравнение выявило различия между девочками и мальчиками контрольной группы по уровню выраженности типа реакции с фиксацией на препятствии ($U = 48$, $Z = -2,68$, при $p = 0,007$), с фиксацией на продуктивном разрешении проблем ($U = 22,5$, $Z = 3,73$, при $p = 0,0002$), а также в интрапунитивной ($U = 29,5$, $Z = 3,44$, при $p = 0,00006$) и импунитивной направленности реакции ($U = 64$, $Z = -2,01$, при $p = 0,04$).

Таким образом, у мальчиков чаще, чем у девочек, в ситуации фрустрации наблюдается тип реакций с фиксацией на препятствии (E-OD) и импунитивная направленность реакций (M), независимо от того, расцениваются ли сложные ситуации как благоприятные, неблагоприятные или незначительные; при этом обвинение окружающих и самого себя отсутствует. У девочек же чаще, чем у мальчиков, диагностируется более адекватное поведение во фрустрирующих ситуациях: с нормативным атрибутированием ответственности самому себе или стремлением к продуктивному исправлению проблемной ситуации.

Описывая себя и близких, дети всей выборки в целом обычно пользуются положительными характеристиками, причем девочки делают это чаще мальчиков ($U = 51$, $Z = 2,55$, при $p = 0,01$). Кроме того, при описании близких девочки воспроизводят тенденцию к более частому использованию не только позитивных ($p = 0,09$), но и негативных ($p = 0,06$) характеристик. Таким образом, в основной группе девочки чаще мальчиков описывают себя позитивно.

Дети контрольной группы при самоописании используют значительно большее количество слов, у них преобладают позитивные характеристики и при описании близких, а также – несимпатичных сверстников, проявляя, таким образом, достаточную толерантность; а у детей основной группы в последнем случае чаще встречаются негативные характеристики.

Для проверки гипотезы о влиянии психологических характеристик на степень выраженности детской агрессивности был проведен множественный регрессионный анализ и рассмотрены следующие показатели: β – стандартный коэффициент регрессии; t – t -критерий Стьюдента; КМК (Multiple R) – коэффициент множественной корреляции; КМД (Multiple R2) – коэффициент множественной детерминации; F – критерий Фишера; p – уровень статистической значимости использованных коэффициентов.

Для реализации поставленной задачи были созданы и рассмотрены 4 модели множественной регрессии, т. к. в качестве зависимых переменных в данном исследовании были выбраны такие виды агрессивности, изучаемые опросником «АСО» А. И. Тащёвой, как: гетероагрессия, аутоагрессия, вербальная и поведенческая агрессия [9].

В качестве независимых переменных были выбраны все остальные психологические характеристики, изучаемые в данной работе.

Множественный регрессионный анализ был реализован с помощью прямого пошагового метода.

Множественный регрессионный анализ был осуществлен для зависимой переменной «аутоагрессия» с независимыми переменными «полнезависимость», «эгоцентризм», «робость/смелость», «заниженная самооценка» и «экстраверсия».

Выявлено, что выбранная нами модель статистически значима ($F = 14,9$, при $p < 0,0001$), коэффициент множественной корреляции (R) находится в пределах $0,91$, а коэффициент множественной детерминации (R^2), соответственно, равен $0,82$, следовательно, перечисленные выше независимые переменные детерминируют проявление гетероагрессии у детей 8 лет на 82% . К тому же, анализ β -коэффициентов показал, что чем выше будут проявления полнезависимости ($\beta = 0,27$), эгоцентризма ($\beta = 0,21$), робости ($\beta = 0,19$), заниженной самооценки ($\beta = 0,34$), экстраверсии ($\beta = 0,26$), тем выше будет проявление гетероагрессии у таких детей.

Множественный регрессионный анализ для зависимой переменной «аутоагрессия» с такими независимыми переменными, как: «полнезависимость», «соревновательная стратегия поведения в конфликте», «энергичность/сдержанность» и «самопринятие», показал, что данная модель статистически значима ($F = 6,7$, при $p < 0,0001$), коэффициент множественной корреляции находится в пределах $0,76$, а коэффициент множественной детерминации, равный $0,58$, указывает на то, что данная модель детерминирует проявления аутоагрессии только на 58% . Анализ β -коэффициентов свидетельствует о том, что чем выше будут проявления полнезависимости ($\beta = 0,45$), соревновательной стратегии поведения в конфликте ($\beta = 0,44$), энергичности ($\beta = 0,3$) и завышенного самопринятия ($\beta = 0,23$), тем выше будет проявление аутоагрессии у этих детей.

Множественный регрессионный анализ для зависимой переменной «вербальная агрессивность» и ряда независимых переменных («полнезависимость», «робость/смелость», «заниженная самооценка», «экстраверсия» и «интрапунитивная направленность реакций») обнаружил, что данная регрессионная модель статистически значима ($F = 8,2$, при $p < 0,0001$), коэффициент множественной корреляции равен $0,82$, а коэффициент множественной детерминации, равный $0,68$, указывает на то, что данная модель детерминирует проявления вербальной агрессивности на 68% . Анализ β -коэффициентов показал, что чем выше будут проявления полнезависимости ($\beta = 0,43$), робости ($\beta = 0,21$), заниженной самооценки ($\beta = 0,24$) и высокого уровня экстраверсии ($\beta = 0,23$), при снижении числа реакций интрапунитивной направленности ($\beta = -0,25$), тем выше будет проявление вербальной агрессивности у детей 8 лет.

И, наконец, множественный регрессионный анализ для зависимой переменной «поведенческая агрессивность» и следующих независимых переменных: «полнезависимость», «заниженная самооценка», «конформизм», «экстраверсия», «самопринятие», «стратегия избегания в конфликте» и «оптимизм» – позволил утверждать, что и эта модель статистически значима ($F = 13,6$, при $p < 0,0001$), коэффициент множественной корреляции находится в пределах $0,91$, а коэффициент множественной детерминации равен $0,82$, поэтому данная модель детерминирует проявления поведенческой агрессивности на 82% . Анализ β -коэффициентов показал, что чем выше будут проявления полнезависимости ($\beta = 0,54$), заниженной самооценки ($\beta = 0,41$), экстраверсии ($\beta = 0,4$), стратегии поведения в конфликте по типу избегания ($\beta = 0,2$) и оптимизма ($\beta = 0,29$), при снижении проявлений конформизма ($\beta = -0,49$) и уровня самопринятия ($\beta = -0,31$), тем выше будет проявление поведенческой агрессивности у детей 8 лет.

Таким образом, в данном исследовании были выявлены: типичные способы поведения детей 8 лет во фрустрирующих ситуациях; общие половые особенности реакций детей на конфликт безотносительно их пола; специфические реакции в конфликте, с одной стороны, детей с повышенной и высокой агрессивностью, с другой стороны – детей с «нормативной» и низкой агрессивностью.

Обоснованно доказана зависимость проявлений агрессивности у детей 8 лет от других их психологических характеристик, особенно – от полнезависимого поведения в конфликтах, от уровня экстраверсии и заниженной самооценки. В то же время была обнаружена наиболее слабая детерминация такого вида агрессивности, как аутоагрессия (агрессия, адресованная себе), весьма своеобразным набором психологических характеристик: полнезависимостью, соревновательной стратегией поведения в конфликте, энергичностью и завышенной позитивностью самопринятия.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что полученные в ней результаты могут быть использованы психологами, педагогами и родителями для более эффективного взаимопонимания и взаимодействия с детьми 8 лет, а при необходимости – для разработки программы психологической коррекции, направленной на снижение уровня агрессивности мальчиков и девочек 8 лет.

Использованный в данном исследовании методический инструментарий может применяться для диагностики детей группы риска в отношении их «ненормативной» агрессивности, для отслеживания динамики эффективности психолого-педагогической коррекции и профилактики последней.

Литература

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб., 2001. – 512 с.
2. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 2001. – 352 с.
3. Бютнер К. Жить с агрессивными детьми. – М., 1991. – 144 с.
4. Ениколопов С. Н. Агрессивность как специфическая форма активности. – М., 2002. – 127 с.
5. Жарновецкая Н. Ю. Возрастно-половые особенности восприятия школьниками агрессивности одноклассников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – № 3 (20). – С. 96–101.
6. Лоренц К. Агрессия. – М., 2008. – 485 с.
7. Паренс Г. Агрессия наших детей. – М., 1997. – 152 с.
8. Тащёва А. И. Консультативная беседа: Учебное пособие. – Ростов н/Д, 2014. – 64 с.
9. Тащёва А. И. Опросник «Атрибутивное сопровождение общения» («АСО») // Энциклопедический словарь по психологии общения / Под общ. ред. А. А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Когито-Центр, 2013. – С. 543.
10. Тащёва А. И., Бедрединова С. В., Малышко Л. Н. Эмпирическое исследование личностных особенностей младших школьников из неполных семей в связи с их полом // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 7–10. – С. 153–155.
11. Тащёва А. И., Гриднева С. В. Личностные детерминанты совладающего со страхами поведения у детей 9–10 лет // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008. – С. 328–347.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М., 2006. – 640 с.
13. Шкурко Т. А., Балакина А. А. Особенности отношений к другим людям жителей городов Юга России, дифференцированных по территориально-пространственным параметрам проживания в городе // Российский психологический журнал. – 2015. – Т. 12. – № 1. – С. 91–100.
14. Tashcheva A., Gridneva S. Personal Determinants of Coping with Fears of Modern Children // 5-th International Conference on Education and Educational Psychology (ICEEPSY 2014), Kyrenia, Cyprus. Abstract Book / Eds. Z. Bekirogullari, M. Y. Minas. – Kyrenia, Future Academy, 2015. – P. 174.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

**Бедрединова Светлана Валерьевна
Тащёва Анна Ивановна
Шульц Евгения Олеговна**

В материалах приводится сравнительный анализ терминальных и инструментальных ценностей, жизненных сфер ценностей, характера определения жизненных смыслов и особенностей содержательной стороны смысложизненных представлений пожилых людей, осуществленный в 1989 и 2009 гг.

Объектом исследования выступили респонденты в возрасте от 60 до 75 лет, имеющие различное образование, семейное и социальное положение. Методический инструментарий исследования включил в себя «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Опросник терминальных ценностей», методику «Свободная семантическая оценка», тест С. Розенцвейга и Т. Лири, интервью для изучения особенностей смысложизненных представлений.

Основные результаты исследования показали, что выявленные представления о жизненных смыслах соответствуют ценностям и доминирующим жизненным сферам, свойственным данной возрастной группе. Смысложизненные представления пожилые люди видят в счастье близких, поддержании здоровья и в общении; они выступают как рационализации пройденного жизненного пути; имеются различия в смысложизненных представлениях у мужчин и женщин: женщины в большей степени ориентированы на сферу семейной жизни, чем мужчины, которые, наряду с семьей и воспитанием детей, видят смысл жизни в профессиональной деятельности и в приобретении общественного признания.

Полученные результаты исследования могут быть полезны психологам при оказании психологической помощи, если проблемой клиента является кризис, связанный со смыслом жизни; членам семей с пожилыми людьми для ознакомления с возрастными особенностями и проблемами престарелых; всем людям, интересующимся проблемой

смысла жизни.

Ключевые слова: *смысложизненные представления, жизненные смыслы, смысл жизни, ценностные ориентации, терминальные ценности, жизненные сферы, пожилой возраст, возраст старости, престарелые люди, портреты пожилых.*

Пожилым возрастом характеризуется множеством психологических изменений, интеллектуальным и эмоциональным «уходом» в собственный внутренний мир, в переживания, связанные с оценкой и осмыслением уже прожитой жизни, самого процесса старения [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15].

В качестве объектов исследования выступили 90 респондентов, условно разделенных по критерию пола на равные по объему группы, в возрасте от 60 до 75 лет, жители г. Ростова-на-Дону, имеющие различное образование, семейное и социальное положение.

Методический инструментарий был представлен опросниками «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Опросник терминальных ценностей», «Свободная семантическая оценка» и тестами С. Розенцвейга и Т. Лири, а также интервью для изучения особенностей смысложизненных представлений. Для оценки значимости различий использовался Т-критерий Стьюдента, для оценки степени связи жизненных смыслов и адаптированности пожилых людей применялся коэффициент ранговой корреляции Кендалла.

В среднем, время на опрос составляло 3,8 часа на одного респондента [11, 12].

Из пожилых людей 90 % не работают, 10 % (9 человек) продолжают работать в занимаемой ранее должности и по той же специальности. Уровень образования у данной категории респондентов оказался следующим: 6,7 % (6 человек) из числа опрошенных имеют начальное образование; 26,7 % (24 человека) – неоконченное среднее; 36,6 % (33 человека) – среднее и среднее специальное и 30 % (27 человек) – высшее образование; 93,3 % (84 человека) пожилых людей имеют семьи (состоят или состояли в браке и имеют детей), и вместе с тем, живых супругов имеют только 31,4 % (28 человек); остальные «семейные» пожилые люди семьей считают не нуклеарную, а расширенную семью: семью детей, внуков, племянников, своих братьев–сестер, с которыми они постоянно проживают. Только 6 человек (6,7 %) являются одиночками. Таким образом, большинство респондентов имеют средний и высокий образовательный и семейный статусы.

С помощью методики ценностных ориентаций М. Рокича были получены следующие *ЦО-портреты пожилых людей*: им свойственно доминирование

ценностей межличностных отношений и снижение значимости ценностей профессиональной самореализации. В то же время пассивные ценности статистически значимо ($p \leq 0,05$) преобладают над активными, а ценности непосредственно-эмоционального мироощущения – над интеллектуальными. Выявлено, что значимо высокие ранги имеют следующие ценности: «неприимчивость к недостаткам», «здоровье» и «терпимость».

Методикой ценностных ориентаций М. Рокича была диагностирована система значимых ценностей мужчин и женщин ($p \leq 0,01$).

У мужчин на первый план выходят такие ценности, как «свобода» и «общественное признание», у женщин – ценности «счастливая семейная жизнь» и «красота природы и искусства». Мужчины выше оценивают индивидуальные ценности («свобода», «активная деятельная жизнь», «уверенность в себе»), а женщины – ценности межличностных отношений («счастливая семейная жизнь», «любовь», «наличие хороших и верных друзей»). У женщин в большей степени, чем у мужчин, представлены «абстрактные» ценности («жизненная мудрость», «познание», «развитие»).

У мужчин значимо выше ранги инструментальных ценностей: «рационализм», «смелость в отстаивании взглядов» и «эффективность в делах», т. е. ценности самоутверждения. У женщин больше ценностей межличностного общения: «жизнерадостность», «чуткость», «аккуратность». Ценности профессиональной самореализации и интеллектуальные ценности представлены у мужчин и женщин в равной степени.

Эти данные оказались созвучными данным, полученным по методике «Опросник терминальных ценностей»: для мужчин более значимыми стали сферы профессиональной жизни и увлечений, а также ценность «собственный престиж».

Анализируя содержание данных методики «Свободная семантическая оценка» и интервью, авторы делают вывод, что как понятие «смысл жизни» рассматривается респондентами на трех различных уровнях:

1. Биологическом – смысл жизни как реализация биологического предназначения живого существа («Жизнь ради продолжения человеческого рода», «Смысл жизни – это то, ради чего рождается любое живое существо» (здесь и далее в кавычках, как правило, приведены дословные высказывания респондентов. – прим. авторов)).

2. Индивидуальном – смысл жизни как достижение поставленных конкретной личностью целей, задач, реализация и переживание жизненных ценностей («Смысл жизни – это реализация своих замыслов, целей», «Максимальное использование возможностей и способностей»).

3. Социальном – смысл жизни как выполнение человеком на высоком уровне отведенных ему обществом ролей и жизнь по установленным

социумом принципам («Жить и трудиться на благо Родины»).

Следует отметить, что пожилые люди (43,6 %) испытывали трудности обобщения личных смысложизненных представлений в понятия.

В результате анализа материала, полученного в ходе интервью, при определении опрашиваемыми личных жизненных смыслов нами были отмечены следующие случаи:

1. Наличие у респондента четкого представления о собственном смысле жизни и подчеркивание важности его роли для жизнедеятельности данного испытуемого (у 42,8 % опрошенных).

2. Наличие у опрашиваемого декларируемого смысла жизни, но отсутствие ощущения осмысленности жизни (у 4,4 %).

3. Жизнь респондента, по его выражению, «определенно имеет смысл», но он затрудняется его вербализовать (у 53,9 %).

При определении смысла жизни наблюдались высказывания такого рода: «Жить как все», «Вырастить сына, построить дом, посадить дерево» и т. п. Ответы давались без долгого обдумывания, и наблюдалась похожесть в формулировках. Смысложизненные представления респондентов в 62,7 % случаев были конкретными, содержали лишь 24,9 % индивидуальных вариаций, что может объясняться стереотипностью смысложизненных представлений в данном возрасте. В основном, это были рассуждения о настоящих ценностях, об их реализации, о духовном удовлетворении от реализации целей.

Испытуемые называли преимущественно один жизненный смысл, а не несколько, касающихся одной и той же или разных жизненных сфер.

Приведем обобщенный анализ интервьюирования.

Возрастом осознания смысла жизни пожилые люди называют «молодость» (приблизительно от 17 до 25 лет) и связывают с выбором профессии, началом самостоятельной жизни, браком, рождением детей, смертью родителей, службой в армии (33,3 %). 20,0 % опрошенных осознали смысл своей жизни после 30 лет. В качестве причины этого осознания называют брак, развод, смерть родителей или супруга, а также тяжелую болезнь, участие в военных действиях, суд, тюремное заключение, потерю имущества и т. п. 13,3 % опрошенных утверждают, что никогда раньше не задумывались над этим вопросом, а 33,3 % респондентов не помнят, когда произошло осмысление их жизни.

63,3 % считают, что смысл жизни у всех людей одинаков или схож с их собственным, 16,7 % настаивают на его индивидуальности, а 20 % считают, что схожесть жизненных смыслов только внешняя.

73,3 % говорят о важности осознания смысла жизни для целеполагания, соотнесения с ним своих действий. 16,7 % затруднились ответить, 10 % считают, что размышления по этому поводу излишни.

Опишем декларируемые респондентами жизненные смыслы пожилых

людей: 43,8 % названных жизненных смыслов относятся к различным сторонам семейной жизни; 30 % – к поддержанию своего здоровья; 23,3 % – к передаче своего жизненного опыта; 20 % – к общению с близкими и друзьями, а 16,7 % – к труду; 10 % опрошенных считают своим жизненным смыслом общественную деятельность.

Все заявленные респондентами жизненные смыслы были отнесены к четырнадцати категориям, на основании которых они могли быть сравнены.

Выявлено, что наибольшее количество пожилых респондентов видят своим жизненным смыслом семью (счастье в семье, взаимопонимание, воспитание детей и внуков, разнообразная помощь им), а также смыслы жизни, связанные с передачей своего опыта и «поддержание собственного здоровья».

Следовательно, выявленные нами представления о жизненных смыслах соответствуют ценностям и доминирующим жизненным сферам, свойственным людям данного возраста, а диагностированные нами направленности и субъективная вовлеченность в различные сферы деятельности в период старости соответствуют данным, полученным ленинградскими психологами под руководством В. А. Ядова, которые получили следующий ЦО-портрет пенсионеров ($n = 421$): «семья», «работа на производстве», «покой и отдых», «полезность людям и обществу», «хорошее здоровье» и т. д. [1, 2, 6, 7, 9, 11].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в обоих исследованиях отчетливо выделяются схожие индивидуалистические ценности пожилых.

Личный смысл своей жизни мужчины чаще всего определяют как связанный с пользой для окружающих и с построением карьеры, преуспеванием в работе (назвали 33,3 % респондентов), со счастьем семьи и близких, с воспитанием детей и внуков (26,6 %), с уважением, признанием окружающих, с использованием «даров» жизни (20 %), с личной свободой (13,3 %).

Большинство женщин видят смысл жизни в счастье в семье (36,7 %), в детях (26,7 %), в получении удовлетворения от того, что делаешь (23,3 %), в счастье с любимым человеком, в пользе для близких, свободе, интересных занятиях, реализации себя (по 13,3 % опрошенных).

Словом, женщины больше ориентированы на семью и на признание близких людей, тогда как мужчины наряду с семьей и воспитанием детей отдают предпочтение профессиональной деятельности и общественному признанию.

По данным литературы, более длительная и конфликтная адаптация к положению пенсионеров отмечается у лиц умственного труда, которые, имея прежде высокий социальный статус, высокую самооценку и несформировавшиеся навыки самообслуживания, выйдя на пенсию, не могут найти

приложения своим еще сохранившимся силам в соответствии с собственными представлениями [2, 6, 12]. Их духовные потребности зачастую не настолько развиты и значимы для них, чтобы изменить образ их мышления, отношение к окружающим и к социальной действительности применительно к новому статусу пенсионера. В похожем положении оказываются и пенсионеры с низким уровнем образования и квалификации, если их низкий социальный статус сочетался с выраженной психологической зависимостью от других людей. Лица же умственного труда с высоким образовательным и культурным уровнем, сложной когнитивной структурой, прочными навыками самообслуживания имеют широкий круг интересов и развитую сферу общения. У них фиксируется своеобразная картина видения мира и своего места в нем. Органические потребности значимы для них потому, что обеспечивают дальнейшее развитие их духовных потребностей. Вышесказанное укрепляет адаптационные возможности этих людей.

Результаты интервьюирования: отношение к старости у пожилых людей амбивалентно. Привлекательные характеристики старости: большое количество свободного времени (указали 53,3 % пожилых людей), общение с близкими (16,6 %), воспитание внуков (13,3 % респондентов), мудрость, передача жизненного и профессионального опыта (по 10 %), воспоминания (6,6 %).

Эти результаты расходятся с нашими данными о небольшом проценте положительных чувств, испытываемых престарелыми от общения с людьми [12, 13]. Однако выборка в упоминаемом исследовании состояла из одиноких пенсионеров, и осуществлялся опрос в 1989 г., «на закате перестройки» и во времена начинающейся инфляции и явного снижения внимания государства к судьбам пожилых людей.

В данном же исследовании большинство пожилых людей являются членами простых или расширенных семей, их возраст меньше, чем в упоминавшемся опросе, что, вероятно, и дает им больше возможностей для общения, для более оптимистичных настроений.

К числу поводов для негативных переживаний в пенсионном возрасте респонденты отнесли свое болезненное состояние (86,6 %), усталость и «отсутствие энергии и сил» (73,3 %), беспомощность и ненужность окружающим (70 %), падение материального уровня жизни (26,6 %).

Следует отметить, что в возрасте старости ничего положительного не видят 40 % пожилых людей. Однако страх перед старостью испытывают всего 16,6 % респондентов (соответственно у 83,3 % он отсутствует, т. к. старение отражает «естественный ход вещей, свойственный всему в природе»). При этом собственный возраст принимается престарелыми людьми как данность, хотя и называется часто в качестве причины для «дурного расположения духа».

Опасения 54,6 % пенсионеров связаны с внезапной потерей здоровья (как физического, так и психического), с ожиданием долгой мучительной смерти, страхом быть обузой для близких или остаться без должного ухода и лечения. Только 6,7 % опрошенных испытывают страх смерти как таковой.

Ощущение возраста у престарелых связано, во-первых, с состоянием их здоровья (отсутствие постоянно напоминающих о себе болезней снижает психологический возраст в среднем на 7–8 лет); во-вторых, с качеством взаимоотношений с родными и близкими (принятое пожилым человеком отношение опеки и заботы со стороны окружающих позволяет ему ощущать себя «старым и беспомощным», а необходимость заботиться и помогать другим людям «не дает» пенсионеру психологически стареть), и, в-третьих, возможностями проявления собственной активности в быту и в общественной деятельности (чем больше эта активность, тем человек «моложе»).

43,3 % опрошенных (39 человек, из которых 27 – женщины) откровенно рады факту выхода на пенсию.

76,6 % (69 человек) респондентов, оставляя прежнюю работу, возлагали на пенсионный период надежды, связанные с реализацией собственных планов, и только 10 % (9 человек) из них эти планы реализовали. Причинами такой неудачи пожилые люди считают плохое состояние своего здоровья и ухудшившиеся социально-экономические условия их жизни.

Принципы построения собственной жизни до ухода на пенсию престарелые видят таким образом: 6 % из указанных принципов относились к трудовой деятельности и прогрессивному развитию общества и 33,2 % касались семейной жизни. В настоящее время различные стороны семейной жизни (здоровье для помощи семье, материальная помощь детям, внукам, их воспитание) считают своим жизненным смыслом 53,3 % опрошенных пенсионеров, а производственную деятельность – 16,6 %.

Исследование зафиксировало существенные различия между тем, как престарелые люди отзываются о качестве своей жизни, их приспособленности к социальной действительности, с одной стороны, и объективными данными, которые дает тестирование, – с другой. Большинство пожилых испытывают психологический дискомфорт от разности представлений о своей социальной адаптированности, собственных ощущений и переживаний по этому поводу – они не выражают своей неудовлетворенности вовне, что приводит к недостаточному пониманию их со стороны ближайшего окружения и общества в целом. Это не совпадает с данными проведенного в 1989 г. конкретно-социологического исследования, упоминавшегося ранее [12, 13].

Выявлен низкий уровень GCR (group conformation rate – уровень приспособления индивида к социальному окружению) у 60 % пенсионеров.

Ранговый коэффициент корреляции М. Кендалла составляет 0.613, что позволяет сделать вывод о наличии прямой зависимости между успешностью адаптации и содержанием смысложизненных представлений пенсионеров.

Полученные нами результаты, в целом, соответствуют литературным данным относительно смысложизненных представлений в пожилом возрасте.

Основные результаты:

1. Выявленные нами представления о жизненных смыслах соответствуют ценностям и доминирующим жизненным сферам, свойственным данной возрастной группе.

2. Смысложизненные представления пожилые люди видят в счастье близких, поддержании здоровья и в общении; они выступают как рационализации пройденного жизненного пути. Наличие компенсаторной функции смысла жизни коррелирует с уровнем социальной адаптации личности.

3. Имеются различия в смысложизненных представлениях у мужчин и женщин: женщины в большей степени ориентированы на сферу семейной жизни, чем мужчины, которые, наряду с семьей и воспитанием детей, видят смысл жизни в профессиональной деятельности и в приобретении общественного признания.

Приведенные сведения, включая методический инструментарий, могут быть полезны психологам при оказании психологической помощи, если проблемой клиента является кризис, связанный со смыслом жизни; социальным и медицинским работникам для оптимизации их профессиональной деятельности за счет лучшего понимания пожилых людей, максимального поощрения их продуктивной активности, общения, психологической автономности; членам семей с пожилыми людьми для ознакомления с возрастными особенностями и проблемами престарелых, создания им психологического комфорта; всем гражданам, интересующимся проблемой смысла жизни [9].

Литература

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Рудакова И. А.* Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия для магистрантов педагогики и психологии. – М., 2014. – 430 с.
2. *Абакумова И. В., Левшина А. А.* Смысложизненные стратегии активного социального поведения // Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни. Материалы всероссийской психологической конференции с международным участием. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 10–12.
3. *Анцыферова Л. И.* Поздний период жизни человека; типы старения

- и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 6. – С. 60–71.
4. *Бороздина Л. В., Молчанова О. Н.* Особенности самооценки в позднем возрасте // Вестник МГУ. Психология. – 1988. – № 1. – С. 41–52.
 5. *Гриднева С. В.* Развитие коммуникативной компетентности каждого члена семьи – одно из эффективных средств профилактики идеологии экстремизма и терроризма // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 47–51.
 6. *Гриднева С. В., Тащёва А. И.* Смысложизненные представления людей пожилого возраста // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – Т. 12. – № 3. – С. 37–42.
 7. *Гриднева С. В., Тащёва А. И.* Эмпирическое исследование смысложизненных представлений в пожилом возрасте // Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни. Материалы всероссийской психологической конференции с международным участием. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 41.
 8. *Краснова О. В.* «Мы» и «Они»: эйджизм и самосознание пожилых людей // Психология зрелости и старения. – 2000. – № 3. – С. 18–36.
 9. *Крутелёва Л. Ю., Абакумова И. В.* Перспективы исследования смысложизненных стратегий личности // Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни. Материалы всероссийской психологической конференции с международным участием. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 71–72.
 10. Психология старости и старения. Хрестоматия: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М.: Академия, 2003. – 416 с.
 11. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1974. – 264 с.
 12. *Тащёва А. И.* Концепция организации психологической помощи одиноким людям пожилого возраста в структуре Министерства труда и социального развития // Психология зрелости и старения. – 1998. – № 4. – С. 75–87.
 13. *Тащёва А. И.* Психолог в территориальном центре // Социальное обеспечение. – 1995. – № 10. – С. 12–16.
 14. *Шавкова У. Г.* Влияние понимания смысла жизни на переживание старения пожилыми людьми // Психология зрелости и старения. – 2001. – № 3. – С. 91–99.
 15. *Tashcheva A., Gridneva S.* Personal Determinants of Coping with Fears of Modern Children // 5-th International Conference on Education and Educational Psychology (ICEEPSY 2014), 22–25 October, Cyprus. Abstract

Book / Z. Bekirogullari, M. Y. Minas (eds.). – Kyrenia: Future Academy, 2015. – P. 174.

УДК 159.9.072.43

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ И МИРЕ У СТУДЕНТОВ–ПСИХОЛОГОВ

*Васильева Ольга Семеновна
Грачева Надежда Михайловна*

В статье обосновывается актуальность исследования субъективной картины мира, целостных представлений о себе и мире для понимания того, какие факторы влияют на формирование проактивной личности, особенно что касается специалистов, работающих в профессии «человек–человек». Приводятся результаты эмпирического исследования представлений о себе и мире, моделей мира у студентов–психологов второго года обучения. Проанализированы представления о себе, особенности самоидентификации, характеристики мира, в котором живут респонденты, отношение к основным сферам жизнедеятельности. Выявлена тенденция постепенного перехода от негативного мировосприятия и соответствующих характеристик мира, в котором живет респондент, к позитивному в зависимости от отношения и восприятия родителей.

Новизна исследования заключается в том, что с помощью контент-анализа ответов респондентов и математических методов, на основе корреляций дополнены характеристики моделей мира, предложенные В. М. Смирновым. Так, человеку с хаотической моделью мира свойственно негативное отношение к отцу и вообще лицам мужского пола, отрицательное отношение к своему прошлому и низкая осмысленность жизни. Антагонистической модели соответствуют сложности в отношении целей. Механистической свойственно приятие семьи и семейных ценностей. Организмической модели мира свойственно культивирование надситуативных ценностей, что стимулирует ее обладателей к работе над собой. Выявлена значительная роль отношения к отцу и матери в формировании тех или иных особенностей картины мира. Представлен анализ гендерных особенностей представлений о себе и мире, в частности, в отношении к семье и противоположному полу.

Ключевые слова: картина мира, модель мира, отношение, родители, хаотическая модель, антагонистическая модель, механистическая модель, организмическая модель.

Реалии сегодняшнего мира говорят нам о том, что зачастую многие процессы в социуме и в мире зависят от взглядов и позиции конкретного

человека, обладающего определенным влиянием, от его способности следовать своим представлениям о себе и мире в противовес иногда сильному давлению со стороны. В этой ситуации важна не только сама способность занять проактивную позицию в самореализации [22], но и то, какие взгляды и представления будут руководить поведением этого человека. Быть проактивным означает, что человек осознал свои глубинные ценности и цели и действует в соответствии со своими глубинными принципами [15]. Какова субъективная картина мира, исходя из которой он выстраивает отношения во внешнем мире? Каковы настроения, обуславливающие значимость тех или иных ценностей, на базе которых организуется пространство взаимодействия? По мнению целого ряда исследователей, проблема соотносительности личностных смыслов, целей и ценностей может оставаться актуальной для человека на протяжении всей его жизни [7, 11, 16, 19, 24]. От того, какие акценты и настроения будут характерны для представлений о себе и мире в среде потенциальных специалистов по работе с людьми, во многом зависит то, какие ценности и приоритеты будут культивироваться в обществе. И собственно то, каким будет наше общество через некоторое время [7].

Тема актуальна и в ряде исследований изучается с разных сторон и на разных уровнях (Г. М. Андреева, И. Я. Березная, Г. Н. Васильев, В. А. Ганзен, Р. М. Грановская, Г. Г. Дилигенский, Е. В. Егорова, А. Л. Леонтьев, С. Московичи, А. П. Наминач, В. Ф. Петренко, В. В. Петухов, Т. И. Ронгинская, С. Д. Смирнов, В. В. Столин, В. Франкл, Е. Б. Шестопал и др.). Так, с опорой на субъектный подход, разработанный в отечественной психологии С. Л. Рубинштейном, А. В. Брушлинским, К. А. Абульхановой и др., Т. П. Емельяновой было эмпирически и теоретически доказано, что существуют определенные социально-психологические факторы, или, в терминологии автора, внутренние условия жизнедеятельности коллективного субъекта, которые значимо связаны с характеристиками их социальных представлений. В частности, обнаружен надежный факт акцентирования морально-нравственных составляющих социальной жизни в социальных представлениях россиян, в отличие от тенденции рационализации общественных явлений, выявленной западно-европейскими исследователями [5].

В исследовании «человеческого капитала», проводившемся в 2007–2009 гг. А. И. Юрьевым, И. С. Буриковой, М. А. Коноваловой, М. А. Пушкиной, в последнем варианте технического задания картина мира исследователями относится к индикаторам адаптации человека к глобальным изменениям. При этом способность к обучению связывается со способностью формировать новую картину мира, позволяющую находить новые пути к достижению своих целей. То есть картина мира понимается не только как данная фиксированная

отраженная картина реальности, но и как карта, позволяющая определить место положения и задать направление дальнейшего развития [3].

В связи с этим существует необходимость изучения того, как индивидуально-психологические особенности опосредуют влияние социально-психологических факторов на процесс построения и развития субъективной картины мира, и какие факторы являются ключевыми в ее формировании. Этим обусловлена актуальность нашего исследования. В данной статье мы приводим результаты одного из этапов исследования, посвященного представлениям о себе и мире у молодежи.

Целью нашего исследования мы ставим прояснить качественные особенности представлений о себе и мире, составляющих субъективную картину мира, а также расширить представление об особенностях миропонимания на основе моделей мира, разработанных В. М. Смирновым.

Исследование проводилось среди студентов второго курса факультета психологии Южного федерального университета, в нем приняло участие 72 человека, среди которых 62 девушки и 10 юношей.

Практическое исследование включало: тест «Кто я?» М. Куна; модифицированный самоотчет «Мой мир: 20 из 80» и методику «Незаконченные предложения» Д. Сакса, модифицированную для студентов; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; опросник «Социально-психологический анализ индивидуальной модели мира» (СПАИММ) В. М. Смирнова [9, 10, 11, 14, 18]. Для обработки результатов опроса использовался контент-анализ текстового материала, критерий Манна–Уитни для выявления значимости различий в группах, коэффициент корреляции Спирмена для поиска взаимосвязи характеристик (использовали программу Statistica 6).

Перейдем к анализу результатов по методикам. Остановимся сначала на методике «Незаконченные предложения», т. к. собственные, свободные ответы респондентов способны раскрыть большое количество нюансов их представлений о себе и мире (собственная интерпретация, эмоциональная окраска, особенности взаимоотношений). Ответы испытуемых дают представление о их специфических взглядах по таким категориям, как: отношение к отцу, отношение к себе, нереализованные возможности, отношение к будущему, страхи и опасения, отношение к друзьям, отношение к своему прошлому, отношение к лицам противоположного пола, отношение к лицам женского пола, отношение к лицам мужского пола, отношение к семье, отношение к матери, чувство вины, представления о мире.

В результате количественного анализа, предполагающего предварительную экспертную оценку эмоциональной насыщенности каждого предложения, определились сферы, в которых преобладают положительные установки (положительный опыт, положительное восприятие, положительные

ожидания), и области, в которых преобладают установки, близкие к отрицательным или отрицательные (негативный опыт, отрицательное восприятие, отрицательные ожидания). Эти оценки складываются в индивидуальный профиль, а качественный анализ позволяет определить вероятную причину проблемных областей, наличие определенной эмоциональной связи с предметом обсуждения и соответствующего опыта, убеждений, ожиданий. Наиболее очевидной проблемной областью являются отношения с отцом. В 60 % случаев есть основания судить о том, что респонденты живут в неполных семьях либо при живом отце, либо по причине его смерти. В конце статьи описаны некоторые результаты корреляций по шкалам методики «Незаконченные предложения» в группах девушек и юношей.

Рассмотрим результаты работы с тестом «Кто Я?», которая вызвала некоторые затруднения у респондентов. В основном это было связано с количеством ответов, которое нужно было дать. Нормой в работе с этим тестом считается, когда респондент дает 14 и более ответов. В нашем случае 17 % респондентов дали меньшее количество ответов. Выяснилось, что причиной этого может быть отношение к прошлому и чувство вины, т. к. есть значимые различия между теми, кто дал требуемое количество ответов, и теми, у кого это вызвало затруднения по шкалам теста–опросника «Незаконченные предложения»: «отношение к своему прошлому» ($p = 0,02$) и «чувство вины» ($p = 0,03$).

Тест «Кто Я?» выявил некоторые затруднения с половой идентификацией (один из основных критериев в этой методике). Так, в ответах 3 девушек вообще данная характеристика отсутствует, по ответам невозможно определить половую принадлежность без дополнительных сведений. При этом ответы одной из этих девушек носят явно негативный эмоциональный оттенок («кусок мяса», «создание с ногами», «человек, который живет не в том времени, где ему логично было бы жить»). Шесть юношей не обозначили принадлежность к своему полу напрямую, а только посредством окончаний и обозначения ролей. Остальные отметили принадлежность к социальной группе соответственно женщин и мужчин напрямую и косвенно, через окончания и обозначение ролей.

Чаще всего респонденты давали характеристику себя как субъекта социальной системы (семья, общество), субъекта общения и деятельности. Довольно большое количество ответов, данных девушками, носит абстрактный характер («посланик», «жизнь», «природа», «воздух», «свет», «любовь»), описывает качества («женственность», «свежесть», «искренность»). Юноши идентифицируют себя часто как представители Homo sapiens, как биологический вид, у них чаще встречаются характеристики себя как обладателя того или иного физического качества («кареглазый», «белокожий», «красивый», «блондин», «шатен», «подтянутый», «бледнокожий», «высокий»). Ответы

молодых людей давались в настоящем времени, девушки в 31 % анкет связывали свое будущее с профессией и ролью матери, жены. Ответов в прошедшем времени не было. Судя по ответам, многие респонденты находятся в экзистенциальном поиске: поиске смысла существования, поиске себя. Это может быть напрямую связано с тем, что респонденты выбрали в качестве направления для своей профессиональной специализации психологию как один из путей решения этой внутренней задачи.

Методика «Мой мир: 20 из 80» нами была проведена в два этапа. На первом этапе предлагалось выбрать 20 характеристик, которые бы описывали мир, в котором живет испытуемый. На втором этапе – из 20 отмеченных выбрать 5 главных характеристик, описывающих мир.

Основываясь на характеристиках мира, в котором живут респонденты, мы поделили их на три группы по наличию позитивных и негативных описаний. В первую группу вошли те, чей мир характеризуется исключительно положительными прилагательными. В третью – те, кто характеризует мир как «грязный», «дисгармоничный», «жестокий», «искусственный», «фальшивый» и т. д. Во вторую группу попали анкеты тех, кто находится посередине, отметив и положительные и отрицательные характеристики мира.

Сравнив первую и третью группы, где различия соответственно более яркие, по результатам теста-опросника «Незаконченные предложения» мы получили вполне ожидаемые значимые различия по шкалам «отношение к себе» ($p = 0,00$), «отношение к лицам мужского пола» ($p = 0,00$), «отношение к семье» ($p = 0,00$), «отношение к матери» ($p = 0,00$), «представления о мире» ($p = 0,00$). По шкале «отношение к отцу» $p = 0,056$. То есть, отношение к миру непосредственно обуславливается отношением к значимым лицам – отцу, матери и самому себе. Чем лучше отношения с матерью и отцом (или отношение к ним), тем гармоничнее и доброжелательнее мир респондентов. По шкале «страхи и опасения» коэффициент « r » равен 0,050602, т. е. можно говорить о тенденции различий и о зарождении или присутствии страхов и опасений вследствие негативных отношений или негативного восприятия значимых фигур. Сравнение первой и второй групп выявило значимые различия по шкалам «отношение к себе» ($p = 0,00$), «отношение к семье» ($p = 0,04$) и «представления о мире» ($p = 0,01$). Сравнение второй и третьей групп показало значимые различия по отношению к семье, к матери и относительно представлений о мире. В данном случае можем сделать вывод о значимости фигуры матери в формировании позитивного отношения к миру и восприятию его более гармоничном. Очевидна тенденция постепенного перехода от позитивного мировосприятия к негативному в соответствии с ухудшением восприятия и отношения к родителям.

Сравнение результатов этих групп по тесту СЖО тоже выявило значимые различия. Сравнение первой и второй групп выявило значимые различия по шкалам «процесс» ($p = 0,03$), «результат» ($p = 0,00$), «локус контроля Я» ($p = 0,00$), «локус контроля жизнь» ($p = 0,03$). То есть, насыщенность жизни, удовлетворенность самореализацией, общее мировоззренческое убеждение в том, что есть возможность управлять своей жизнью и создавать события жизни, а также вера в собственные силы в этом вопросе напрямую связаны с представлениями о мире, с тем, как человек характеризует мир, в котором он живет, на что обращает внимание, что ставит на первое место (т. к. предлагалось выбрать главные характеристики мира).

Сравнение первой и третьей групп выявило значимые различия по шкалам «процесс» и «результат» ($p = 0,01$). То есть, воспринимает ли испытуемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, насколько продуктивна и осмысленна ее прожитая часть, соотносится с тем, каким воспринимается мир.

Перейдем к результатам по тесту СПАИММ (социально-психологические аспекты индивидуальной модели мира). Индивидуальная модель мира – это система представлений человека об окружающей действительности, о себе, о своих отношениях с этой действительностью. Она включает в себя такие знания субъекта, к которым он апеллирует как к истинным и объективным. В нашей выборке хаотическая модель мира встретилась у 8 респондентов, максимально выраженная – у 4-х. Антагонистическая модальность у 2 испытуемых выражена сильно. Механистическая модальность у 4 респондентов выражена средне. Организмическая модальность миропонимания – у 57 человек (у 2-х низкое значение, у 39 – среднее и 16 – максимальное). Таким образом, наиболее распространенной является организмическая модель мировосприятия.

В результате корреляционного анализа выяснили следующие взаимосвязи:

1. Взгляды, соответствующие хаотической модели мира, коррелируют с отрицательными (негативно окрашенными) представлениями о мире ($R_s = -0,34$, $p = 0,00$), негативным отношением к отцу ($R_s = -0,27$, $p = 0,01$) и лицам мужского пола ($R_s = -0,37$, $p = 0,00$), неудовлетворительным отношением к своему прошлому ($R_s = -0,42$, $p = 0,00$). Если рассматривать корреляции со шкалами теста СЖО, то отрицательная корреляция есть в отношении цели ($R_s = -0,31$, $p = 0,00$), по шкале «процесс» ($R_s = -0,44$, $p = 0,00$), в отношении результата ($R_s = -0,33$, $p = 0,00$), «локус контроля Я» ($R_s = -0,30$, $p = 0,01$), «локус контроля жизнь» ($R_s = -0,45$, $p = 0,00$) и общего уровня осмысленности жизни ($R_s = -0,41$, $p = 0,00$). То есть – со всеми шкалами теста.

2. Антагонистической модели мира соответствуют негативное отношение к лицам мужского пола ($R_s = -0,30$, $p = 0,00$), лицам противоположного

пола ($R_s = -0,29$, $p = 0,01$), к отцу ($R_s = -0,30$, $p = 0,00$). В связи с тем, что у нас выборка в основном состоит из представительниц женского пола, можно сделать очень серьезный вывод о том, что неприятие мужской фигуры, негативное отношение к ним напрямую связаны с развитием таких черт, как критичность, неприятие, склонность к конфликтам и противостоянию, как открытому, так и внутреннему, не только с мужчинами, но и со всем миром. Это подтверждается и контент-анализом, в частности тем, что в описании позитивного образа себя и образа женщины используются такие формулировки, как: «добьюсь», «сильная духом», «целеустремленная» (в контексте победы, т. е. противостояния). При этом очевидна несогласованность, нецелостность картины мира, т. к. наряду с желанием добиваться результатов, выстраивать карьеру, негативными характеристиками лиц мужского пола, есть цель быть счастливыми в браке, создание любящей семьи. Возникает вопрос: каким образом? С большой вероятностью можно прогнозировать возникновение проблем в выстраивании отношений с противоположным полом и разочарование в плане реализации намерения по созданию благополучной семьи, если не будет осознано внутреннее противоречие, лежащее в его основе [4]. В результате выявления корреляций со шкалами теста СЖО выявилась отрицательная связь с шкалой «цели» ($R_s = -0,23$, $p = 0,04$), т. е. можно предположить, что если человек настроен на борьбу с миром и поиск врага, то он теряет собственное направление, теряет время и силы на противопоставление себя тому, что есть, расходует внимание на реагирование (реактивный тип взаимодействия) вместо того, чтобы создавать свой план и будучи проактивным (видящим свой смысл и направление) его реализовывать.

3. Механистическая модель мира положительно коррелирует с отношением к семье ($R_s = 0,26$, $p = 0,03$), скорее всего это связано с представлениями о выполнении определенных ролей и задач, связанных с обеспечением совместного проживания. Мы не выявили корреляций ни с одной из шкал теста СЖО, что на самом деле тоже информативно: нашим респондентам не свойственно механистичное мышление в плане осмысленности жизни, ее целей и возможностей самореализации.

4. Организмическая модель мира положительно коррелирует с отношением к себе ($R_s = 0,27$, $p = 0,02$), отношением к своему прошлому ($R_s = 0,37$, $p = 0,00$), отношением к семье ($R_s = 0,34$, $p = 0,00$), отношением к матери ($R_s = 0,29$, $p = 0,01$). Это согласуется с основой организмической модели – принятием многообразия мира во всех его проявлениях. Корреляционный анализ со шкалами теста СЖО выявил положительную взаимосвязь со шкалой «цели» ($R_s = 0,38$, $p = 0,00$), шкалой «локус контроля Я» ($R_s = 0,35$, $p = 0,00$), «локус контроля жизнь» ($R_s = 0,35$, $p = 0,00$) и общей осмысленностью жизни

($R_s = 0,36$, $p = 0,00$). Интересно, что не выявлено корреляции со шкалами «процесс» и «результат», хотя по шкале «результат» значение $p = 0,07$ близко к значимому. Получается, что с одной стороны им важно наличие цели, но с другой они не привязаны к результату, а также, занимая активную позицию в жизни, наблюдая многообразие жизни, ведя себя активно, они видят смысл происходящего за пределами ситуации – надситуативные ценности. Можно сказать, что такие люди ставят высокую цель, за пределами материальных ценностей, потому сложно охарактеризовать, возможно ли получать удовольствие от процесса ее достижения, т. к. экзистенциальные цели требуют постоянного совершенствования, что может иногда приводить к некоторой степени неудовлетворенности, но она другого порядка. Неудовлетворенность, как что-то негативное, а как осознание истинного положения вещей и стимул к дальнейшей работе над собой.

Мы сравнили результаты юношей и девушек по всем методикам. Выяснилось, что по методике «Незаконченные предложения» значимые различия имеются по отношению к отцу ($p = 0,00$), по отношению к будущему ($p = 0,03$), где девушки более позитивно настроены, при этом у девушек более выражено чувство вины ($p = 0,04$). Близки к значимым показатели по шкалам «отношение к лицам мужского пола», «отношение к семье», «представления о мире». Во всех случаях девушки более позитивно оценивают рассматриваемые аспекты.

Обнаружены значимые различия практически по всем шкалам теста СЖО, кроме шкалы «результат».

По методике СПАИММ обнаружены значимые различия по всем моделям, при этом юношам более свойственны хаотическая, антагонистическая и механистическая модели мира (во всех случаях $p = 0,00$), а девушкам – организмическая ($p = 0,04$).

Интересными на наш взгляд получились результаты по корреляции аспектов взаимоотношений и миропонимания, исходя из данных по методу «Незаконченные предложения». Их много, приведем лишь несколько для иллюстрации самых социально и личностно значимых.

Так, «отношение к отцу» взаимосвязано у юношей со страхами и опасениями ($R_s = 0,80$, $p = 0,00$), и представлениями о мире ($R_s = 0,79$, $p = 0,00$), что подтверждает ранее выявленное значение фигуры отца в процессе формирования картины мира. У девушек коррелирует с отношением к себе ($R_s = 0,33$, $p = 0,00$), шкалами «страхи и опасения» ($R_s = 0,28$, $p = 0,02$), «отношение к друзьям» ($R_s = 0,43$, $p = 0,00$), «отношение к лицам противоположного пола» ($R_s = 0,25$, $p = 0,04$), «отношение к лицам мужского пола» ($R_s = 0,56$, $p = 0,00$), «отношение к семье» ($R_s = 0,33$, $p = 0,00$), «отношение к матери» ($R_s = 0,37$, $p = 0,00$), «представления о мире» ($R_s = 0,36$, $p = 0,00$).

Из чего можно сделать вывод, что тенденция к снижению значимости семейных ценностей не появляется вдруг в новом поколении, а формируется постепенно через снижение уровня отношений и взаимопонимания между родителями и детьми. Чем лучше отношения между детьми и родителями, тем лучше люди будут относиться к семейным традициям.

Интересным оказалось то, что у юношей отношение к друзьям отрицательно коррелирует с отношением к семье ($R_s = -0,78$, $p = 0,00$), т. е. чем лучше в семье и отношение к семье, тем хуже с друзьями, и наоборот. Так же отрицательно коррелирует с отношением к лицам женского пола ($R_s = -0,71$, $p = 0,01$), но положительно – с отношением к матери ($R_s = 0,67$, $p = 0,03$). Конечно, в основном речь при ответах шла о родительской семье, но взгляды сформированы и так или иначе будут оказывать влияние на формирование своей семейной жизни. Можно предположить, учитывая то, что им более свойственна механистическая модель мира, что семья для них существует как организация, где чувства и предпочтения на втором плане. А возможно, если они определились с тем, с кем строить семейные отношения, то остальные представительницы противоположного пола перестают их интересовать. И наоборот, если хорошие отношения с ними, то хуже отношение к семье. При этом образ матери и отношения с ней способны повлиять на образ семьи и отношение к семье. Это сформировалось, в частности, в связи с тем, что много неполных семей, и мать, собственно говоря, – и есть семья, потому отношение к семье – это отношение к матери. Но корреляция не стопроцентная, поэтому есть еще факторы, которые вмешиваются в эту диаду.

У девушек «отношение к друзьям» отрицательно коррелирует с чувством вины ($R_s = -0,30$, $p = 0,01$), т. е. чем лучше отношения с друзьями, тем ниже чувство вины, что говорит о том, что одиночество и отделенность формирует комплекс, связанный с агрессией, направленной на самого себя. Конечно, у чувства вины могут быть причины, но от невротического чувства, ни на чем не основанного, лучше избавляться, т. к. это может повлечь за собой ряд негативных влияний на все аспекты жизни [8].

Выводы

Представления о себе и мире формируют определенную модель миропонимания и взаимодействия с ним. Проведенное нами исследование позволило расширить представление о том, какие значимые аспекты влияют на то или иное миропонимание и мировидение. В частности, выявлена значительная роль фигур отца и матери в имеющемся представлении о себе и мире. Очевидна тенденция постепенного перехода от позитивного мировосприятия к негативному в соответствии с ухудшением восприятия и отношения к родителям.

С одной стороны, это не новость, что родители оказывают значительное влияние на формирование первичных представлений о себе и мире, но в нашем случае речь идет о людях, уже выбравших свое направление, и по многим классификациям они способны выстраивать собственную картину мира.

Респондентам с хаотичной моделью мира свойственны негативное отношение к отцу и вообще лицам мужского пола, отрицательное отношение к своему прошлому и низкая осмысленность жизни, что подтверждает предположение автора классификации моделей миропонимания о том, что к формированию хаотической модели мира может привести какая-то критическая стрессовая ситуация в жизни человека, провоцирующая внутреннее переживание и растерянность, что проявляется во многих сферах жизнедеятельности.

Респондентам с антагонистической моделью мира свойственно негативное отношение к лицам мужского пола, лицам противоположного пола и к отцу. Мы выявили то, что реализуя себя в противостоянии миру, человек может потерять свою собственную цель, либо будет испытывать сложности с ее определением.

Респондентам с механистической моделью мира свойственно положительное отношение к семье. При этом они сдержанны в проявлении чувств, принимают страдание как неотъемлемую часть жизни.

Респондентам с организмической моделью мира свойственны положительное отношение к себе, к своему прошлому, к семье, к матери, высокая общая осмысленность жизни, четкое понимание своих целей и вера в свои силы, т. е. проактивная позиция.

Заключение

Если человек уделяет большое внимание негативным аспектам окружающей действительности, если концентрируется на них и борется с ними, то теряет свою собственную направленность, цель. Соответственно, нарастает неудовлетворенность, и это приводит к появлению представлений о мире как хаотичном, непредсказуемом. А так как, в свою очередь, индекс удовлетворенности коррелирует с уровнем осмысленности жизни стопроцентно, можно сказать, что человек вынужден будет переосмысливать мир и себя в нем, чтобы занять устойчивое положение и реализоваться. Конечно, на нашем жизненном пути то и дело возникают кризисные моменты, приводящие к переоценке ценностей и значимых составляющих нашей жизни. Тем не менее, есть принципиальные вещи, взаимоотношения с которыми могут помочь удержать баланс гармоничного существования в мире. К этим ценностям относятся взаимоотношения с родителями, отношение к себе. При

этом восприятие отца, положительное к нему отношение поможет снизить уровень противостояния миру, увеличит шансы гармоничного взаимодействия с миром. Фигура матери, отношение к ней взаимосвязаны с принятием многогранности мира и способностью открыть тот уровень безусловной любви, который так необходим каждому человеку для счастливой, гармоничной и проактивной жизни.

Литература

1. *Андреева Г. М.* Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 31–41.
2. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003. – 109 с.
3. *Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И.* Опыт психологического измерения человеческого капитала. Монография. – СПб., 2009.
4. *Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. – М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – 332 с.
5. *Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 400 с.
6. *Знаков В. В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 2. – С. 95–106.
7. *Знаков В. В., Рябикова З. И.* Субъект, личность и психология человеческого бытия. – М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – 384 с.
8. *Ильин Е. П.* Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2011. – 701 с.
9. *Казачкова В. Г.* Метод незаконченных предложений при изучении отношений личности // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 154–157.
10. *Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
11. *Малюченко Г. Н., Смирнов В. М.* Социально-психологический анализ целостных представлений о мире. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 156 с.
12. *Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.
13. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
14. *Правник Д. Ю.* Гендерная вариативность образа мира личности: дисс. ... канд. психол. наук. – Петропавловск-Камчатский, 2007. – 248 с.
15. Проактивность / Википедия // URL.: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%C%F0%E0%EA%F2%E8%E2%ED%EE%F1%F2%FC>

16. Психология индивидуальных различий / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М.: КноРус, ЧеРо, 2000. – 776 с.
17. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2009. – 713 с.
18. *Румянцева Т. В.* Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Тест «Кто Я?». – СПб., 2006. – С. 82–103.
19. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 2006. – 321 с.
20. *Adler A.* What life should mean to you. – London: George Allen and Unwin, 1980. – 300 p.
21. *Dweck C. S.* Self-theories: Their role in motivation, personality and development. – Philadelphia, 1999.
22. *Frankl V. E.* Man's Search For Ultimate Meaning Hardcover. – Cambridge, Massachusetts: Perseus Publ., 1997. – 222 p.
23. *Hess E. P., Bridgwater C. A., Bornstein P. H.* Situational determinants in the perception of assertiveness: Gender-related influences // *Behav. Ther.* – 1980. – no. 11. – pp. 49–58.
24. *Rogers C. R.* Becoming partners: Marriage and its alternatives. – New York: Delacorte Press, 1972.

УДК 159.9.072.43

ТИПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЗИТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРИНЯТИЮ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ ИЗ УКРАИНЫ

**Гришина Анастасия Васильевна
Лунин Сергей Леонидович**

В статье описывается проводимое в данный момент исследование типов этнической идентичности и этнических стереотипов российской молодежи и их влияния на отношения с вынужденными мигрантами из Украины. Во вступительной части статьи приводится актуальность проводимого исследования и дается краткая характеристика изменений в миграционной ситуации в РФ в 2014 г. В основной части статьи раскрываются понятия этнической идентичности и этнических стереотипов, которые описываются в контексте межэтнических отношений. Приводится классификация типов этнической идентичности Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой: гипоиентичность, позитивная этническая идентичность и гиперидентичность. Далее раскрываются понятия этнический образ и этнический стереотип, дается описание типа личности, наиболее склонной к усвоению и распространению этнических предрассудков и формированию этнических стереотипов.

Рассматриваются основные трудности, с которыми вынужденные переселенцы могут столкнуться в процессе социально-психологической адаптации на новом месте жительства. По мнению авторов, основа для успешной социальной и психологической интеграции у переселенцев из Украины есть, однако несмотря на это, уровень социального напряжения в отношении украинских мигрантов растет, межэтнические конфликты возникают все чаще. Для выявления основных причин этого противоречия было решено провести эмпирическое исследование отношения российских студентов к вынужденным мигрантам из Украины. Далее приводится описание организационного этапа исследования: сформулированы его цель, гипотезы и задачи, дано описание выборки и выбранного методического инструментария по сбору эмпирического материала, а также авторской анкеты. На основе полученных результатов планируется сделать выводы о зависимости готовности к позитивному принятию вынужденных мигрантов от типа этнической идентичности и уровня толерантности.

Ключевые слова: толерантность, этническая идентичность, гиподентичность, гиперидентичность, социальное напряжение, этнические стереотипы, этнические образы, автостереотипы, гетеростереотипы.

Актуальность исследования

Проблема миграции не теряет своей актуальности в современной России уже на протяжении нескольких десятилетий. Потоки вынужденных и трудовых мигрантов после распада СССР сменились вынужденными переселенцами с Северного Кавказа во время боевых действий в конце 90-х – начале 2000-х гг. За ними последовали потоки трудовых мигрантов из Средней Азии, численность которых значительно возросла в начале 2000-х и несколько снизилась в период экономического кризиса 2008 г. Политический конфликт в Украине в 2014 г. привел к очередному всплеску вынужденной миграции на территорию Российской Федерации.

По данным ФМС РФ увеличение численности населения за январь–октябрь 2014 г. сложилось за счет естественного и миграционного приростов. При этом миграционный прирост составил 86 % от общего прироста населения: на территорию России въехали три миллиона мигрантов, что на 20 % больше, чем в 2013 г. (таблица 1, таблица 2).

Таблица 1.

Общая характеристика миграционной ситуации в Российской Федерации

	Январь–октябрь 2014 г.		Справочно январь–октябрь 2013 г.	
	человек	на 10 тыс. человек населения	человек	на 10 тыс. человек населения
Миграция – всего				
прибывшие	3833849	315,1	3727760	307,0
выбывшие	3606589	296,4	3476092	286,3
миграционный прирост (+), снижение (-)	+227260	+18,7	+251668	+20,7
в том числе: международная миграция с государствами– участниками СНГ				
прибывшие	422080	34,7	358408	29,5
выбывшие	215806	17,7	126606	10,4
миграционный прирост (+), снижение (-)	+206274	+17,0	+231802	+19,1

Таблица 2.

Показатели международной миграции (по данным ФМС РФ)

	Январь–октябрь 2014 г.			Справочно январь–октябрь 2013 г.		
	число при- быв- ших	число выбыв- ших	мигра- ционный прирост (+), сни- жение (-)	число при- быв- ших	число выбыв- ших	мигра- ционный прирост (+), сниже- ние (-)
Международная миграция	470333	257162	+213171	406994	157069	+249925
в том числе: с государствами- участниками СНГ	422080	215806	+206274	358408	126606	+231802
в том числе: Украина	89850	27293	+62557	54339	21169	+33170

Поговорим о социально-психологических последствиях вынужденной миграции из Украины как для самих переселенцев, так и для принимающего населения.

В самом общем виде выделяют четыре типа отношений между двумя этническими группами: геноцид, ассимиляция, сегрегация и интеграция. С точки зрения психологической науки, геноцид – это крайнее проявление интолерантности к иной «картине мира» и образу жизни, доходящее иногда до стремления уничтожить представителей иной этнической культуры. Ассимиляция является более мягким проявлением интолерантности, предполагающим «принуждение» малой этнической группы (мигрантов) жить в соответствии с социальными нормами, культурными обычаями и традициями доминирующей группы. Добровольная ассимиляция, цель которой – выжить среди «других» – это стремление психологически защититься от возможной агрессии путем вхождения в более массовое и сильное «Мы», тем самым усиливая его позитивный образ [9, с. 26]. Сегрегация рассматривается как независимое сосуществование разных этнических культур, представители каждой из которых сохраняют свою этническую культуру, допуская при этом существование других культур, но «на расстоянии». Наиболее психологически продуктивным и эффективным способом взаимодействия двух культур является интеграция: обе группы сохраняют свои культурные индивидуальности и объединяются в одну социальную общность на равных основаниях.

Существуют два важных параметра принимающего общества, облегчающих или затрудняющих адаптацию мигрантов [11, с. 197]. Это – культурная дистанция и отчетливость различительных признаков (раса, культура, язык, религия) между принимающим обществом и культурами мигрировавших этнических групп, степень внутренней гомогенности принимающего общества.

Считается, что в культурно и этнически однородных обществах (например, странах, таких как Япония), которые состоят из людей, имеющих преимущественно одинаковую этническую идентичность, больше препятствий для мигрантов на пути адаптации. В поликультурных странах, таких как, например, США, в которых этническая мозаичность общества – его важная характеристика, и где у людей развивается высокая чувствительность к их собственной и чужой культурной принадлежности, адаптация мигрантов проходит менее болезненно.

Таким образом, основа для успешной социальной и психологической интеграции у переселенцев из Украины есть: украинским мигрантам не требуется серьезная адаптация и интеграционная подготовка, поскольку у наших стран общая система культурно-исторических ценностей, симметричных подходов к образованию и профессиональной квалификации; украинцы владеют русским языком.

Однако несмотря на это, уровень социального напряжения в отношении украинских мигрантов растет, межэтнические конфликты возникают все чаще и по целому ряду причин. Во-первых, в данный момент миграция носит вынужденный характер, однако совсем скоро она может трансформироваться в миграцию трудовую, а приток трудоспособного населения разного уровня квалификации, несомненно, приведет к росту конкуренции на рынке труда, что, в свою очередь, вызовет социальное напряжение между мигрантами и принимающим населением. Первые проявления этого напряжения мы видим уже сейчас в связи с введением социальных льгот для мигрантов из Украины при приеме на работу и поступлении в вузы.

Во-вторых, на наш взгляд, существенную роль в этом играют СМИ в Украине и РФ и применяемые ими приемы «информационной пропаганды», направленные на создание образов «Мы» и «Они» (т. е. формирование образа Врага и консолидацию общества внутри страны) и трансформацию таким образом этнической идентичности представителей обоих народов.

Этническая идентичность и этнические стереотипы

Рассмотрим понятие этнической идентичности более подробно. Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Таким образом субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы [9, с. 35].

Г. У. Солдатова и С. В. Рыжова выделяют следующие типы этнической идентичности:

1. Гипоидентичность проявляется в негативном или индифферентном отношении к собственной этнической группе:

Этнонигилизм – одна из форм гипоидентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию.

Этническая индифферентность – размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности.

2. Норма (позитивная этническая идентичность) – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. В полиэтничном обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире.

3. Гиперидентичность проявляется в межэтническом взаимодействии в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида:

Этноэгоизм – данный тип идентичности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ», но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

Этноизоляционизм – убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия.

Этнофанатизм – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями; признание приоритета этнических прав народа над правами человека; оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа [8, с. 511].

Этническая идентичность является величиной переменной: под влиянием внешних и внутренних факторов она может актуализироваться и претерпевать определенные трансформации. Если позитивная этническая идентичность представляет собой баланс толерантного отношения к своей и другим этническим группам, являющийся важным условием самостоятельного стабильного

существования этнической общности в полиэтническом окружении, то изменения этнической идентичности (относительно позитивной этнической идентичности) могут происходить в направлении как ее ослабления, так и усиления. Индивиды стремятся повышать свою позитивную идентичность и защищать ее. В напряженной социально-политической ситуации этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации как готовности людей, объединенных по этническому признаку, к групповым действиям по реализации национальных интересов.

Главное содержание этнической идентичности составляют этнические образы своей и других этнических групп. Структура этих образов отражает этнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки), ценности и ценностные ориентации, психологические универсалии.

Этнические образы формируются в результате трех независимых процессов:

- отождествление личности с этнической группой и ее самоопределение через этническую группу;
- дифференциация собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий;
- осознание отношения к собственной и другим этническим группам.

В этнонапряженных ситуациях этническое самоопределение и осознание межэтнических различий происходят именно через дифференциацию отношения к наиболее значимым этническим группам. В условиях изучаемой нами ситуации межэтнической напряженности между русским и украинским народами особенно ярко, по нашему мнению, проявляется развитие гиперидентичности с обеих сторон в сочетании с негативным отношением к другому народу, а также распространение этнических стереотипов.

Этнические стереотипы являются чрезвычайно важной категорией в анализе межнациональных отношений. Первые психологические работы в области изучения этнических стереотипов были опубликованы в середине 30-х гг. XX в. О. Клайнбергом и Дж. Доллардом в рамках их «гипотезы фрустрации и агрессии». Однако наибольшее влияние на понимание этнических стереотипов оказали работы Т. Адорно «Авторитарная личность» и «О природе предрассудка», где было показано, что индивиды одной и той же этнической группы имеют значительные различия по степени подверженности этнической стереотипизации. Т. Адорно описал тип личности, наиболее склонной к усвоению и распространению этнических предрассудков, и назвал его «авторитарная личность». Для авторитарной личности, согласно мнению Т. Адорно, характерны: ригидность мышления, конформизм в принятии

ценностей, нетерпимость к любым проявлениям слабости и эмпатии, склонность к репрессиям, выраженная подозрительность, преклонение перед авторитетом [2, с. 55].

Т. Петтигрю полагал, что в основе формирования социальных стереотипов в целом и этнических стереотипов в частности, лежит конформизм как безусловное подчинение сложившимся общественным нормам.

В отечественной психологии проблема этнических стереотипов разрабатывалась И. С. Коном, Б. А. Душковым, В. П. Левковичем, Н. Г. Панковой, А. Г. Асмоловым, Е. И. Шлягиной, В. Ф. Петренко, Г. У. Солдатовой. В рамках психосемантического подхода В. Ф. Петренко проводились исследования этнических авто- и гетеростереотипов российских студентов, восприятия и отношения различных социальных групп российских граждан к зарубежным странам и различным национальностям, показавшие, что при восприятии молодежной аудиторией типичных представителей различных национальностей (включая свою) преобладает психологический механизм групповой дифференциации в форме не противопоставления, а сопоставления групп, что ведет к созданию взаимодополняющих образов. При этом ни одно из качеств не только не повторяется, но все они принадлежат к разным биполярным оппозициям.

Эмпирическое исследование: цели, задачи, методы, гипотезы

Для изучения отношения российской молодежи к вынужденным мигрантам из Украины и к вводимым социальным льготам для переселенцев нами проводится эмпирическое исследование.

Цель: исследование взаимосвязи типа этнической идентичности и уровня этнической и социальной толерантности к вынужденным мигрантам из Украины в молодежной среде.

К основным задачам исследования относятся:

- определение уровня толерантности и типов этнической идентичности российской молодежи;
- выявление этнических авто- и гетеростереотипов в молодежной среде;
- изучение уровня социальной дистанции между принимающим населением и беженцами из Украины, а также представителями других этнических групп.

Основные гипотезы исследования:

1. В условиях политической и социальной стабильности этническая идентичность российской молодежи находится на уровне гиподентичности (этнонигилизма или индифферентности). Однако при росте социального напряжения внутри страны или ужесточении внешнеполитической ситуации, этническая идентичность молодежи переходит к полюсу этнической

гиперидентичности наряду со снижением уровня этнической, социальной и личностной толерантности.

2. Этническая гиперидентичность проявляется в возникновении позитивных этнических автостереотипов и негативных этнических гетеростереотипов в молодежной среде.

3. Этническая идентичность и этнические стереотипы российской молодежи могут формироваться и трансформироваться под влиянием СМИ.

4. В ситуации усложнения внешнеполитической обстановки уровень социальной дистанции с представителями других этнических групп (особенно с представителями конфликтных сторон) увеличивается.

5. Высокий уровень эмпатии к вынужденным переселенцам может сочетаться с неприятием вводимых для них социальных льгот и отсутствием готовности к оказанию им реальной помощи.

Для реализации указанных задач и подтверждения выдвинутых гипотез нами были выбраны следующие методики:

1. Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова) помогает определить уровень этнической, социальной и личностной толерантности респондента.

2. Опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова) позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности.

3. «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус) – это шкала для измерения степени близости или отчужденности между двумя группами людей, включающая список различных этнических групп (мы составили список из 25 этносов, наиболее часто упоминаемых в СМИ, а также наиболее многочисленных на территории Ростовской области).

4. «Анкета биполярных профилей» позволяет выявить этнические авто- и гетеростереотипы респондентов путем приписывания качеств представителям этнических групп. Мы предложили студентам описать образы типичного русского и типичного украинца, а также включили в исследование образ типичного американца как представителя наиболее часто употребляемой в СМИ страны – стороны политического конфликта.

5. Авторская анкета «Отношение к вынужденным переселенцам из Украины» позволяет выявить отношение респондентов к ситуации в Украине в целом (преимущественно эмоциональный компонент), а также к социальным льготам, вводимым для вынужденных переселенцев.

Эмпирической базой исследования выступают крупнейшие вузы Ростовской области:

- Южный федеральный университет (ЮФУ);
- Донской государственный технический университет (ДГТУ);

- Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС);
- Ростовский государственный строительный университет (РГСУ).

Субъектом исследования выбраны студенты указанных вузов Ростовской области.

Исследование планируется провести в течение 1 года и в четыре этапа: научно-теоретический, организационный, психодиагностический и констатирующий.

На первом этапе (июль–август 2014 г.) – научно-теоретическом – были изучены представления об этнической идентичности и этнических стереотипах и их трансформациях у молодого поколения под влиянием различных социально-политических факторов.

Второй этап (сентябрь 2014 г.) – организационный. На этом этапе осуществлялось планирование научного эмпирического исследования, были сформулированы его цель, гипотезы и задачи, сформирована выборка, разработан методический инструментарий по сбору эмпирического материала, разработаны и апробированы анкеты.

Третий этап (октябрь–декабрь 2014 г.) – психодиагностический – предполагал психологическое изучение студентов выбранных вузов по выбранному нами методическому инструментарию.

Четвертый этап (январь–июнь 2015 г.) – констатирующий – предполагает обобщение полученных результатов, выявление уровня толерантности и типа этнической идентичности российской молодежи, а также этнических стереотипов, сформированных у студентов. На этом этапе работы будут сделаны выводы, сформулированы предложения по снижению межэтнической напряженности и формированию позитивной этнической идентичности в молодежной среде.

Полученные результаты планируется сравнить с результатами подобных исследований других социальных групп, что позволит сделать обобщенные выводы о зависимости готовности к принятию вынужденных мигрантов от типа этнической идентичности и уровня толерантности.

Литература

1. *Абакумова И. В., Гришина А. В.* Отношение студентов к мигрантам как фактор и показатель этноконфессиональных установок современной молодежи // *Российский психологический журнал.* – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 22–28.
2. *Богомолова Н. Н.* Социальная психология массовой коммуникации: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008.
3. *Винтерхофф-Шпурк П.* Медиapsихология. Основные принципы / Пер. с нем. – Х.: Гуманитарный центр, 2007.

4. *Гришина А. В.* Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодежной среде // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5–6. – С. 62–66.
5. *Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Караваева Л. П.* Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2 (14). – С. 5–12.
6. *Евгеньева Т. В.* Установки и стереотипы массового сознания // URL: http://www.elitarium.ru/2007/03/27/ustanovki_i_stereotipy_massovogo_soznanija.html
7. *Звездина Г. П.* Проблема формирования мировоззренческой безопасности как средства профилактики экстремизма в молодежной среде // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 6. – С. 76–80.
8. *Солдатова Г. У.* Диагностика типов этнической идентичности // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А. А. Бодалева. – М., Когито-центр, 2011. – С. 511.
9. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
10. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: практикум. – М.: Аспект Пресс, 2006.
11. *Фернхем А., Бочнер С.* Культурный шок // Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Калининко В. К., Кравцова О. А. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культур, кризис идентичности. – М., 2002. – С. 193–200.
12. *Aleksieva M.* The sociocultural role of media and school in transferring information and forming values // Education Sciences and Psychology. – 2012. – no. 1. – pp. 38–45.
13. *Domke D.* Racial cues and political ideology. An examination of associative priming // Communication Research. – 2011. – V. 28. – no. 6. – pp. 772–801.
14. *Dunas D. V.* The effect of the “last drop”: On the question of the media’s ability to have a harmful impact on the audience // Psychology in Russia: State of the Art. – 2013. – V. 6 (1). – pp. 144–152.
15. *Gladkova A. A.* The role of television in cultivating the values of pluralism and cultural diversity in children // Psychology in Russia: State of the Art. – 2013. – V. 6 (1). – pp. 138–143.

УДК 159.9.072.43

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: МОТИВЫ УЧАСТИЯ

*Левшина Анастасия Андреевна
Лунин Сергей Леонидович*

Статья посвящена мотивационному компоненту ценностно-смысловой сферы молодых людей, участвующих в общественной деятельности. Приводится обзор отечественных и зарубежных источников, посвященных данной проблеме, а также результаты проведенного авторами анкетирования в молодежной среде г. Ростова-на-Дону.

Среди зарубежных источников, рассматриваемых в данной статье, фигурируют социологические, психологические и политологические исследования, предпринятые в Великобритании, Франции, Бельгии и Канаде. Среди мотивов, которые выделяют зарубежные авторы, доминируют два: желание помочь окружающим и приобрести новых знакомых. Обзор отечественных источников по проблеме начинается с работ 90-х гг. XX в. – периода формирования молодежной общественной деятельности в той форме, в которой она существует сегодня. Также рассмотрены современные работы, описывающие мотивационный компонент участия молодых людей в различных социальных инициативах. В статье отмечается, что для российских исследований в данной области характерно акцентирование внимания на различных политических организациях и неформальных объединениях молодежи, в то время как общественная деятельность в сфере социального служения (различные добровольческие организации) практически остается вне поля зрения. Авторами приводятся результаты собственного анкетирования молодежи г. Ростова-на-Дону. Опрос был посвящен мотивации участия в общественной деятельности, и в нем приняли участие члены различных молодежных организаций, а также студенты, не проявляющие интерес к добровольческим инициативам. По результатам анкетирования было установлено, что в различных группах молодежи (представители различных общественных организаций; студенты, не вовлеченные в данный род деятельности) доминируют различные мотивы, условно объединенные в три группы: общественные, личные и социально нейтральные.

Ключевые слова: *мотив, мотивация, общественная деятельность, общественные организации, молодежь, социальная активность, добровольчество, волонтер, ценностно-смысловая сфера, социум.*

Активное участие молодежи в общественной деятельности является одной из приоритетных задач государства в области социальной политики. Однако при наличии данного социального заказа, в России до сих пор не существует единой системы подготовки волонтеров; общество мало информировано о наличии общественных организаций и их возможностях. Отсюда – низкий процент молодежи, задействованной в общественной деятельности, и малое количество социальных проблем, решаемых силами добровольческих организаций. Специалисты, занимающиеся данной проблемой, отмечают, что «вовлечение и участие подрастающего поколения в социально направленную деятельность, являющееся залогом ее успешной социализации, – сложный процесс, который развивается неравномерно от региона к региону и зависит от условий местного сообщества, от готовности образовательных учреждений и их кадрового состава к системно-деятельностной работе с подростками и молодежью» [11]. Создание универсальной социально-психологической технологии, содержащей инвариантные и вариативные компоненты, направленной на отбор и подготовку молодых людей к общественной деятельности, могло бы существенно изменить ситуацию. Но для создания подобной технологии прежде всего необходим анализ психологических факторов, влияющих на участие молодежи в общественной деятельности. Наибольшее значение в данном случае имеет исследование смысложизненных ориентаций молодежи, определяющих цели и мотивы их участия в общественной деятельности [1, 5]. Цели могут быть двух типов: конечные (идеальные) и вспомогательные (реальные, конкретные). Конечные цели представляют собой идеалы, понимаемые как ценности; эти цели стабильны. Реальные же цели характеризуются конкретностью и достигаемостью, они могут изменяться в зависимости от успехов или неудач [2]. Что касается мотивационной составляющей, то она определяет субъективно-личностную заинтересованность индивида в совершении действия [8], а, следовательно, является одним из важнейших факторов, обеспечивающих возможность популяризации общественной деятельности. Именно данному компоненту ценностно-смысловой сферы молодежи, участвующей в общественной деятельности, посвящена данная работа.

Процесс мотивации является сложным психологическим процессом, существенное значение в котором отведено борьбе различных потенциальных мотивов, оценке значимости потребностей, способности анализировать последствия своих действий [7]. Современные исследователи констатируют изменения в мотивации молодых людей, доминирование стремления к достижению личного успеха, благосостоянию и независимости [4]. В этой связи особый интерес вызывает возможность сосуществования индивидуалистической мотивации и общественной деятельности молодежи.

В зарубежных исследованиях проблеме общественной деятельности молодежи уделяется значительное внимание. Рассматриваются различные аспекты данной проблемы с точки зрения психологии, социологии, политологии, истории. Попытаемся привести краткий обзор зарубежных источников, в которых акцент сделан на мотивационной составляющей общественной деятельности.

Предметом исследования Марка Хутина (Mark Hutin) стало изучение мотивов, побуждений и результатов деятельности молодых волонтеров Англии. Он отмечает, что в современном обществе добровольцы очень востребованы, а успешное вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность улучшит ее социальные навыки, будет способствовать интеграции молодого населения, снизит уровень преступности и антисоциального поведения. В ходе исследования было установлено, что более половины опрошенных молодых людей принимали участие в различных видах общественной деятельности. Наиболее популярным местом для общественной работы становились учебные заведения, а наиболее востребованным занятием – организация и проведение праздников. Большинство молодых людей, участвующих в данном исследовании, указали, что желание улучшить порядок вещей и помочь другим было главным мотивирующим фактором. Подавляющее большинство респондентов отозвались позитивно о своем добровольческом опыте [18].

В рамках другого исследования, проведенного в Институте исследования добровольчества, был осуществлен анализ мотивов общественной деятельности и оценка влияния волонтерского труда на развитие личности. В результате исследования было установлено, что большинство студентов имели опыт общественной работы до поступления в университет. Наиболее распространенными мотивами, которые были названы молодежью, стали: желание помочь, приобрести новых знакомых, добавить положительную статью к своему резюме. Также было определено, что участие в общественной деятельности непосредственно развивает навыки межличностного общения, необходимые при трудоустройстве: коммуникативные способности, умение работать в команде, социальные навыки [14].

К схожим выводам пришла и исследовательская группа Национального центра координации и связей с общественностью (National Centre for Public Engagement), изучавшая роль волонтеринга в жизни студентов высших учебных заведений, а также результаты деятельности студенческих добровольческих организаций. Авторы исследования утверждают, что участие в общественной деятельности оказывает благотворное влияние как на самих студентов-добровольцев, так и на социум в целом. Отмечая огромное значение общественной деятельности для всего населения, авторы

исследования рекомендуют отмечать и поощрять вклад каждого молодого волонтера [13].

Другим масштабным исследованием, затрагивающим оценку мотивационного компонента общественной деятельности студентов, стала работа Клер Холдсворф (Clare Holdsworth). В ее исследовании приняли участие студенты всех уровней обучения: от абитуриентов до магистрантов. Рейтинг волонтерской активности был самым высоким у студентов медицинских, стоматологических и социальных профессий. Студенты, принадлежащие к этническим меньшинствам, студенты-инвалиды и студенты, имеющие обязательства по уходу за кем-то из родных, также продемонстрировали высокий уровень социальной активности. Самым низким этот показатель был у обучающихся естественным и техническим наукам, строительству и планированию. Для большинства респондентов главной причиной занятия волонтерским трудом было желание помочь окружающим. Однако для младших студентов, студентов естественных наук и студентов мужского пола было характерно выделять в качестве основного мотивирующего фактора «новые знакомства» [16].

В работе Катрин Гаскин (Katherine Gaskin) анализируются и обобщаются литературные данные об отношении молодежи к добровольческой работе и их участии в общественной деятельности. Автор отмечает, что в начале 2000-х гг. обстановка с добровольческой активностью в Европе ускоренно менялась. Трудовое законодательство начало пропагандировать волонтерскую деятельность как центр развития демократии, что способствовало увеличению числа добровольцев [15].

Между тем, в зарубежных исследованиях общественной активности молодежи встречается мнение, что современный мир с его ориентацией на индивидуалистические потребности и конкуренцию неминуемо будет способствовать разрушению добровольчества как социального явления. Однако Лесли Хустинкс (Lesley Hustinx) опровергает мнение о том, что культурный процесс «индивидуализации» является угрозой добровольческой активности молодежи. На примере изучения бельгийского агентства, организующего международные трудовые лагеря, автор показывает, как добровольчество может помочь молодежи управлять своей свободой и сделать успешный жизненный выбор. Общественная работа, по мнению автора, может не только стимулировать личностное развитие (в данном случае – через контакт с другими культурами), но и уменьшить неуверенность, которую испытывают молодые люди в своей будущей карьере. Современные молодые волонтеры имеют некоторые черты, которые, казалось бы, не должны быть у добровольца: они не преданы определенной добровольческой организации, избирательны к тому, чем занимаются и ожидают получить личные выгоды. Однако автор

считает, что можно продуктивно скомбинировать такое «потребительское» отношение волонтера с искренним чувством единства, отождествлением себя с основными заповедями добровольческой организации и подлинной приверженностью своей работе. Учет интересов и потребностей волонтеров в организации их деятельности поможет обеспечить благоприятное развитие добровольчества, в противовес традиционным способам организации труда [17].

Если обратиться к зарубежным исследованиям молодежных общественно-политических организаций, то стоит отметить работу Анны Мюксель (Anne Muxel) – одного из ведущих исследователей Центра изучения французской политической жизни (Centre d'études de la vie politique française). Ее исследование носит название «Политический опыт молодежи» («L'expérience politique des jeunes»), и в нем автор анализирует причины и формы политической активности молодежи. По ее мнению, в современной Франции мал процент молодых людей, не следящих за политической жизнью страны и мира. А распространенное мнение, что молодежь аполитична, возникло вследствие снижения количества политических действий (митингов, пикетов, забастовок) со стороны молодежи. По сравнению с поколением своих родителей, современная молодежь более критична по отношению к политике и склонна чаще выбирать позицию наблюдателя. Тем не менее, автор утверждает, что и активной молодежи во Франции достаточно. Анна Мюксель считает, что в молодежной среде, как и в обществе в целом, представлены обе категории: наблюдатели и активисты. Однако даже та часть молодежи, которая принимает активное участие в молодежных политических движениях, все реже выбирает конкретную идеологию. Она прежде всего нацелена не на поддержку правых или левых, а на защиту прав граждан, отстаивание собственных интересов [19].

Агентством «Социальные тенденции Канады» («Canadian Social Trends») было проведено исследование, направленное на изучение политической активности молодых взрослых в возрасте от 22 до 29 лет. Ими было установлено, что только 59 % от данной целевой группы ходит на выборы (при 77 % общенациональной явки). По сравнению с другими возрастными группами, молодые взрослые оказались самыми аполитичными, что, по их мнению, связано с невозможностью повлиять своим голосом на общую «тенденцию маргинализации политики». При этом молодые люди в возрасте 22–29 лет оказались наиболее активны в альтернативной политической деятельности, такой как участие в молодежных общественно-политических движениях. Исследователи связывают эти два факта с особенностями мотивационной сферы молодых взрослых: их больше привлекает деятельность, в которой личное участие может быть замечено и выражено в конкретном результате [20].

Что касается российских исследований мотивационного компонента молодежной общественной деятельности, то первые работы в данной области датируются началом девяностых годов прошлого века. Одна из первых попыток в отечественной науке оценить психологические факторы участия в общественных движениях была предпринята социологом О. Н. Яницким. В своем исследовании, посвященном активистам свободных шахтерских профсоюзов, возникших на волне забастовочного движения 1989 г. в угольных районах СССР, им был проделан анализ мотивов такой формы общественной активности. По мнению исследователя, их наиболее глубокой психологической мотивацией были потребности в самореализации личности, в проявлении ее индивидуальности, в самостоятельно конструируемых, разнообразных, эмоционально насыщенных социальных связях, общении. Другим мотивом, определяющим поведение активистов, по мнению О. Н. Яницкого, является обогащение социальных связей личности, которое происходит благодаря участию в данной деятельности [12].

Позднее полученные О. Н. Яницким данные были проанализированы Г. Г. Дилигенским. В монографии «Социально-политическая психология» автор делает вывод, что выявленные О. Н. Яницким мотивы являются лишь проявлениями более общей «базовой» черты психологии активистов: ориентации их мотивов на интеграцию в социальную общность. По мнению Г. Г. Дилигенского, социально-интегративная тенденция активистов движения соединяется с потребностью в индивидуальном самоосуществлении, точнее, самоосуществление достигается через соответствующий ему уровень интеграции.

Анализируя на примере движения времен перестройки «Демократическая Россия» цельность политических организаций вне зависимости от внешних условий, Г. Г. Дилигенский приходит к выводу, что «главной причиной является прочность ценностной ориентации этой общности: ценности, глубоко интериоризованные активистами, позволили им сохранить свою сплоченность и верность движению». Причем речь здесь идет не столько о таких программных общественных ценностях, как демократия и рынок, сколько о нравственных ценностях, формирующих установку личности на активное вмешательство в процессы, происходящие в обществе, готовность противостоять явлениям, эмоционально воспринимаемым как негативные, противоречащие принятым ею нормам и идеалам [3].

Если обратиться к современным исследованиям, то можно обнаружить, что, несмотря на то, что в социологии уделяется значительное внимание молодежи и ее социальной активности, исследований молодежных объединений совсем не много. Большинство современных работ посвящено неформальным подростковым группам, описанию молодежных субкультур.

Некоммерческие организации, как правило, рассматриваются с точки зрения политического участия, при этом не исследуется их дифференциация и специфика. Во многом такой «перекосяк» в исследовании политических факторов общественных организаций связан с тем, что в настоящее время развивается процесс политизации молодежных объединений, который спровоцирован борьбой различных социальных сил за влияние на молодое поколение. Это связано, прежде всего, с традициями российской политической культуры, воспринимающей молодежь как эффективный инструмент для реализации политических проектов. Вместе с тем молодежные общественные объединения играют роль «медиаторов» между государственной властью и молодым поколением, оказывая воздействие в обоих направлениях: как на молодежь, так и на государственную политику, способствуя смягчению социальных конфликтов. Основное противоречие в развитии социальной активности молодежи О. А. Родина видит в том, что, с одной стороны, постоянный рост количества молодежных объединений, их разнообразие по целям и направлениям деятельности являются признаками конструктивного развития общества, проявлениями инициативы молодого поколения, с другой – многие объединения пока характеризуются неустойчивостью, недостаточным профессионализмом, «мнимой» активностью. На основании массового опроса юношей и девушек 14–25 лет, а также анализа мнений экспертов (руководителей объединений и специалистов по молодежной политике) О. А. Родина делает вывод, что за счет повышения профессионализма и освоения новых социальных технологий в перспективе может произойти расширение пространства деятельности молодежного движения, оно сможет усилить свой авторитет среди молодого поколения и оказывать более значимое влияние на жизнь общества [9].

Г. А. Ляукина также высказывает мнение, что создание и поддержание молодежных организаций и движений позволит выявить ценностные ориентации молодежи, использовать жизнеспособность, предприимчивость, нестандартные подходы как для решения проблем самой молодежи, так и во благо всего общества [6]. Однако, по мнению Д. А. Сердалиевой, дальнейшее развитие молодежных общественных организаций прежде всего зависит от их перехода к качественному росту, от самодостаточности – к публичности, от обслуживания определенных социальных групп – к творческой инновационной действительности, направленной на развитие общества [10].

Для оценки исследуемого фактора в молодежной среде г. Ростова-на-Дону было проведено анкетирование, в котором приняли участие молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, общее число – 160 человек, из них: 96 девушек и 64 юноши. Респонденты были условно разделены на две категории: те, которые являются членами общественных организаций и те, которые ими

не являются. При этом обе категории по итогам анкетирования были также поделены на несколько групп. Первая категория, члены общественных организаций, были поделены на четыре группы по характеру организаций: добровольческие (группа 3), политические (группа 4), религиозные (группа 5) и группа, состоящая из молодежи, реализующей собственные социальные проекты (группа 6). Молодые люди, не участвующие в общественных движениях, были отобраны из числа студентов 3–4 курсов Южного федерального университета. При этом данная группа была разделена на тех, кто выражает желание в будущем заняться общественной деятельностью (группа 2) и тех, кого она не привлекает (группа 1).

Все виды мотивов, указанные респондентами, были условно разделены на три группы: общественно ориентированные, личные и социально нейтральные мотивы. Так, в первую группу вошли такие мотивы, как: «повысить роль России», «помочь другим людям», «помочь обществу» и др. Ко второй группе были отнесены мотивы, предполагающие какую-либо личную выгоду для волонтера: «самореализация», «профессиональное становление», «развитие», «опыт» и т. д. Третья группа была сформирована из тех мотивов, которые нельзя отнести к первой или второй группе. Мотивы, вошедшие в группу «социально нейтральных», не специфичны для общественной деятельности: они могут присутствовать в любой деятельности, предполагающей общение и взаимодействие с людьми. К третьей группе были отнесены такие мотивы, как: «досуг», «общение», «единомышленники», «интересно» и т. п.

На рисунке 1 представлена диаграмма с результатами контент-анализа ответов всех групп исследования.

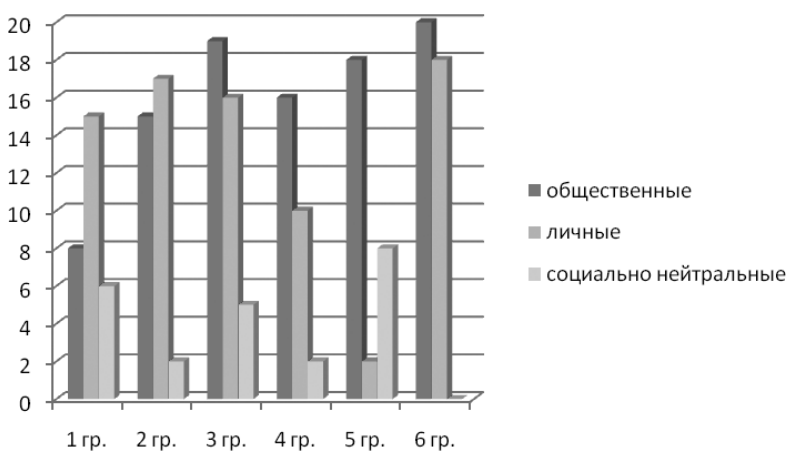

Рисунок 1. Мотивация участия в общественной деятельности

Как видно из представленной диаграммы, во всех группах, в состав которых вошли участники общественных организаций (группы 3–6), социально направленные мотивы доминируют над личными и социально нейтральными. В тех группах, респонденты которых не участвуют в общественной деятельности, доминирующими оказались личные мотивы, причем в той группе, представители которой не намерены в будущем заниматься общественной деятельностью, личные мотивы превышают общественные вдвое. Полученные результаты в первой и второй группах связываются нами с таким явлением, как каузальная атрибуция, которая заключается в интерпретации и приписывании причин действий другого человека в условиях дефицита информации о реальных причинах его действий. Причем выбор в пользу личных мотивов мог быть осуществлен под воздействием СМИ, в которых внимание прежде всего уделяется возможностям личностного и профессионального роста для волонтеров.

Также стоит отметить, что в группах 3 («добровольцы») и 6 («авторы проектов») при доминировании общественно направленных мотивов личные мотивы также находятся на высоком уровне. Этот результат может быть связан с высокой степенью осмысленности своего участия и осознанием реальных возможностей, которые открываются перед волонтером. При этом социально нейтральные мотивы в группе, реализующей собственные проекты, не были выявлены, что может свидетельствовать в пользу предыдущего тезиса, а также позволяет предположить, что разработка и реализация собственных добровольческих проектов воспринимается участниками не как досуг или развлекательное мероприятие, а как деятельность, связанная с профессиональным становлением и направленная на решение конкретных социальных проблем. В группе 5 («религиозные организации»), напротив, личные мотивы представлены крайне слабо, а социально нейтральные мотивы выражены больше, чем во всех остальных группах. Эти результаты могут быть связаны с тем, что большинство форм современного молодежного досуга (клубы, бары, кино) предполагают деятельность, форму одежды и манеру поведения, противоречащую религиозной морали. Таким образом, молодежные объединения при церковных общинах становятся для верующего молодого человека единственным местом, где он может реализовать свою потребность в общении. Поэтому социально нейтральные мотивы, оказавшиеся невыраженными в остальных пяти группах, здесь приобрели актуальность. Что касается личных мотивов, то все они связаны с карьерным ростом, конкуренцией, стремлением добиться высокого социального положения, что также противоречит религиозным и морально-этическим представлениям данной группы.

На современном этапе развития российского общества социальная активность молодежи находится в зоне активного внимания. О большом значении данного явления для развития гражданского общества постулируется на всех уровнях власти; развитие волонтеринга является значимым элементом международного статуса – именно волонтеры являются движущей силой мировых спортивных соревнований, таких как Олимпийские игры и Чемпионат мира по футболу. Проведенный анализ зарубежной и отечественной литературы, а также опрос молодежи г. Ростова-на-Дону показал особое значение мотивационного фактора в вопросе развития общественной активности. Причем для разных групп молодежи (различающихся по направленности, возрасту, образованию) доминирующими окажутся разные мотивы: личные, общественные или социально нейтральные. Таким образом, оценка и учет мотивационного фактора является обязательным компонентом практической деятельности различных специалистов и организаций, работающих с социально активной молодежью.

Литература

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Левшина А. А.* Формирование смысло-жизненной стратегии активного социального поведения молодежи в условиях дополнительного образования // Материалы V международной научно-практической конференции Академическая наука – проблемы и достижения (2 декабря 2014). – North Charleston, USA, 2014. – Т. 1. – С. 60–64.
2. *Гинзбург М. Р.* Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 19–27.
3. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология // URL: http://polbu.ru/digilensky_psychology/
4. *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2002. – 456 с.
5. *Левшина А. А.* Смысложизненные стратегии активного социального поведения различных групп молодежи: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 22 с.
6. *Ляукина Г. А.* Молодежные общественные организации, проблемы и перспективы развития // Молодежь и современная социально-экономическая политика. Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (28 апреля 2000) / Под ред. академика РАГН Н. М. Прусс. – Казань: Изд-во «ТИСБИ», 2000. – 108 с.
7. *Мишурова И. В., Кутелев П. В.* Управление мотивацией персонала: Учебно-практическое пособие. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2004. – 240 с.

8. *Остова Е. В.* Мотивация. Новая философская энциклопедия / Под редакцией В. С. Стёпина // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2755/%D0%9C%D0%9E%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF
9. *Родина О. А.* Молодежные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 25 с.
10. *Сердалиева Д. А.* Эффективность функционирования современных общественных молодежных организаций Астраханской области: социологический анализ: дисс.... канд. социол. наук. – Астрахань, 2007. – 180 с.
11. Социально-значимые инициативы детей и молодежи: научно-методические материалы и рекомендации (региональный опыт) / Сост. Х. Т. Загладина, И. Н. Попова. – М.: Изд-во Федерального института развития образования, 2014. – 152 с.
12. *Яницкий О. Н.* Социальные движения: сто интервью с лидерами. – М.: Московский рабочий, 1991. – 235 с.
13. *Brewis G., Russel J., Holdsworth C.* Bursting the bubble – Students Volunteering and the Community // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/Bursting+the+Bubble+Students+Volunteering+and+the+Community>
14. *Donahue K., Russell J.* PROVIDE Volunteer Impact Assessment // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/PROVIDE+Volunteer+Impact+Assessment>
15. *Gaskin K.* Young people volunteering and civic service. A review of literature // URL: <http://www.ivr.org.uk/component/ivr/young-people-volunteering-and-civic-service-a-review-of-literature>
16. *Holdsworth C.* Student Volunteers. A national profile // URL: http://www.hecsu.ac.uk/assets/assets/documents/futuretrack/Student_Volunteers_-_A_National_Profile.pdf
17. *Hustinx L.* Individualization and new styles of youth volunteering: an empirical exploration // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/Individualisation+and+new+styles+of+youth+volunteering>
18. *Hutin M.* Young people help out // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/Young+people+help+out>
19. *Muxel A.* L'expérience politique des jeunes // Presses de Sciences Po. – Janvier, 2001.
20. Political activity among young adults // The Daily. – 2005. – December 6.

УДК 159.923.2

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННЫХ ВЫБОРОВ УЧАЩИХСЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫРАЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Ращупкина Юлия Валерьевна

В статье излагаются результаты исследования процессуальных характеристик жизненных выборов учащихся мужчин и женщин. В качестве жизненных выборов молодых людей выступают выборы образа жизни, карьеры и значимого другого человека. Для каждого из жизненных выборов рассмотрены процессуальные характеристики, отражающие уверенность, самостоятельность, осознанность выбора и выраженные в самооценках респондентов. Процессуальные характеристики проанализированы в связи со зрелостью личности, обуславливающей их специфику для каждого из жизненных выборов. Личностная зрелость рассматривается как специфический феномен, строение которого отражено целостностью взаимосвязанных компонентов, включая ценностно-мотивационный, эмоционально-волевой, рефлексивный, операциональный компоненты. Виды личностной зрелости выделены на основе содержания каждого из компонентов и рассмотрены в континууме «личностная зрелость – личностная незрелость».

Объектом исследования выступили 269 субъектов (134 мужчин и 135 женщин), получающих образование в выпускных классах средних школ г. Азова и в вузах г. Ростова-на-Дону. Эмпирически изучены и раскрыты особенности процессуальных характеристик каждого из жизненных выборов мужчин и женщин в зависимости от выраженности и видов их личностной зрелости и содержания самого выбора. Эмпирически установлено, что выраженность процессуальных характеристик каждого из жизненных выборов мужчин и женщин обусловлена видом зрелости и половой дифференциацией субъектов. Согласно предложенным эмпирическим критериям, каждый из жизненных выборов мужчин и женщин рассматривался в контексте зрелости. Эмпирически установлено, что независимо от пола общим для личностно зрелых молодых людей – умеренно зрелым является выбор ими значимого другого, для личностно незрелых молодых людей каждый из жизненных выборов незрел. У личностно зрелых мужчин и женщин каждый из жизненных выборов является специфичным по процессуальным характеристикам.

Ключевые слова: *жизненные выборы, процессуальные характеристики, результативные характеристики, личностная зрелость, личностная инфантильность, виды зрелости, выраженность зрелости, зрелый выбор, незрелый выбор, учащаяся молодежь.*

На протяжении жизненного пути человек осуществляет разные выборы [13]. Одни из них являются ситуативными, подчиняются конкретным мотивам и потребностям субъекта, другие – конституируют жизнь и дальнейшую судьбу личности, их основой выступает система ценностей. Именно последние называют жизненными выборами. Нами жизненный выбор понимается как процесс и итог сравнения однородных альтернатив, завершающийся сознательной выработкой личностью (на основе ее ценностей и мотивов) решений, в дальнейшем реализующихся в какой-либо сфере ее жизни [9].

В качестве основных жизненных выборов молодых людей выступают выборы образа жизни, карьеры и значимого другого. Многими авторами отмечается, что выбор профессии (карьеры) относится к жизненным выборам личности (С. Т. Джанерьян, Л. А. Зайцева, А. А. Комлев и др.) и подчеркивается, что, выбирая профессию, личность выбирает образ жизни, судьбу, дальнейший путь развития [1, 4, 5, 7]. Результатом любого жизненного выбора является самоопределение личности в определенной сфере жизнедеятельности (профессиональной, социальной, семейной), либо в жизни в целом. А любое самоопределение есть выбор личностью стиля и образа жизни. Наряду с этим, личность выбирает авторитетного значимого другого, потенциально влияющего на ее развитие, поведение [10]. Выбрать значимого другого, как и профессию, – значит быть принятым в определенную группу людей, принять ее нормы и правила, принципы, ценности, образ жизни.

Анализ психологической литературы показал, что в качестве характеристик жизненных выборов, которые требуются для «правильного», зрелого, обдуманного выбора, выступают процессуальные и результативные. Процессуальные характеристики отражают сознательная включенность личности, мера ее самостоятельности и уверенности в ходе осуществления выбора, результативные – содержание и временная перспектива выбора. В данной статье акцентируется внимание только на процессуальных характеристиках жизненных выборов – уверенность, самостоятельность, осознанность. Эти характеристики приписываются исследователями именно выбору зрелой личности [8, 12], эмпирически изучены преимущественно на примере профессионального и карьерного выборов [3, 6, 11]. Их особенности обусловлены полом, возрастом, выраженностью личностной зрелости субъектов (С. Т. Джанерьян, Л. А. Зайцева; Ю. В. Ращупкина; А. Л. Щebetова). Характеристики жизненных выборов как процессуального явления можно

методически диагностировать по оценкам субъектов особенностей протекания соответствующего выбора. Мы полагаем, что по специфике процессуальных характеристик жизненных выборов, которые осуществляет зрелая личность, можно судить о зрелости ее выборов [9].

В отличие от исследований выбора карьеры, специальных исследований характеристик выборов образа жизни и значимого другого явно недостаточно. Собственно комплексное изучение жизненных выборов, выраженности их характеристик и взаимосвязи последних с полом субъектов, характеризующихся разными видами личностной зрелости, практически отсутствует. Это существенно сужает представления о закономерностях жизненных выборов зрелыми и незрелыми личностями, обедняет доказательную базу о «преимуществах» зрелой личности, затрудняет реальную адресную психологическую помощь молодым людям. Целью нашего исследования выступило изучение процессуальных характеристик жизненных выборов учащихся – мужчин и женщин с разными видами личностной зрелости. Методы и методики исследования: анкетирование (модифицированные анкеты С. Т. Джанерьян, Д. И. Гвоздевой «Анкета для изучения идеала образа жизни личности»; С. Т. Джанерьян, Л. А. Зайцевой «Анкета для изучения выбора карьеры»; для изучения выбора значимого другого была разработана авторская анкета С. Т. Джанерьян, Ю. В. Ращупкиной «Анкета для изучения выбора значимого другого»); методы непараметрической статистики (критерии Фридмана, Вилкоксона, Манна-Уитни); процедура квартилирования; биномиальный критерий.

В предыдущих исследованиях личностная зрелость была определена как сложное образование, представленное сформированной на данный момент развития субъекта иерархией ценностей и мотивов индивидуализации и социализации (ценностно-мотивационный компонент), выраженной волевой саморегуляцией (эмоционально-волевой компонент), развитым самосознанием (рефлексивный компонент), высокой произвольностью поведения наряду с выраженной социальной адаптацией (операциональный компонент). В результате факторного анализа были эмпирически выделены и описаны виды зрелости, различающиеся по ведущему содержанию доминирующего компонента, взаимосвязанного с содержаниями других компонентов. В итоге выделились группы респондентов с присущими им соответствующими видами зрелости: 1 группа – «высокая социальная адаптированность ценной внутренней контролем»; 2 группа – «осознание своих социальных ролей»; 3 группа – «самовыражение»; 4 группа – «акцентирование ценностей индивидуализации»; 5 группа – «выраженная рефлексивность»; 6 группа – «значимость творчества». С учетом содержания и выраженности личностных черт, присущих респондентам первых трех групп, их виды

зрелости были отнесены к полюсу «личностная зрелость», другие виды зрелости – к полюсу «личностная незрелость» [2]. С учетом различной выраженности процессуальных характеристик каждого из жизненных выборов мужчин и женщин, их выборы были отнесены к зрелым, умеренно зрелым и незрелым [9].

Результаты свидетельствуют, что особенности характеристик жизненных выборов дифференцированы в зависимости от пола и вида личностной зрелости субъектов.

Выбор образа жизни как женщинами, так и мужчинами 1 группы характеризуется высокими уверенностью, самостоятельностью и осознанностью. Выбор карьеры и значимого другого женщинами характеризуется высокими уверенностью и осознанностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности; выбор карьеры мужчинами – высокой уверенностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности и осознанности; выбор ими значимого другого – высокими уверенностью, самостоятельностью и осознанностью. Таким образом, у молодых людей, характеризующихся видом зрелости «высокая социальная адаптированность ценой внутреннего контроля», особенность и выраженность процессуальных характеристик их выбора образа жизни свидетельствуют о его зрелости. Выбор карьеры женщинами можно отнести к умеренно зрелому, мужчинами – к незрелому; выбор значимого другого женщинами – к умеренно зрелому; мужчинами – к зрелому.

Выбор образа жизни женщинами 2 группы характеризуется высокой уверенностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности и осознанности; выбор ими карьеры – индивидуально вариативными показателями уверенности, низкой самостоятельностью и высокой осознанностью; выбор ими значимого другого – индивидуально вариативными показателями уверенности, высокой самостоятельностью и низкой осознанностью. Выбор образа жизни мужчинами 2 группы характеризуется индивидуально вариативными показателями уверенности и осознанности, низкой самостоятельностью; выбор ими карьеры – индивидуально вариативными показателями уверенности, высокими осознанностью и несамостоятельностью с опорой на помощь других людей; выбор ими значимого другого – высокими уверенностью и осознанностью, несамостоятельностью с опорой на благоприятное стечение обстоятельств. Иначе говоря, у молодых людей, характеризующихся видом зрелости «осознание своих социальных ролей», специфика процессуальных характеристик их выборов образа жизни и карьеры позволяет отнести эти выборы к незрелым; выбора значимого другого женщинами – к незрелому, мужчинами – к умеренно зрелому.

Выбор образа жизни женщинами 3 группы характеризуется индивидуально вариативными показателями уверенности, самостоятельности и осознанности; выбор ими карьеры – высокими уверенностью и самостоятельностью, индивидуально вариативными показателями осознанности; выбор ими значимого другого – высокими уверенностью и самостоятельностью, индивидуально вариативными показателями осознанности. Выбор образа жизни мужчинами 3 группы характеризуется низкой уверенностью, высокими самостоятельностью и осознанностью; выбор ими карьеры – индивидуально вариативными показателями уверенности и самостоятельности, низкой осознанностью; выбор ими значимого другого – высокой уверенностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности и осознанности. Следовательно, у женщин, характеризующихся видом зрелости «самовыражение», выраженность процессуальных характеристик их выбора значимого другого позволяет назвать его умеренно зрелым, у мужчин – незрелым. Характеристики выбора образа жизни женщинами позволяют отнести его к незрелому, мужчинами – к умеренно зрелому; выбор карьеры женщинами – к умеренно зрелому, мужчинами – к незрелому.

В целом, молодые люди, характеризующиеся выраженной зрелостью, отнесенной к разным ее видам, демонстрируют уверенность в выборах образа жизни и значимого другого, осознанность – в выборах значимого другого и карьеры. Женщины с разными видами личностной зрелости в отличие от мужчин более уверены в выборе карьеры и самостоятельны в выборе значимого другого, мужчины же демонстрируют самостоятельность и осознанность в выборе образа жизни. Среди выборов «зрелых» женщин наибольшей зрелостью характеризуется выбор образа жизни женщинами с видом зрелости «высокая социальная адаптированность ценной внутренней контролью» и наибольшей незрелостью этот же выбор женщинами с видом зрелости «самовыражение». Для выборов «зрелых» мужчин выборы образа жизни и значимого другого мужчинами с присущим видом зрелости «высокая социальная адаптированность ценной внутренней контролью» отличаются наибольшей зрелостью, выбор образа жизни мужчинами с видом зрелости «осознание своих социальных ролей» и выбор карьеры мужчины с видом зрелости «самовыражение» – наибольшей незрелостью.

Выбор образа жизни женщинами 4 группы характеризуется индивидуально вариативными показателями уверенности и осознанности, высокой самостоятельностью; выбор ими карьеры – высокой уверенностью, низкими самостоятельностью и осознанностью; выбор ими значимого другого – индивидуально вариативными показателями уверенности и осознанности, высокой самостоятельностью. Выбор образа жизни мужчинами 4 группы

характеризуется низкой уверенностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности, высокой осознанностью; выбор ими карьеры – низкой уверенностью, высокой несамостоятельностью с опорой на благоприятное стечение обстоятельств, индивидуально вариативными показателями осознанности; выбор ими значимого другого – индивидуально вариативными показателями уверенности, высокой несамостоятельностью с опорой на помощь других либо на благоприятное стечение обстоятельств, низкой осознанностью. Таким образом, у молодых людей, характеризующихся видом незрелости «акцентирование ценностей индивидуализации», независимо от их пола специфика выраженности процессуальных характеристик каждого из жизненных выборов позволяет считать последние незрелыми.

Выбор образа жизни женщинами 5 группы характеризуется высокими уверенностью и самостоятельностью, индивидуально вариативными показателями осознанности; выбор ими карьеры – высокими уверенностью и осознанностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности; выбор ими значимого другого – индивидуально вариативными показателями уверенности и самостоятельности, низкой осознанностью. Выбор образа жизни мужчинами 5 группы характеризуется низкой уверенностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности, высокой осознанностью; выбор ими карьеры – индивидуально вариативными показателями уверенности, высокой несамостоятельностью с опорой на помощь других либо на благоприятное стечение обстоятельств, высокой осознанностью; выбор ими значимого другого – индивидуально вариативными показателями уверенности, самостоятельности и осознанности. Следовательно, у молодых людей, характеризующихся видом незрелости «выраженная рефлексивность», их выбор значимого другого наиболее незрел. Для женщин выборы образа жизни и карьеры можно рассматривать как умеренно зрелые, для мужчин эти же выборы – как незрелые.

Выбор образа жизни женщинами 6 группы характеризуется индивидуально вариативными показателями уверенности и осознанности, высокой самостоятельностью; выбор ими карьеры – индивидуально вариативными показателями уверенности, самостоятельности и осознанности; выбор ими значимого другого – индивидуально вариативными показателями уверенности и осознанности, высокой самостоятельностью. Выбор образа жизни мужчинами 6 группы характеризуется индивидуально вариативными показателями уверенности, самостоятельности и осознанности; выбор ими карьеры – индивидуально вариативными показателями уверенности, высокими осознанностью и несамостоятельностью с опорой на благоприятное стечение обстоятельств; выбор ими значимого другого – высокой

уверенностью, индивидуально вариативными показателями самостоятельности, низкой осознанностью. Таким образом, у молодых людей, характеризующихся видом незрелости «значимость творчества», каждый из их жизненных выборов, судя по специфике процессуальных характеристик, позволяет отнести их к незрелым.

В целом, общим для молодых людей, характеризующихся выраженной незрелостью, отнесенной к различным ее видам, является осознанность выбора ими карьеры. Женщины с разными видами личностной незрелости в отличие от мужчин проявляют уверенность при выборе карьеры, самостоятельность – при выборе образа жизни и значимого другого; мужчины же – уверенность и осознанность при выборе образа жизни и значимого другого. Для выборов личностно незрелых женщин наибольшей незрелостью отличаются выбор значимого другого женщинами с присущим видом незрелости «выраженная рефлексивность» и выбор карьеры женщинами с видом незрелости «значимость творчества». Для выборов личностно незрелых мужчин выборы карьеры и значимого другого мужчинами с видом незрелости «акцентирование ценностей индивидуализации», выборы значимого другого мужчинами с видом незрелости «выраженная рефлексивность» и образа жизни мужчинами с видом незрелости «значимость творчества» отличаются наибольшей незрелостью.

Рассмотрим результаты межгруппового анализа выраженности характеристик каждого из жизненных выборов отдельно для женщин и мужчин. Среди личностно незрелых женщин при выборе карьеры низкую самостоятельность проявляют женщины 6 группы, низкую осознанность – женщины 4 группы, при выборе значимого другого низкую осознанность – женщины 5 группы.

Среди личностно зрелых мужчин низкую самостоятельность при выборе карьеры демонстрируют мужчины 2 группы, при выборе значимого другого – мужчины 3 группы.

В зависимости от личностной зрелости/незрелости женщин различия обнаружены по выраженности самостоятельности выбора ими карьеры: в целом, «зрелые» женщины в отличие от «незрелых» самостоятельнее выбирают карьеру.

Таким образом, вид зрелости личности и содержание ее жизненных выборов обуславливают специфику процессуальных характеристик и зрелость каждого из этих выборов, осуществляемых мужчинами и женщинами. Выраженность каждой из процессуальных характеристик выбора образа жизни личностно зрелыми мужчинами отличается от выраженности аналогичных характеристик этого же выбора личностно незрелыми женщинами; выбор значимого другого личностно незрелыми мужчинами отличается от этого же выбора личностно незрелыми женщинами.

Литература

1. *Джанерьян С. Т.* Профессиональные Я-концепции мужчин и женщин со стабильным типом карьер // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2005. – № 3.
2. *Джанерьян С. Т., Рацупкина Ю. В.* Особенности личностной зрелости городской учащейся молодежи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2015. – № 1.
3. *Джанерьян С. Т.* Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 78–92.
4. *Долматова С. В.* Сознательный выбор профессии как признак личностной зрелости субъекта // Материалы III Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. – Т. 3. – С. 123–125.
5. *Зайцева Л. А.* Характеристики и факторы выбора карьеры в связи с индивидуально-психологическими особенностями и этапами профессионального становления субъектов; дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 193 с.
6. *Комлев А. А.* Жизненный выбор человека: виды и факторы влияния в аспекте возможностей / Мир психологии. – 2004. – № 4. – С. 41–51.
7. *Митина Л. М.* Психологическое сопровождение выбора профессии / Под ред. Л. М. Митиной. – М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 184 с.
8. *Николаева В. И.* Психологические характеристики личностного выбора (на материале подростково-юношеского периода) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6.
9. *Рацупкина Ю. В.* Процессуальные характеристики жизненных выборов молодых людей в зависимости от выраженности личностной зрелости // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – № 2.
10. *Халина Н. В.* Ценностные ориентации людей пожилого возраста и их представление о ценностных ориентациях значимых других // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 408–411.
11. *Щебетова А. Л.* Психологические особенности ситуаций жизненного выбора в среднем возрасте // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2. – № 6. – С. 111–113.
12. *Bjorklund D. F.* The role of immaturity in human development // Psychological Bulletin. – 1997. – V. 122 (2). – pp. 153–169.
13. *Schwartz B.* The paradox of choice: why more is less. – New York: Ecco, 2004. – 304 p.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ НАСТАВНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Рудь Ольга Владимировна
Демидова Ирина Феликсовна***

В статье рассматривается явление наставничества, которое становится актуальным на современных промышленных предприятиях; описываются закономерности осуществления наставнической деятельности; ставится и обосновывается задача обучения сотрудников данному виду деятельности. Наставником может быть не просто опытный, квалифицированный и авторитетный сотрудник, но и обладающий коммуникативными и педагогическими умениями, с развитой рефлексией и аутопсихологической компетентностью, мотивацией к данному виду деятельности. Необходимость обучения сотрудников без отрыва от основной работы диктует требования к методам такого обучения. Из всех методов обучения взрослых людей таким требованиям отвечают активные методы обучения. Приводятся доказательства в пользу акмеологического тренинга как метода обучения сотрудников предприятий наставнической деятельности.

Акмеологический тренинг направлен на развитие личностных и профессиональных качеств человека. Результатом акмеологического тренинга является возрастание профессионализма работников, переход их на новый уровень профессионализма, повышение эффективности профессиональной деятельности и перенос знаний и умений, полученных в тренинге, в реальную профессиональную деятельность. Данные положения нашли подтверждение в результатах эмпирического исследования. Для подготовки сотрудников к осуществлению наставнической деятельности на ОАО «ТАГМЕТ» был разработан и проведен акмеологический тренинг «Эффективный наставник», который включал в себя разнообразные упражнения, направленные на формирование психологической готовности к наставнической деятельности, развитие коммуникативных, методических умений и аутопсихологической компетентности. Для оценки его эффективности применялась психологическая диагностика и статистическая обработка данных с использованием T-критерия Вилкоксона. Сотрудники, принимавшие участие в акмеологическом

тренинге, повысили свою готовность к осуществлению наставнической деятельности и приобрели ряд личностных особенностей, способствующих эффективности данного вида деятельности.

Результаты диагностики через полгода показали незначимое снижение отдельных параметров по сравнению с результатами сразу после тренинга. Делаются выводы о возможности широкого внедрения акмеологического тренинга в практику работы с персоналом.

Ключевые слова: *наставник, наставническая деятельность, адаптация сотрудников, обучение взрослых, акмеологический тренинг, критерии акмеологичности, аутопсихологическая компетентность, развитие личности, эффективность деятельности, психологическая диагностика, технологии обучения.*

Практика наставничества известна во всем мире, и это один из самых популярных способов обучения персонала. В настоящее время существует несколько определений понятий «наставничество» и «наставник».

Наставничество – тип подготовки к работе, обеспечивающий занятость работника с поддержкой опытного наставника, что способствует изучению работы на практике и в широком диапазоне [8].

Традиции **наставничества** в широком смысле происходят из древнейших времен – наставниками называли всех, кто мог обучить и обучал неопытных чему-либо, будь то ремесло, науки, искусства, правила поведения, просто житейская мудрость. А в последние пару десятилетий идея наставничества как способа передачи знаний обрела широкое признание в бизнесе. Наставничество в этом смысле рассматривается не только как путь приращения коллективных знаний организации, но и как фактор стабилизации, приумножения социального капитала, снижения текучести кадров. Иногда указывают, что не только ученик учится у наставника, но и наоборот, и они взаимодействуют в рамках взаимопомощи.

Профессиональная адаптация личности напрямую зависит от уровня педагогического мастерства, опыта и знаний наставника.

Считается, что понятие «наставничество» приобрело свое современное значение в середине 60-х гг. XX в. и рассматривалось как действенная форма профессиональной подготовки и нравственного воспитания молодежи. Наставниками, как правило, становились люди авторитетные, с хорошей профессиональной подготовкой, богатым жизненным опытом [8].

Имеются разнообразные исследования педагогов и психологов (С. Я. Батышева, И. С. Гичана, Э. А. Гришина, П. П. Костенкова, А. А. Любара, И. И. Малкина, И. Столяра), в которых анализируются психолого-педагогические аспекты этого движения, вопросы взаимоотношений между

субъектами и объектами наставничества, психологической совместимости между ними. На основе теоретического обобщения опыта педагогической деятельности наставников были сформулированы основы производственной педагогики.

В современной теории образования за рубежом наставничеству как методу и способу адаптации молодого специалиста в профессиональной деятельности уделяется большое значение. Особого внимания заслуживает позиция Г. Льюиса [4], который рассматривает понятие «наставничество» как систему отношений и ряд процессов, когда один человек предлагает помощь, руководство, совет и поддержку другому. Наставник – человек, обладающий определенным опытом и знаниями, высоким уровнем коммуникации, стремящийся помочь своему подопечному приобрести опыт, необходимый и достаточный для овладения профессией.

Основными категориями процесса наставничества являются развитие, воспитание и профессиональная адаптация человека в трудовой производственной деятельности. Под развитием человека понимается процесс становления его личности под влиянием внешних и внутренних, управляемых и неуправляемых социальных и природных факторов, а под воспитанием – целенаправленный процесс формирования интеллекта, физических и духовных сил личности, подготовки ее к жизни, активному участию в трудовой деятельности [9].

Под профессиональной адаптацией понимается процесс приспособления (привыкания) человека к содержанию, условиям, организации и режиму труда, к коллективу. Успешная профессиональная адаптация является одним из показателей обоснованности выбора профессии и способствует развитию положительного отношения работника к своей деятельности, сближению общественной и личной мотивации трудовой деятельности [5].

На наш взгляд, было бы неправильно ограничивать наставничество рамками профессиональной адаптации. Обучение персонала на рабочем месте является важным звеном корпоративной системы развития персонала. Оно заслуживает особого внимания, поскольку представляет собой один из наиболее эффективных сегодня методов, проверенных временем и отработанных поколениями. Наставничество не ограничивается решением узкого, сугубо профессионального спектра задач, а подразумевает включение в корпоративную систему отношений.

Наставничество может быть прямое (непосредственный контакт с учеником, общение с ним не только в рабочее время, но и в неформальной обстановке) и опосредованное (когда оно проявляется только формально, путем советов, рекомендаций, но личные контакты сводятся к минимуму; а также влияние на его окружающую среду); индивидуальное (когда все

силы направлены на воспитание одного ученика) и коллективное (когда наставничество распространяется на весь коллектив учеников); открытое (двустороннее взаимодействие наставника и воспитуемого) и скрытое (когда наставник воздействует на ученика незаметно для второго) [15].

Таким образом, наставничество – это процесс целенаправленного формирования личности, ее интеллекта, физических сил, духовности, подготовки ее к жизни в целом, к активному участию в трудовой деятельности. Наставничество является двусторонним процессом: с одной стороны – деятельность наставника, с другой – деятельность ученика, воспитанника. Этот процесс носит субъект-субъектный характер и является одной из разновидностей педагогического взаимодействия.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что наставник должен быть настоящим подвижником, обладать глубокими знаниями в области педагогики, психологии, культурологии и высокой профессиональной компетентностью.

Наставник – это роль, играть которую может любой сотрудник компании, обладающий необходимыми для этого компетенциями, а также знаниями и навыками, которые нужно передать подопечному. Кто именно возьмет на себя роль наставника, зависит от специфики задач. Им может стать непосредственный руководитель сотрудника, коллега, сотрудник службы персонала, специально подготовленный наставник из числа сотрудников компании.

У каждого способа есть свои плюсы и минусы, поэтому к их выбору следует подходить взвешенно, четко соотнося область задач с возможностями и рисками применения того или иного способа.

Как и любой деятельности, наставничеству необходимо обучать. У сотрудника должны быть сформированы мотивационная готовность к выполнению этой деятельности, определенные знания и умения, прежде всего коммуникативные, педагогические.

По мнению многих авторов (А. Н. Аверьянов, А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, А. К. Маркова, Г. Н. Сериков, В. А. Сластенин и др.), готовность к деятельности, будучи интегративным образованием, включает в себя и профессионально значимые качества, и совокупность необходимых для профессиональной деятельности умений, навыков, и потребность в осуществлении этой деятельности.

В соответствии с этим, в готовности к профессиональной деятельности выделяются следующие компоненты: *ценностно-мотивационный* – установка на деятельность, настрой на актуализацию и мобилизацию качеств, знаний, умений, приобретенных как в результате профессионального обучения, так и в результате накопленного профессионального опыта;

содержательный – субъективные модели профессиональной деятельности, индивидуальный стиль, стратегии решения профессиональных задач, содержательная ориентация в пространстве деятельности; *инструментальный* – умения и навыки по решению конкретных профессиональных задач, необходимые компетенции. Все эти компоненты проявляются и в наставнической деятельности. И здесь возникает проблема не просто отбора авторитетных, знающих и успешных сотрудников для выполнения наставнической деятельности, но и обучение их этой деятельности, причем на рабочем месте [5]. Из всех методов обучения, существующих в современной дидактике, с этой задачей могут справиться только активные методы обучения, побуждающие обучающихся к самостоятельному добыванию знаний, активизирующие их познавательную деятельность, развитие мышления, формирование практических умений и навыков [3].

Ученики и последователи Л. С. Выготского (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, Д. В. Эльконин, В. В. Давыдов и др.) разработали теорию, согласно которой процессы обучения и воспитания не сами по себе развивают человека, а только тогда, когда они имеют активные формы и соотносятся с теми типами ведущей деятельности, которые присущи тем или иным возрастным периодам жизни человека. Поэтому под активными методами обучения (АМО) понимаются такие способы организации учебного процесса, которые обеспечивают включение обучающихся в активное взаимодействие и общение в процессе их познавательной деятельности.

Для активных методов обучения характерно:

- отношение учителя к ученику как к себе равному;
- не простое сообщение знаний как неоспоримых истин, а самостоятельное «строительство» знания учеником методом критического отношения к существующим сведениям, информации и т. п., и самостоятельное решение творческих задач;
- плюрализм мнений, подходов, уважительное отношение к мнению, варианту другого;
- при активных методах обучения сочетаются работа в парах, в группах, с индивидуальной работой [6].

Вклад в разработку классификации активных методов обучения внесли Ю. С. Арутюнов, М. М. Бирштейн, Н. В. Бурков, А. А. Вербицкий, С. Р. Гидрович, Р. Ф. Жуков, В. М. Ефимов, Л. Н. Иваненко, В. Ф. Комаров, А. Л. Лившиц, В. И. Маршев, Ю. М. Порховник, В. И. Рыбальский, Т. П. Тимофеевский и др.

В зависимости от направленности на формирование системы знаний или овладение умениями и навыками, активные методы обучения делят на неимитационные и имитационные.

1. *Неимитационные*: проблемная лекция, эвристическая беседа, групповая дискуссия, мозговой штурм, самостоятельная работа с обучающей программой (программированное обучение), самостоятельная работа с литературой.
2. *Имитационные*:
 - а) неигровые: анализ конкретных ситуаций (case study);
 - б) игровые: психогимнастические упражнения, ролевая игра, деловая игра [9].

Итак, имитационные виды активных методов обучения предполагают, как правило, обучение профессиональным умениям и навыкам, и связаны с моделированием профессиональной деятельности. При их применении имитируются как ситуации профессиональной деятельности, так и сама профессиональная деятельность. Имитационные методы, в свою очередь, делят на игровые и неигровые, в зависимости от принимаемых условий, выполняемых ими ролей, взаимоотношений между ролями, устанавливаемых правил, наличия элементов состязательности при выполнении заданий.

К имитационным методам активного обучения можно отнести и тренинг, роль которого в обучении персонала с каждым годом все возрастает.

Несмотря на то, что на сегодняшний день единой общепризнанной классификации тренингов не существует, можно выделить основные типы тренингов по критерию направленности воздействия и изменений – навыковый, психотерапевтический, социально-психологический, бизнес-тренинг и акмеологический тренинг.

Навыковый тренинг направлен на формирование и выработку определенного навыка (навыков). Большинство бизнес-тренингов включают в себя навыковые тренинги, например, тренинг переговоров, самопрезентации, техники продаж и др.

Психотерапевтический тренинг (более корректное название – психотерапевтическая группа) направлен на изменение в сознании: изменение способа, которым человек создает поле реальности, изменение стереотипного способа поведения. Эти группы соотносятся с существующими направлениями психотерапии – психодраматические, гештальт-группы, группы телесно-ориентированной терапии и др.

Социально-психологический тренинг занимает промежуточное положение, он направлен на изменения и в сознании, и в формировании навыков. Социально-психологический тренинг зачастую направлен на смену социальных установок и развитие умений и опыта в области межличностного общения.

Бизнес-тренинг (и его наиболее характерная разновидность – корпоративный тренинг) – развитие навыков персонала для успешного выполнения

бизнес-задач, повышения эффективности производственной деятельности, управленческих взаимодействий. Бизнес-тренинг – это емкий и сложный процесс, который затрагивает все аспекты бизнеса (деятельности компании, организации) и требует системного подхода. В структуру бизнес-тренинга могут входить тренинги по продажам и обслуживанию клиентов, тренинги по формированию управленческих навыков, тренинг наставничества на рабочем месте, тренинги командообразования, тренинг тайм-менеджмента, тренинг по внедрению корпоративной культуры, все вышеперечисленные тренинги [12].

Акмеологический тренинг – это система воздействий и упражнений, направленных на формирование, развитие или коррекцию необходимых человеку профессиональных качеств [13].

В контексте данной работы был выбран акмеологический тренинг как конкретный вид акмеологической технологии, который, в свою очередь, отнесен к I группе акмеологичности. Для определения оснований и степени акмеологичности педагогических технологий А. М. Князевым и И. В. Одинцовой было проведено анкетирование профессорско-преподавательского состава кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при президенте РФ.

Критериальные основания определения степени акмеологичности технологий:

- 1) технология задействует спектр ресурсов личности (предельно возможное их количество);
- 2) представляется реализация деятельностного подхода;
- 3) в ходе реализации технологии возможен учет индивидуальных особенностей личности;
- 4) оптимизация развития не одной, а нескольких сфер психического в личности;
- 5) технологией востребовано развитие личности в контексте жизненного, профессионального и духовного пути;
- 6) технология соотнесена с особенностями системы отношений «преподаватель–обучающийся», где отношения субъектно-объектны;
- 7) технология предполагает контекстное соотнесение условий обучения в образ учреждения с условиями реальной социальной и/или профессиональной самоактуализации;
- 8) технология может предполагать номенклатуру реализованных в ней/включенных в нее социальных ролевых позиций человека;
- 9) технология соотнесена с методологическими принципами акмеологии (личностным, субъекта деятельности, жизнедеятельности, активности, потенциальности, психосоциальным, оптимизации, гражданственности);

- 10) технология ориентирована на прослеживание в действии, деятельности, поступках и поведении людей факторов, определяющих качественно-количественные характеристики, ступени развития и «акме»;
- 11) технология предполагает формирование способности становиться субъектом принятия самостоятельных решений, обуславливающих путь к созидательной деятельности [7].

В технологии могут быть востребованы заимствованные из различных наук технологические цепочки для самосозидания, восприятия, обучения, совершенствования и коррекции деятельности, созидание людей, ориентированных и приводимых к созданию социально-значимого продукта [1].

Акмеологический тренинг, являясь системой специально организованного интенсивного воздействия, позволяет решать множество актуальных проблем как в повседневной деятельности, так и при подготовке к определенному виду деятельности. Он обеспечивает перевод социально-значимых целей подготовки компетентных профессионалов в области наставничества в реально действующие цели и программу тренинга. Достичь этого позволяет последовательная реализация таких функций, как: анализ, планирование, организация, контроль и регулирование [13].

Таким образом, основной задачей и особенностью акмеологического тренинга является освоение коммуникативных, личностно-организационных, психокоррекционных, развивающих и профессиональных психотехнологий и перевод их на уровень навыка в смоделированных игровых ситуациях.

Эффективность использования акмеологического тренинга в ходе подготовки к профессиональной деятельности обусловлена комплексом условий, главными из которых являются: специальная подготовка участников к освоению технологий и осознанию их необходимости для эффективной профессиональной деятельности, личная заинтересованность и психологическая готовность.

Результатом акмеологического тренинга является возрастание профессионализма работников, переход их на новый уровень профессионализма, повышение эффективности профессиональной деятельности и перенос знаний и умений, полученных в тренинге, в реальную профессиональную деятельность.

Для подготовки сотрудников к осуществлению наставнической деятельности на ОАО «ТАГМЕТ» был разработан и проведен акмеологический тренинг «Эффективный наставник», который включал в себя разнообразные упражнения, направленные на формирование психологической готовности к наставнической деятельности, развитие коммуникативных, методических умений и аутопсихологической компетентности. Для оценки его эффективности применялась психологическая диагностика с использованием

следующих методик: тестов В. Дж. Реддина «Управленческая компетентность» и «Эффективные коммуникации» [11], адаптированная версия теста Дж. Роттера «Уровень субъективного контроля», методика Т. Эллера для выявления мотивационных установок личности, тест Ф. Фидлера в версии Л. А. Ясюковой на диагностику личностных установок, методика Л. А. Ясюковой для изучения правосознания и методика Л. А. Степновой «Оценка аутопсихологической компетентности» [14].

Диагностика осуществлялась до и после проведения тренинга, а также спустя полгода после его завершения. Результаты психологической диагностики были подвергнуты статистической обработке с помощью Т-критерия Вилкоксона. Результаты статистической обработки представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Значимые изменения в личностных качествах в результате проведения акмеологического тренинга (Т-критерий Вилкоксона)

№	Компетенция	Т-критерий	Уровень значимости
1.	Локус контроля в области неудач	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$
2.	Локус контроля в области межличностных отношений	$T = 0,00$	$p \leq 0,005$
3.	Управленческая компетентность	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$
4.	Эффективные коммуникации	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$
5.	Полная самостоятельность в работе	$T = -1,50$	$p \leq 0,002$
6.	Возможность участвовать в экспериментах, осваивать новые методы работы	$T = -2,00$	$p \leq 0,002$
7.	Работать под началом опытного и справедливого руководителя	$T = 0,00$	$p \leq 0,05$
8.	Работа с четко определенными обязанностями	$T = 0,00$	$p \leq 0,011$
9.	Гарантированная хорошая зарплата	$T = 0,00$	$p \leq 0,027$
10.	Самостоятельность	$T = -0,00$	$p \leq 0,001$
11.	Исполнительность	$T = 4,50$	$p \leq 0,002$
12.	Правосознание в гражданской сфере	$T = 14,00$	$p \leq 0,13$
13.	Правовые знания	$T = -5,00$	$p \leq 0,020$
14.	Аутопсихологическая компетентность в межличностных отношениях	$T = 1,00$	$p \leq 0,001$
15.	Аутопсихологическая компетентность, внутренний локус контроля	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$
16.	Аутопсихологическая компетентность в умении учитывать прошлый опыт и опыт других	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$
17.	Аутопсихологическая компетентность в области планирования	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$
18.	Общий показатель аутопсихологической компетентности	$T = 0,00$	$p \leq 0,001$

Как видно из приведенной таблицы, значимые изменения произошли не только в иерархии трудовых ценностей, где не только повысился ранг ряда ценностей, но и стали значимыми полная самостоятельность в работе, возможность участвовать в экспериментах, осваивать новые методы работы, возможность реализовывать собственные идеи, вторичные факторы самостоятельность и исполнительность. Также усилилась ответственность не только в области неудач, но и в области межличностных отношений. Значимо улучшились управленческая и коммуникативная компетентности, что нашло отражение в снижении правового нигилизма в социально-гражданской сфере и в области правовых знаний. Однако самые существенные изменения произошли в аутопсихологической компетентности, где значимо увеличились все показатели, т. е. можно говорить о развитии аутопсихологической компетентности под влиянием акмеологического тренинга. Следовательно, сотрудники, принимавшие участие в акмеологическом тренинге, повысили свою готовность к осуществлению наставнической деятельности и приобрели ряд личностных особенностей, способствующих эффективности данного вида деятельности.

Результаты диагностики через полгода показали незначимое снижение отдельных параметров по сравнению с результатами сразу после тренинга. Это свидетельствует об устойчивости результатов тренинга во времени.

Таким образом, акмеологический тренинг является эффективной технологией для подготовки наставников молодежи и может активно применяться на предприятиях в этих целях.

Литература

1. Акмеологические технологии личностно-профессионального развития государственных служащих. Сборник статей / Под общ. ред. А. А. Деркача. – М., 2003.
2. Акмеологический словарь / Под общ. ред. А. А. Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2004.
3. Аникушин Е. А. Инновационные образовательные технологии и активные методы обучения. – Томск: В-Спектр, 2010.
4. Безрукова Е. Ю., Бухтиярова И. В., Синягин Ю. В. Психологические технологии в формировании управленческой команды: Учебно-методическое пособие. – М., 2003.
5. Зазыкин В. Г. Введение в акмеологию. – Иваново, 2013.
6. Зельдович Б. З. Активные методы обучения: методическое пособие для преподавателей. – М.: Изд-во МГУП им. Ивана Федорова, 2012.
7. Нязев А. М., Одинцова И. В. Акмеологические технологии активно-игрового обучения. Учебное пособие под общ. ред. А. А. Деркача. – М.:

- Изд-во РАГС, 2007.
8. *Нестерова А.* Наставничество: лучшее из прошлого, которое работает на будущее / Ubo.ru. Бизнес-образование в России и за рубежом. Федеральный экспертный канал // URL: <http://www.ubo.ru>
 9. *Панфилова А. П.* Инновационные педагогические технологии: Активное обучение. – М.: Академия, 2009.
 10. *Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А.* Психология адаптации личности. – СПб.: Медицинская пресса, 2002.
 11. *Реддин В. Дж.* Тесты для менеджеров. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.
 12. *Реньш М. А., Садовникова Н. О., Лопес Е. Г.* Социально-психологический тренинг. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «РГППУ», 2007.
 13. *Ситников А. П.* Акмеологический тренинг. Теория, методика, психотехнологии. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1996.
 14. *Степнова Л. А.* Развитие аутопсихологической компетентности: овладение аутопсихологическими технологиями. – М.: РАГС, 2001.
 15. *Чарина Е. В.* Отношение в системе «Наставник–молодой специалист» в процессе профессионализации: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 160 с.
 16. *Britell G. K.* Competency and Excellence: The Search for an Egalitarian Standart. The Demand for a Universal Guarantee // Minimum Competency Achievement Testing / Eds. R. M. Jueger, C. K. Tittle. – Berkeley, 1980.
 17. *Isaeva T. E.* To the nature of Pedagogical Culture: Competence – Based approach to its Structure // Преподаватель высшей школы в 21 веке. Тр. Международной научно-практической интерконференции. – Ростов н/Д, 2003.
 18. *Whiddett S., Holliforde S.* The Competencies: Handbook. – CIPD, 1999.

УДК 159.9.072.432

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ МЕНЕДЖЕРОВ ОБРАЗОВАНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

**Щербакова Татьяна Николаевна
Авраменко Денис Игоревич**

В статье показаны основные проекции модернизации российского образования в профессиональной деятельности менеджера образовательной сферы. Выделены и описаны показатели и критерии профессиональной успешности менеджера образования. В работе дана характеристика различных уровней детерминации профессиональной успешности менеджеров образовательного учреждения. Выделена роль различных видов психологической компетентности: коммуникативной, социальной, информационной, аутопсихологической в организации реализации активности субъекта менеджмента. Описаны направления и возможности развития профессиональной психологической компетентности менеджеров в данной сфере. Систематизированы значимые субъективные факторы достижения профессионального успеха в управленческой активности. Дан анализ представлений менеджеров о критериях и показателях успеха.

В статье показаны содержательные и структурные особенности психологического портрета современного менеджера образования как субъекта инновационной управленческой деятельности. Представлены анализ и интерпретация результатов эмпирического изучения уровня субъективного контроля, выраженности мотивации достижений, стратегии поведения в конфликте и ряда характеристик, демонстрирующих стремление к авторитаризму и власти либо к подчинению и альтруизму у менеджеров образования.

В работе дана характеристика психологических рисков и затруднений информационного и коммуникативного характера в деятельности современного менеджера в сфере образования. Выявлен и структурирован заказ менеджеров на психологическое сопровождение профессионального развития. Описаны направления, возможности и психологические условия развития ресурсов менеджеров в контексте профессиональной деятельности.

На основании результатов теоретического и эмпирического анализа в статье обоснована необходимость использования характеристики психологических технологий в развитии профессиональной компетентности менеджеров образования. Обозначены цели и основные векторы реализации

программы психологической поддержки профессионально-личностного развития и компетентного поведения современного менеджера образовательного учреждения.

Ключевые слова: *профессиональная успешность, менеджер образования, психологическая компетентность, личностный потенциал, риски менеджмента, субъективный контроль, поведение в конфликте, мотивация достижений, самооффективность, конкурентоспособность.*

В динамически изменяющейся современной российской социореальности конкурентоспособную активность субъекта профессиональной деятельности в сфере управления определяет не только успешность и результативность, но и субъективная удовлетворенность собственной профессиональной и социальной состоятельностью. В моделировании управления образовательным учреждением сегодня находят отражение основные позиции прогрессивных преобразований как современного российского общества в целом, так и инновации, касающиеся непосредственно образования. В современной психологии интерес к фигуре менеджера образования определяется рядом позиций: возрастанием роли менеджера в инновационном образовательном пространстве, недостаточной изученностью особенностей данной профессиональной деятельности, ограниченностью опыта формирования организационной культуры в образовательных учреждениях, дефицитом технологий целенаправленного развития личного мастерства менеджера в образовательной сфере, необходимостью изучения специфики адаптации к условиям управления в инновационном режиме. С точки зрения акмеологического подхода, достижение личной успешности отражает уровень зрелости личности профессионала, способного творчески, конструктивно использовать свой потенциал и приобретенный опыт. Зрелость личности коррелирует с принятием ответственности за содержание, характер и результат предпринимаемой активности. Особое значение эти позиции приобретают в организации продуктивного менеджмента в образовании.

Актуальность изучения данной проблематики обусловлена интенсификацией, модернизацией современного российского образования, продуцирующей поиск новых путей и способов активизации созидательной активности субъектов управления в данной сфере. Внедрение профессиональных стандартов, создание новых, организационно-психологических механизмов в управлении выдвигает и новые требования к профессионализму и личности менеджера образования. При этом необходимо учитывать, что модернизация образования России XXI в. требует психологически целесообразного управления, направленного на результат, на обеспечение высокого качества образовательных услуг, государственного и социального заказа, повышение

конкурентоспособности и продуктивности функционирования целостной системы образовательного учреждения. Это связано прежде всего с тем, что произошла смена парадигмального уровня организации образовательного процесса с акцентом на смыслах и ценностях образования для конкретного субъекта и утверждением его смыслопорождающего характера, что нашло свое отражение в современной теории смыслодидактики [1]. В зарубежных исследованиях также отмечается наращивание темпа модернизации образовательных процессов с изменением их содержательной и технологической составляющих и акцентом на обеспечении психологической безопасности субъектов образования [11, 15]. Продуктивность управленческой позиции менеджера предполагает: компетентную оценку диспозиций, осознанность организационного маневра, формирование и оптимальное использование ресурсов, минимизацию рисков, умение формировать и максимально использовать потенциал команды, осуществлять прогноз. В современной управленческой деятельности менеджеров актуализируется идея формирования позитивного имиджа в моделировании самопрезентации на характерных средах, построения индивидуальной карьерной стратегии и возможности расширения карьерных притязаний субъекта менеджмента [9, 13, 14]. Коммуникация представляет внутреннюю сторону управленческих процессов, эффективность которых определяется личным мастерством менеджера, его коммуникативной, социально-психологической и личной компетентностью. В управлении организации менеджер не только осуществляет технологическую сторону процесса, но и реализует ментальные модели профессиональной активности, интегрируя в них различные социально-психологические характеристики.

Менеджер образования сегодня включен в разнообразный контекст социальных отношений, где его профессиональная и личная состоятельность коррелирует с определенным статусом, что позволяет оказывать влияние и реализовывать собственные проекты [10]. В деятельности менеджера образования задействованы творческие ресурсы личности. Большое значение здесь имеют удовлетворенность от качественного решения профессиональных задач, возможность развития личности и чувство собственного достоинства, самореализации в деятельности. Эффективность менеджера связывается со способностью получить высокое качество и результативность с минимальными затратами и максимальной пользой для дела, окружающих и самого себя. С точки зрения современной психологии, достижение личной успешности отражает уровень зрелости личности, способной творчески и конструктивно использовать свой потенциал и приобретенный индивидуальный опыт профессиональной деятельности. Сегодня профессиональный успех в пространстве социального и индивидуального бытия человека рассматривается

как критерий состоятельности и благополучия, социально-психологическим подтверждением высокой самооэффективности. Проблема успешности субъекта жизнедеятельности становится одним из приоритетных направлений исследования в психологии. Это связано прежде всего с тем, что человек, стремящийся к успеху, во многом способствует общественному прогрессу и задает определенную социально-психологическую модель достижений для других.

Профессиональный успех менеджера в ряду других субъективных факторов обусловлен высоким самоконтролем, самоактуализацией психологических, социальных образовательных и биографических возможностей для результативного включения в систему социальных и профессиональных отношений. В ряду профессионально значимых характеристик менеджера особое место занимает конкурентоспособность и компетентность, рассматриваемая как интегральная характеристика, включающая ряд компонентов: знания, умения, навыки и способы выполнения деятельности. Погружаясь в поле профессиональных смыслов, проектов действий, общения, субъект деятельности должен освоить индивидуальный стандарт выполнения профессиональной роли [7]. Менеджмент рассматривается как ресурс в повышении стандарта жизни как организаций, общества, так и конкретного человека. Исследование проблемы детерминант успешной деятельности менеджеров разного типа становится все более актуальной задачей психологической науки, как отечественной, так и зарубежной [3, 4, 14]. Анализ опыта подготовки, переподготовки и повышения квалификации менеджеров дает возможность очертить проблемное поле рисков, которые возникают у современного менеджера в данной области. Это прежде всего недостаточный уровень развития психологической компетентности, что затрудняет решение вопросов социального взаимодействия.

В качестве критерия компетентности указывается содержание результата профессиональной деятельности, общения или личностной успешности. Большое значение в достижении профессионального успеха играют различные психологические переменные: направленность, потребности, мотивационно-целевые образования [2, 12].

Для общей и профессиональной успешности современного менеджера большую роль играет уровень развития коммуникативной компетентности, которая исследуется в контексте проблематики общения, взаимодействия и социальной перцепции. Коммуникативная компетентность определяется как сложная личностная характеристика, включающая коммуникативные способности и умения, психологические знания в области общения, свойства личности, психологические состояния, сопровождающие процесс общения.

Социальная компетентность рассматривается как показатель развития социальных способностей, социальной одаренности. Эта категория в широком смысле отражает соотношение субъектности и социальности личности как имманентно присущих ей характеристик в качестве субъекта взаимодействия с различными агентами социума.

С позиций акмеологического подхода продуктивность деятельности рассматривается как единство функциональной и психологической составляющих. Это обусловлено потенциалом психологических знаний, конструктивностью психологических умений, содержанием личностных качеств, интегрированностью уровней субъективного контроля и оптимальностью выбираемых стратегий, входящих в ее структуру. Различные подсистемы психологической компетентности – когнитивная, коммуникативная, социальная и аутопсихологическая – выполняют специфические функции в акмеологическом развитии субъекта: вместе с тем его успешность возможна при условии развития психологической компетентности как системной интегральной характеристики. Аутопсихологическая компетентность менеджера образования в том числе характеризует его способность реализовывать личностный потенциал в профессиональной управленческой деятельности. В психологических исследованиях подчеркивается, что аутопсихологическая компетентность субъекта проецируется на практике в способности и готовности реализовывать совокупный потенциал личностных качеств, знаний, умений, опыта для достижения успешной, продуктивной творческой деятельности, как в профессиональной, так и в социальной сфере, и возможность непрерывного самосовершенствования. Высокий уровень развития аутопсихологической компетентности обеспечивает оптимальную организацию деятельности менеджера, адекватное самоотношение, уверенность в себе, самостоятельность [8].

Опрос участников курсов подготовки тьюторов в сфере инновационного управления образованием показывает, что в числе основных затруднений они выделяют неумение реализовывать демократические модели руководства; нечеткое понимание алгоритма командообразования, тех психологических способов и механизмов, при помощи которых можно осуществлять мотивацию персонала. Затруднения касаются также работы с персоналом в системе аудита и других оценочных систем. В отношении самоменеджмента демонстрируются проблемы в плане самоконтроля, самопомощи. Большое количество слушателей курсов тьюторов демонстрируют определенную степень неуверенности в ситуациях решения психологических задач, связанных со стратегией поведения в конфликте, анализом собственной деятельности, определением рисков общения. Анализ ответов курсантов показывает, что они в недостаточной мере владеют приемами тайм-менеджмента и способами

управления своими эмоциональными и функциональными состояниями. Таким образом, можно сделать вывод о наличии дефицита психологической компетентности как следствия несовершенства программ подготовки менеджеров. Вместе с тем все возрастающая роль психологической компетентности как фактора успешной деятельности менеджера настоятельно требует развития психологической культуры субъекта управления [5]. Сегодня необходимо ставить цель моделирования развития психологической компетентности как фактора, входящего в комплекс и составляющего будущий профессиональный успех.

В подготовке менеджера психологическая компетентность выступает как дополнительный профессиональный ресурс, позволяющий на оптимальном уровне организовывать как собственное профессиональное поведение, так и активность всей команды.

Высокий уровень мотивации компетентности включает развитие потребности в самоактуализации, персонализации, самотворчестве, самоэффективности, а также глубокий интерес к психологически смысложизненным ориентациям, включающим психологическую компетентность как ценность, высокую мотивацию достижений, выраженные мотивы роста.

На современном этапе развития общества особую роль в оценке эффективности педагогической деятельности и возможности акмеологического развития педагогических кадров играют психологические критерии. В обобщенном виде их можно представить следующим образом:

- устойчивость интереса к профессии и расширению профессионального опыта;
- удовлетворенность профессиональными достижениями;
- профессиональное здоровье;
- удовлетворенность потребности в персонализации;
- выраженная мотивация компетентности;
- психологический комфорт в профессиональном взаимодействии;
- широкий тезаурус профессиональных средств [6].

В силу особого статуса в организации и своего функционала успешный тип менеджера выступает в качестве ресурса ее эффективности и дальнейшего развития. При этом несомненный научный интерес вызывает изучение представлений менеджеров об атрибутах и сопутствующих психологических эффектах успеха. С этой целью была разработана соответствующая анкета. Группа респондентов была сформирована из менеджеров, работающих в сфере образования г. Ростова-на-Дону. Анализ данных анкетирования позволил сделать следующие выводы. В качестве внешних атрибутов успеха выделены: экономическая независимость и материальное благополучие, комфорт, возможность путешествий, возможность удовлетворить свои желания

и потребности, наличие престижных предметов в индивидуальном личном пространстве, профессиональные достижения, признание, социальный и профессиональный рост, изменения статуса в профессиональном сообществе.

В качестве сопутствующих успеху психологических эффектов выделены: рост уверенности в самоэффективности, «расширение личных горизонтов», развитие интересов и потребностей, изменение имиджа, накопление опыта достижений, расширение межличностных контактов, выдвижение более сложных целей, позитивный эмоциональный настрой, желание закрепить и умножить успех. Более 50 % респондентов отмечают значение имиджа для успешного менеджера, среди основных характеристик такового отмечают: деловой стиль, хорошая физическая форма, опрятность, современность, привлекательность, этичность движений и высказываний, демонстрация эмоционального позитива. Вместе с тем, как показывают исследования психологов, в создании успешного имиджа менеджера большую роль играет его соответствие социально-ролевым ожиданиям профессионального сообщества, а также требованиям потенциальных и актуальных экспертных групп (заказчики, потребители услуг, работодатели, аудиторы). Эффективность имиджа менеджера определяется в большей степени тем, насколько хорошо развиты с одной стороны профессиональное самосознание и идентификация с группой профессионалов в данной сфере, а с другой – уровнем развития социально-перцептивных способностей и умением рефлексивного анализа эффектов самопрезентации в пространстве делового взаимодействия.

Результаты изучения опыта работы и анализ анкетирования руководителей образовательных учреждений Ростовского региона позволяют выделить также ряд психологических рисков, связанных с использованием информационных технологий в управлении:

- недостаточный уровень информационной компетентности;
- затруднения когнитивного плана, связанные со стилем мышления и особенностями восприятия;
- выработанные стереотипы работы с информацией, представленной на бумажных носителях;
- недостаточная осведомленность в отрасли информационного потенциала профессионально значимых сайтов, федеральных и региональных банков, цифровых образовательных ресурсов, справочных систем, действующих форумов;
- дефицит временных ресурсов для совершенствования информационной культуры.

Вместе с тем необходимо отметить, что руководители образовательных учреждений проявляют высокую заинтересованность в приобретении новых

знаний, готовность к сотрудничеству и социальному партнерству в данной области, отмечают удовлетворение от возможности встраивать информационные технологии в систему управления.

На основании анализа результатов анкетирования был сформирован запрос руководителей на психологическую поддержку развития информационной компетентности, включающий следующие направления:

- освоение конструктивных схем работы с информационными потоками, представленными в сети Интернет;
- развитие оптимального восприятия информации в скоростном режиме;
- снятие психологических барьеров, возникающих в процессе работы с информационными ресурсами, формирование эффективного стиля коммуникации в сетевых профессиональных сообществах;
- расширение индивидуального тезауруса паттернов компетентного поведения в информационном пространстве.

Являясь носителем коммуникативной и информационной компетентности, руководитель образовательного учреждения в процессе взаимодействия не только предъявляет собственный профессионализм педагогической команде, но и демонстрирует преимущества компетентных моделей коммуникативного и информационного поведения. Это выступает мощным фасилицирующим фактором развития соответствующих компетенций у педагога.

Современный руководитель осуществляет управление в инновационном поле разнохарактерных проектов, поэтому уровень его коммуникативной и информационной компетентности не только позволяет позиционировать себя как эффективного субъекта, но и обеспечивает должное качество образования. В связи с этим сегодня актуализируется проблема разработки соответствующих программ психологической помощи специалистам в моделировании адекватного государственному и социальному заказу образа современного менеджера, способного продуктивно управлять инновационными процессами в образовании.

Уровень коммуникативной компетентности определяет степень продуктивности менеджера как субъекта управления.

Вместе с тем, менеджеры в сфере образования испытывают затруднения коммуникативного порядка:

- психологические барьеры в общении с педагогами (эмоциональные, когнитивные, информационные, смысловые);
- недостаточное владение техникой построения деловой беседы с педагогами;
- информационные потери в ходе делегирования полномочий.

Как показывает анализ исследований менеджеров в системе повышения квалификации, можно выделить ряд психологических аспектов,

способствующих повышению статуса информационной компетентности в педагогической деятельности:

- формирование в образовательном учреждении многофункционального информационного пространства;
- организация функционального сотрудничества «администрация – педагог – обучающийся – родитель» в режиме онлайн (электронные журналы, консультации, форумы, сетевые проекты, действующий сайт школы и отдельных субъектов образования);
- высокая мотивация и наличие системы стимулирования повышения уровня владения информационными технологиями;
- расширение возможности самопрезентации и персонализации в обучающих, профессиональных и социальных сетевых сообществах;
- использование информационных ресурсов для реализации стратегии внедрения индивидуальной траектории развития обучающихся и индивидуальной траектории карьерного роста педагога;
- обеспечение возможности участия в сетевых конкурсах: профессиональных, социальных, учебных;
- система работы по формированию субъективных фильтров (нравственно-этических, научных, культуросообразных), обеспечивающих безопасность личности при работе с информационными потоками;
- развитие психологической готовности субъектов образования к работе в информационно насыщенной среде.

В исследовании была поставлена цель эмпирически выявить определенные характеристики психологического портрета современного менеджера образования. Респондентами выступили руководители образовательных учреждений Ростовской области, проходившие повышение квалификации на базе ГБОУ ДПО РО РИПК и ППРО. В качестве исследуемых параметров были выделены: уровень субъективного контроля, выраженность мотивации достижений, стратегия поведения в конфликте и ряд характеристик, значения которых демонстрируют выраженность общей тенденции стремления к авторитаризму и власти либо к подчинению и альтруизму.

В исследовании были использованы методики: тест УСК, разработанный в НИИ им. В. М. Бехтерева на основе шкалы локуса контроля Дж. Роттера такими авторами, как Е. Ф. Бажин, Е. А. Голышкин, Л. М. Эткинд; методика М. Ш. Эминова, предназначенная для изучения мотивации (мотивации стремления к успеху и мотивации избегания неудач); опросник Кеннета Томаса; методика диагностики поведения личности в конфликтной ситуации; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Всего в исследовании приняло участие 122 человека. Анализ результатов полученных данных показал, что наиболее предпочитаемые стратегии поведения в конфликте

выстроились в следующей иерархической последовательности: «компромисс», «избегание», «сотрудничество», «приспособление», «соперничество». Очевидно, тенденция выбирать компромисс как способ разрешения конфликтной ситуации отражает сложность контекста осуществления системы управления в современном инновационном образовании, где одновременно действует целая совокупность разноуровневых направлений трансформации, требующих согласования, и вместе с тем существует необходимость постоянного повышения качества деятельности. Определенное влияние здесь оказывает и развитие медиативных служб, задачей которых является примирение, что формирует определенные установки в профессиональном сознании работников образования.

Показатели уровня субъективного контроля распределились следующим образом: более выражена интернальность в области межличностных отношений, достижений и семейных отношений. С точки зрения респондентов здесь ситуация более контролируется ими, чем внешними обстоятельствами и другими людьми. При этом значительно ниже показатель общей интернальности и субъективного контроля в производственной сфере: здесь руководители данной группы в меньшей степени чувствуют себя способными самостоятельно контролировать весь процесс и считают, что доля влияния внешних факторов на успех значительно выше. Возможно, это связано с обилием быстро нарастающих инновационных трансформаций, что не позволяет в достаточной мере динамично перестроить систему управления и создает определенные проблемы в плане оценки самооффективности в этих вопросах. Средние показатели интернальности получены в отношении здоровья и неудач. Таким образом, руководители образовательных учреждений считают, что в области неудач в равной мере присутствует ответственность как внешних агентов, так и их собственная. В плане мотивации достижения успеха было констатировано, что в группе руководителей с высокими показателями стремления к успеху преобладают мужчины; напротив, в группе руководителей, продемонстрировавших ориентацию на избегание неудач – только женщины. Результаты преобладающего количества респондентов, как мужчин, так и женщин, по мотивации достижения успеха лежат в зоне средних значений.

Данные исследования дают возможность выделить совокупность альтернативных характеристик, показывающих соотношение стремления к власти и подчинению, агрессии и альтруизму. Здесь было выявлено следующее: самые высокие показатели по группе выраженности альтруизма, дружелюбия и одновременно авторитарности. Таким образом, у современных руководителей присутствует одновременно альтруистическая направленность и авторитаризм, что, в общем, отражает современную парадигму системы

управления – сочетание гуманистической ориентации и системно организованного контроля. Вместе с тем показатели агрессии и подозрительности в целом по группе получили достаточно низкие значения, что может отражать специфику образовательной среды, где существует традиция формирования установок толерантности, безопасности и коллегиальности. Низкие показатели в группе по параметру «эгоистичность» являются проекцией специфических особенностей педагогической деятельности и соответствующего профессионального сообщества. Современный менеджер осуществляет управление в инновационном поле разнохарактерных проектов, поэтому уровень его компетентности и сформированность профессионально значимых качеств не только позволяют позиционировать себя как эффективного субъекта, но и обеспечивают должное качество образования.

Сегодня представляется целесообразной разработка программ акмеологического сервиса и тематических проектов, целью которых является достижение релевантности уровня компетентности менеджера образования и выдвигаемых требований к его профессионализму:

- развитые коммуникативные, социально-перцептивные и интерактивные умения;
- широкий арсенал средств получения обратной связи;
- высокий уровень субъективного контроля;
- владение техниками психологической самоподдержки;
- владение способами позиционирования себя как субъекта, которому можно доверять;
- развитая система способов самооценки, саморефлексии, самотворчества.

Менеджер образования в определенном смысле выступает в качестве эталонного субъекта для педагогической команды образовательного учреждения. В данном контексте повышение его компетентности в направлении освоения технологии саморазвития и личностного роста является значимой детерминантой профессионального успеха.

Среди направлений психической поддержки целесообразно выделить: психологические консультации и информирование, моделирование индивидуальной траектории развития компетентности на основе психологической диагностики, формирование позитивной установки на преодоление психологических барьеров при работе в инновационном режиме.

Научно-теоретический анализ позволяет выделить условия профессионального развития менеджеров образования. Значимым условием здесь выступает наличие в общественном сознании установки на достижение высокого уровня профессионализма, государственного заказа и социального запроса на профессионалов менеджеров в сфере образования, повышение престижа и статуса руководителя образовательного учреждения. Немаловажным

условием непрерывного профессионально-личностного развития и саморазвития менеджеров является наличие соответствующей направленности, мотивации и индивидуальных возможностей. В контексте персонификации повышения квалификации менеджеров образования большую роль играет самообразование и наличие профессионального сообщества, позволяющего обмениваться результатами и стимулирующего постановку новых целей самосовершенствования. Важным условием прогрессивного развития менеджеров образования выступает также наличие акмеологической среды на уровне образовательной организации, формирование привлекательного имиджа руководителя. В деятельности современного менеджера образования большое значение имеет целеполагание, т. к. наличие четкой и ясной цели является системообразующим фактором успешного функционирования педагогической системы и успешной совместной деятельности всех субъектов образования. Функциональные компоненты управляющего модуля педагогической системы включают управленческий педагогический анализ и оценку возможностей и рисков, целеполагание, планирование и проектирование, организацию, контроль и корригирование. Каждый из этих аспектов требует от руководителя проявления определенной компетентности и высокого уровня личной включенности. В системе детерминант профессиональной успешности менеджера особую роль играет модуль профессионально значимых качеств, представляющий собой интегральную многокомпонентную, развивающуюся систему. Несмотря на наличие разных подходов к выделению блоков данной системы, в целом ее структуру можно представить как взаимосвязь следующих компонентов: ценностно-смыслового, мотивационного, когнитивного, коммуникативного, организационного и конативного.

В системе повышения квалификации менеджеров образования может успешно осуществляться программа адресного психологического сопровождения и поддержки развития информационной компетентности руководителя школы. В качестве целей программы могут выступать: актуализация ресурсных возможностей личности, помощь в преодолении субъективных рисков и профессиональных проблем психологического плана, психологическое тьюторское сопровождение реализации индивидуальных проектов формирования компетентного поведения.

Литература

1. *Абакумова И. В., Кукуляр А. М., Фоменко В. Т.* Смыслодидактика как системное воплощение общей теории смысла в практике учебного процесса // *Российский психологический журнал.* – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 24–32.
2. *Арутюнян В. Э.* Проблема мотивации развития психологической компетентности педагога в системе повышения квалификации // *Гума-*

- нитарные и социальные науки: научно-методический и прикладной журнал. – 2012. – № 2.
3. *Астапенко Е. В.* Аутопсихологическая компетентность менеджеров среднего звена: функции, показатели, проекции // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 4. – С. 64–66.
 4. *Мексон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента, 3-е издание: пер с англ. – М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2008. – 672 с.
 5. *Хлебунова С. Ф., Щербакова Т. Н., Алимova Е. Е.* Психологические основы инновационного менеджмента в условиях государственно-общественного управления. Учебное пособие. – Ростов н/Д: Изд-во ГБОУ ДПО РО РИПК и ППРО, 2013. – 320 с.
 6. *Щербакова Т. Н., Малкарова Р. Х.* Коммуникативный ресурс как акмеологический фактор профессионального развития педагога // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 40–45.
 7. *Щербакова Т. Н., Мисиров Д. Н.* Психологическая компетентность и успешность профессиональной подготовки менеджеров // Известия ЮФУ. Педагогические науки. – 2011. – № 12. – С. 47–59.
 8. *Щербакова Т. Н.* Психологическая компетентность учителя как профессиональный ресурс // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 66–84.
 9. *Hoekstra H. A.* A career roles model of career development // Journal of Vocational Behavior. – 2011. – V. 78. – Is. 2. – pp. 159–173.
 10. *Hogan R., Hogan J.* Personality and status // Personality, social skills and psychopathology: An individual differences approach / Eds. D. G. Gilbert, J. J. Connolly. – N.-Y.: Plenum Press, 1991. – pp. 137–154.
 11. *McMillan J. H., Schumacher S.* Research in education: Evidence-based inquiry. – Pearson Higher Ed, 2014.
 12. *Murphi P. K., Alexander P. A.* A motivated exploration of motivation terminology // Contemporary Educational Psychology. – 2000. – 25. – pp 3–53.
 13. *Stuart C.* Speak for yourself: The complete guide to effective communication and presentations. – London: Piths, 2000. – 294 p.
 14. *Vinkenburg C. J., Weber T.* Managerial career patterns: A review of the empirical evidence // Journal of Vocational Behavior. – 2012. – V. 80. – Is. 3. – pp. 592–607.
 15. *Welsh W. N.* The Effects of School Climate on School Disorder // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2000. – V. 567. – no. 1. – pp. 88–107.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:612.821

ПОЛОСОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗРИТЕЛЬНЫХ ФИЛЬТРОВ, ПРОПУСКАЮЩИХ МОДУЛЯЦИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЧАСТОТЫ

Мифтахова Майя Байрасовна
Явна Денис Викторович
Звездина Галина Павловна
Ермаков Павел Николаевич
Бабенко Виталий Вадимович

Работа выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета в рамках темы № 213.01–07-2014/15ПЧВГ (проектная часть внутреннего гранта ЮФУ) «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи»

Известно, что на начальных этапах зрительной обработки сцена разделяется на множество локальных фрагментов, каждый из которых описывается параллельно и независимо. На следующем этапе локальные зрительные сигналы определенным образом группируются. Эта операция осуществляется так называемыми фильтрами второго порядка. Одна из важнейших характеристик фильтра – полоса пропускания. Цель настоящего исследования – определение полос пропускания зрительных фильтров второго порядка, чувствительных к модуляции пространственной частоты, по трем параметрам: ориентация оси модуляции, частота модуляции и фаза модуляции.

Исследование выполнено в психофизической парадигме обратной маскировки. Тестовым стимулом служила габоровская текстура с синусоидальной модуляцией пространственной частоты ее элементов. В качестве масок также использовались частотно-модулированные текстуры, в которых ориентация оси модуляции, частота модуляции или фаза модуляции менялись с определенным шагом относительно тестового стимула. Пороговая амплитуда обнаружения модуляции в тестовом стимуле определялась в условиях двухальтернативного вынужденного выбора. В результате была

определена полоса пропускания исследуемых фильтров второго порядка по частоте модуляции (около 3 октав). В то же время было обнаружено отсутствие избирательности этих фильтров к ориентации оси модуляции и фазе модуляции. На основании полученных результатов высказывается предположение о возможной организации рецептивных полей зрительных фильтров второго порядка, чувствительных к модуляции пространственной частоты. Наличие избирательности к частоте модуляции указывает на оппонентную организацию рецептивного поля, в котором возбуждательный центр ограничен тормозными флангами. Отсутствие избирательности к ориентации модуляции может свидетельствовать о концентрической организации поля. А отсутствие избирательности к фазе модуляции указывает на существенную нелинейность рецептивного поля.

Ключевые слова: *зрение, текстура, пространственная частота, модуляция, психофизика, маскировка, пороги обнаружения, фильтры, полоса пропускания, рецептивное поле.*

Известно, что начальные этапы обработки информации в зрительной системе человека протекают параллельно и автоматизировано, без участия внимания и сознания. На уровне первичной зрительной коры зрительная сцена представлена в виде множества разрозненных градиентов яркости, характеризующихся пространственной частотой, ориентацией, локальным контрастом и положением в пространстве. Механизмы, осуществляющие разбиение зрительной сцены на градиенты яркости – это стриарные нейроны, получившие в моделях преаттентивной обработки название зрительных фильтров первого порядка (ЗФП) [6].

На определенном этапе изучения стриарных нейронов на смену детекторной теории пришла теория фильтров [3]. То есть нейроны, избирательные к определенным характеристикам зрительного стимула, стали рассматриваться как полосовые фильтры, пропускающие информацию в определенном диапазоне характеристик сигнала. Одним из важных направлений исследования зрения стало определение полос пропускания этих фильтров по пространственной частоте и ориентации градиента яркости [15, 18, 20, 23], была показана фазовая избирательность фильтров [10]. Полученные результаты дали важную информацию для определения весовых функций ЗФП и создания их математических моделей [16, 22].

Однако существуют операции, которые не могут быть реализованы ЗФП. Речь может идти, например, о разделении текстур или об обнаружении пространственных модуляций их параметров. Эти задачи могут быть решены особыми механизмами, которые осуществляют пространственное группирование локальной информации и получили название зрительных

фильтров второго порядка (ЗФВП). Предполагается, что речь в данном случае идет об экстрастриарных клетках, объединяющих на себе выходы стриарных нейронов. Таким образом, преаттентивная автоматизированная обработка дополнилась вторым уровнем фильтрации.

Начиная с девяностых годов, внимание исследователей зрения все больше переключается на изучение ЗФВП. За последние 20 лет эти механизмы исследовались с помощью самых разных экспериментальных парадигм: *oblique masking paradigm* (симультанной наклонной маскировки) [1], *critical-band masking* (симультанной маскировки критической полосы) [21], различения на пороге обнаружения [17, 21] и др. В качестве стимулов, как правило, использовались текстуры, несущими для которых являлись габоровские патчи [7, 12], белый или отфильтрованный шум [1], реже – сложные составные стимулы [14]. Модулируемыми параметрами несущей были контраст [2, 19] или ориентация [1, 5, 8, 11, 12], и лишь в одной работе – пространственная частота элементов текстуры [1].

Благодаря этим исследованиям было обнаружено, что ЗФВП избирательны к ориентации и частоте модуляции параметров текстуры [5, 13]. А это вновь сделало актуальным вопрос о полосах пропускания, теперь уже применительно к ЗФВП. Было предпринято несколько попыток оценить полосы пропускания ЗФВП при использовании модуляции контраста [2] и ориентации [17, 21] несущей. Однако отличие используемых в этих работах стимулов и экспериментальных процедур было настолько существенным, что затрудняло сопоставление полученных результатов.

Мы задались целью исследовать полосовые характеристики ЗФВП для разных модулируемых параметров текстуры (контраст, ориентация и пространственная частота элементов) в единых экспериментальных условиях. Нами был применен метод обратной маскировки, ставший классическим при исследовании полос пропускания ЗФПП. В качестве стимулов использовались текстуры, составленные из габоровских микропаттернов, которые пространственно модулировались по одному из параметров. В предыдущей работе [2] мы представили результаты, полученные при использовании модуляции контраста. Цель данного исследования – определить полосы пропускания ЗФВП по ориентации, фазе и частоте модуляции, когда в качестве модулируемого параметра используется пространственная частота элементов текстуры.

Методика

Аппаратура. Основу экспериментальной установки составлял персональный компьютер с процессором Intel Celeron 2,5 ГГц, видеоадаптером Intel Graphics Media Accelerator 900 и монитором LG Flatron FT 775 с диагональю 17". Размер экрана в пикселях был равен 1024 на 768, размер зерна – 0.24 мм,

частота кадровой развертки составляла 85 Гц. Применялся режим, позволяющий использовать 256 градаций серого. Монитор был откалиброван с помощью яркомера.

Стимулы. В качестве стимулов использовались текстуры, состоящие из габоровских микропаттернов, расположенных в шахматном порядке. Распределение яркости в микропаттерне описывалось следующим выражением:

$$G_{\lambda\theta\varphi\sigma\gamma}(x, y) = \exp\left(-\frac{x'^2 + \gamma^2 y'^2}{2\sigma^2}\right) \cos\left(2\pi\frac{x'}{\lambda} + \varphi\right),$$

при этом

$$x' = x \cos \theta + y \sin \theta,$$

$$y' = -x \sin \theta + y \cos \theta,$$

$$b = \log_2 \frac{\frac{\sigma}{\lambda} \pi + \sqrt{\frac{\ln 2}{2}}}{\frac{\sigma}{\lambda} \pi - \sqrt{\frac{\ln 2}{2}}},$$

где

σ – стандартное отклонение Гауссовой составляющей,

λ – длина волны косинусоидальной составляющей ядра функции,

θ – ориентация микропаттерна,

φ – фазовый сдвиг косинусоидальной составляющей,

γ – «эллиптичность» функции,

b – параметр, связанный со скоростью «затухания» косинусоидальной составляющей.

Исходными для формирования тестовых и маскирующих стимулов служили текстуры, в которых все микропаттерны имели вертикальную ориентацию и одинаковую пространственную частоту (3,5 цикл./град.). Знак контраста элементов в строке чередовался (рисунок 1А). Средняя яркость изображения составляла 30 кд/м². Контраст элементов равнялся 0,6. Общий размер текстуры составлял 14×10,5 угл. град. Размер условных клеток шахматного поля равнялся 0,44×0,44 угл. град. В текстурах, исходных для формирования тестовых стимулов, элементы располагались в нечетных клетках условного шахматного поля, для маскирующих стимулов – в четных.

Тестовые стимулы были сформированы путем синусоидальной модуляции пространственной частоты элементов исходной текстуры. Функция модуляции была ориентирована горизонтально, частота модуляции составляла 0,3 цикл./град. (рисунок 1Б). Амплитуда модуляции в тестовых стимулах была переменной.

Маскирующие стимулы также были получены в результате синусоидальной модуляции пространственной частоты. Было сформировано 3 набора масок. Примеры маскирующих стимулов показаны на рисунках 1В и 1Г.

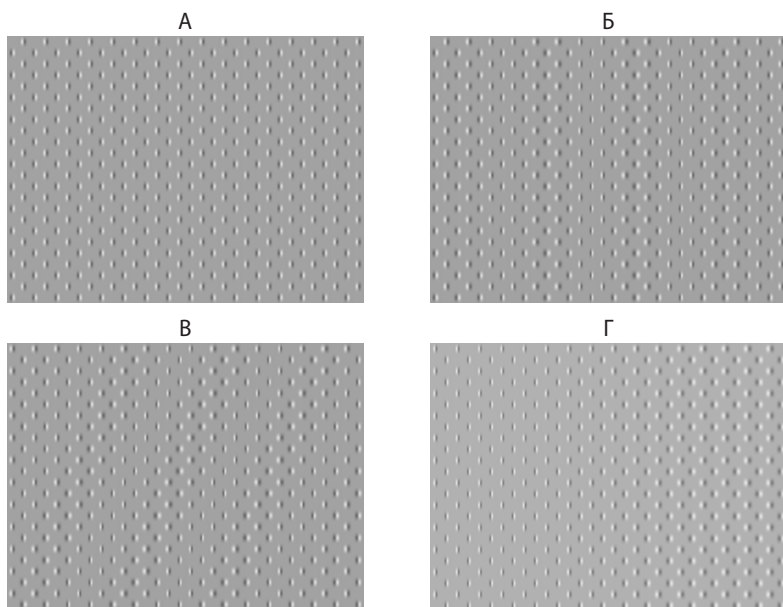

Рисунок 1. Примеры стимулов

А – исходная (немодулированная) текстура, Б – тестовый стимул (модуляция пространственной частоты), В – маска с изменением оси модуляции относительно теста на 22,5 град., Г – маска с изменением (снижением) частоты модуляции относительно теста на 1,5 октавы.

Первый набор масок состоял из 4 текстур, которые отличались от тестовых стимулов только сдвигом фазы модуляции с шагом 0,25 π. Второй набор состоял также из 4 текстур, которые отличались от тестовых ориентацией функции модуляции (с шагом 22,5 град.). Четыре текстуры из третьего набора масок имели различную пространственную частоту модуляции, которая отличалась от тестовой в сторону ее увеличения и уменьшения с шагом в 1,5 октавы. Кроме того, в каждом наборе масок также присутствовал пятый стимул, который полностью повторял тестовую текстуру (за исключением расположения микропаттернов в клетках шахматного поля). Амплитуда модуляции во всех масках была постоянной и составляла 1 октаву.

Чтобы исключить возможность решения задачи на уровне локальных механизмов, использовался случайный синхронный сдвиг фазы теста и маски (-0.25π , 0, $+0.25\pi$).

В каждой экспериментальной серии использовался один тестовый стимул и один набор масок. Всего было проведено 3 серии экспериментов:

в каждой серии определялась полоса пропускания по одному из параметров огибающей.

Процедура. Для оценки полос пропускания ЗФВП по фазе, ориентации и частоте модуляции использовался метод обратной маскировки. В качестве независимой переменной выступал варьлируемый параметр маски: сдвиг фазы модуляции, ориентации оси модуляции или частоты модуляции. В каждой экспериментальной серии менялся только один параметр маски. Зависимой переменной была пороговая амплитуда модуляции текстуры (разница между частотой самого высокочастотного и самого низкочастотного элемента текстуры).

Испытуемый располагался таким образом, чтобы расстояние от монитора до глаз составляло 130 см. Экран был заполнен однородным серым фоном, яркость которого составляла 30 кд/м² и соответствовала средней яркости стимулов.

Испытуемый самостоятельно запускал подачу стимулов путем нажатия соответствующей клавиши. В первом временном окне длительностью 250 мс мог появиться тестовый стимул или исходная (немодулированная) текстура (выбор производился случайно). Следующее временное окно такой же длительности заполнялось маской из определенного набора. Затем следовала пауза, когда в течение 750 мс экран снова заполнялся однородным серым полем. После этого вновь на 250 мс показывался либо тестовый стимул (если в первом временном окне была исходная текстура), либо немодулированная текстура. Этот стимул вновь сменялся на 250 мс той же самой маской. После этого экран вновь становился серым, а испытуемый в условиях двухальтернативного вынужденного выбора должен был решить, в каком временном окне (первом или втором) перед маской был показан тестовый стимул (модулированная текстура). Время принятия решения не ограничивалось. Нажатие соответствующей клавиши являлось одновременно ответом испытуемого и запуском очередного предъявления.

Для определения пороговой амплитуды модуляции использовалась методика сдвоенной лестницы: амплитуда модуляции возрастала на 1 шаг (0, 25 дБ), если испытуемый три раза подряд делал правильный выбор; амплитуда снижалась на 1 шаг при каждом неправильном выборе. В ходе эксперимента фиксировалось и усреднялось 6 значений амплитуды, при которых осуществлялся «поворот» на лестнице: снижение амплитуды сменялось увеличением и наоборот. Параллельно использовалось 5 лестниц (по числу масок в корзине). В ходе одного эксперимента определялась пороговая амплитуда модуляции при использовании каждой из масок. По каждому испытуемому для каждого варьлируемого параметра маски усредняли результаты не менее 20 экспериментов.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 3 испытуемых в возрасте от 22 до 34 лет с нормальным или скорректированным до нормы зрением. Все они убеждались в безопасности исследования для здоровья и участвовали добровольно. Все испытуемые участвовали во всех трех сериях экспериментов.

Результаты

Были проведены 3 экспериментальные серии, в которых определялись полосы пропускания ЗФВП, чувствительных к модуляциям пространственной частоты. Пропускная способность определялась для: а) ориентации оси модуляции, б) пространственной частоты модуляции и в) фазы модуляции.

Определение полосы пропускания ориентации оси модуляции. Исследование избирательности ЗФВП к ориентации оси модуляции не выявило значимых отличий порогов обнаружения теста в условиях маскировки текстурами с разным наклоном оси модуляции относительно тестового стимула (см. рисунок 2).

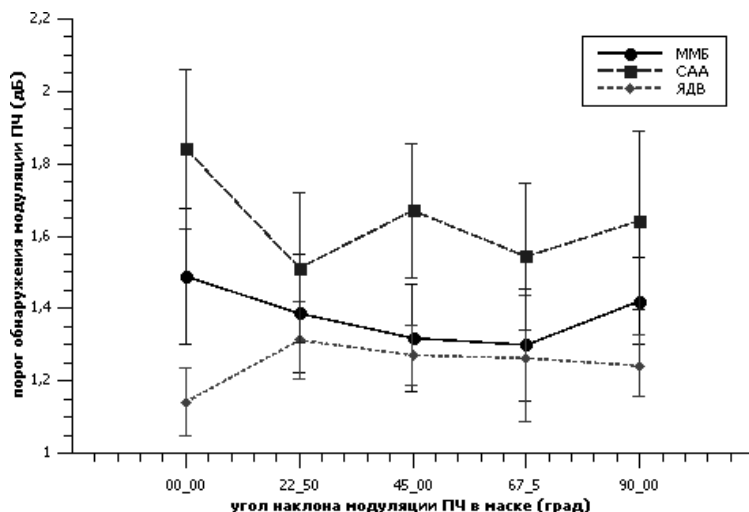

Рисунок 2. Зависимость порога обнаружения модуляции пространственной частоты элементов текстуры от угла наклона оси модуляции в маске

Представлены данные 3 испытуемых. По оси абсцисс – угол наклона оси модуляции в маске относительно теста (в град.), по оси ординат – пороговая амплитуда модуляции (дБ). Вертикальными отрезками обозначены 95 % доверительные интервалы.

Полученные результаты однозначно указывают на отсутствие избирательности ЗФВП к ориентации оси модуляции пространственной частоты.

Определение полосы пропускания частоты модуляции. Результаты, полученные при использовании масок с переменной частотой модуляции, показаны на рисунке 3.

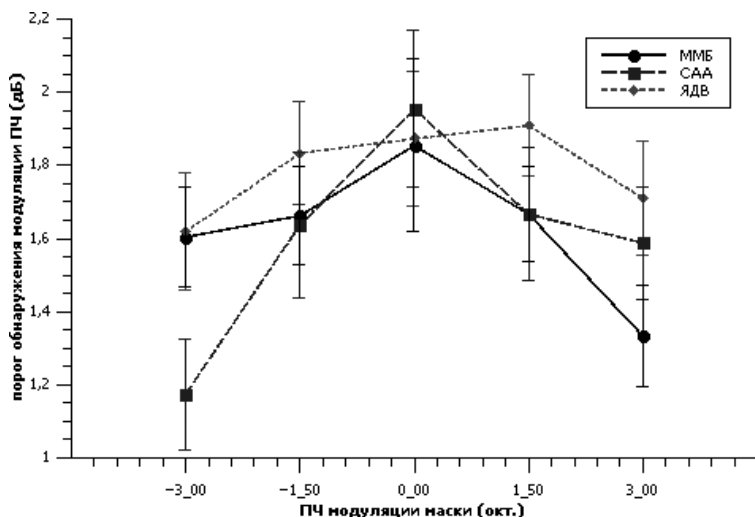

Рисунок 3. Зависимости порога обнаружения модуляции пространственной частоты элементов текстуры от разницы в частоте модуляции маски и теста

Представлены данные 3 испытуемых. По оси абсцисс – разница между частотой модуляции маски и теста (в октавах), по оси ординат – пороговая амплитуда модуляции (дБ). Вертикальными отрезками обозначены 95 % доверительные интервалы.

Из графиков следует, что наиболее выраженную избирательность демонстрирует испытуемый ММБ, в то время как пороги для испытуемого ЯДВ не сильно отличаются друг от друга. Тем не менее, полученные зависимости демонстрируют четкую тенденцию к снижению порогов при расхождении частоты модуляции теста и маски. Усреднение данных по всем испытуемым позволяют получить кривую, по которой можно оценить полосу пропускания ЗФВП по частоте модуляции пространственной частоты (см. рисунок 4). Полоса пропускания зрительного механизма стандартно оценивается по ширине «купола» на половине его амплитуды.

Исходя из полученной усредненной зависимости, полосу пропускания ЗФВП по частоте модуляции можно оценить на уровне ± 1.5 октавы. Таким образом, ЗФВП демонстрируют избирательность к частоте модуляции пространственной частоты при полной ширине настройки фильтра 3 октавы.

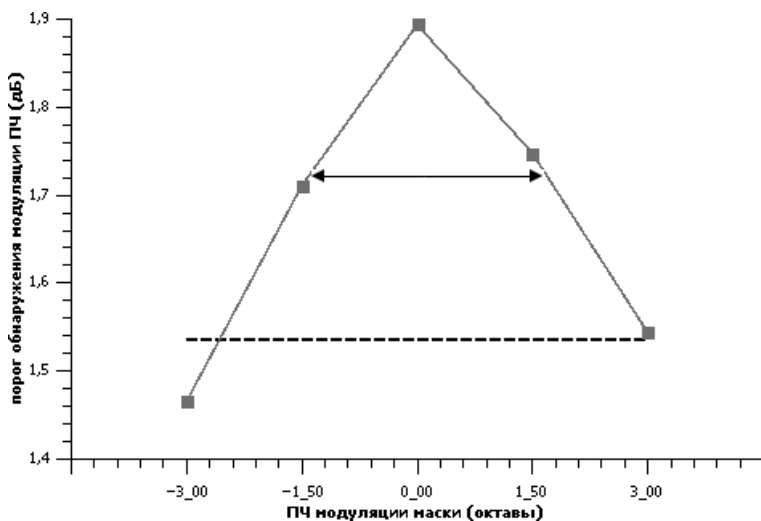

Рисунок 4. Усредненная зависимость порога обнаружения модуляции пространственной частоты элементов текстуры от разницы в частоте модуляции маски и теста

Обозначения осей те же, что и на предыдущем рисунке. Горизонтальная штриховая линия демонстрирует значение усредненного порога обнаружения теста в условиях маскировки немодулированной текстурой. Стрелками показана полная полоса пропускания ЗФВП по пространственной частоте огибающей.

Определение полосы пропускания фазы модуляции. Результаты экспериментальной серии, посвященной исследованию избирательности ЗФВП к фазе модуляции, представлены на рисунке 5.

Как видно из приведенных графиков, расхождение фаз в тесте и маске существенно не меняет пороги обнаружения теста ни для одного из испытуемых. В результате можно констатировать, что ЗФВП не избирательны к фазе модуляции пространственной частоты элементов текстуры.

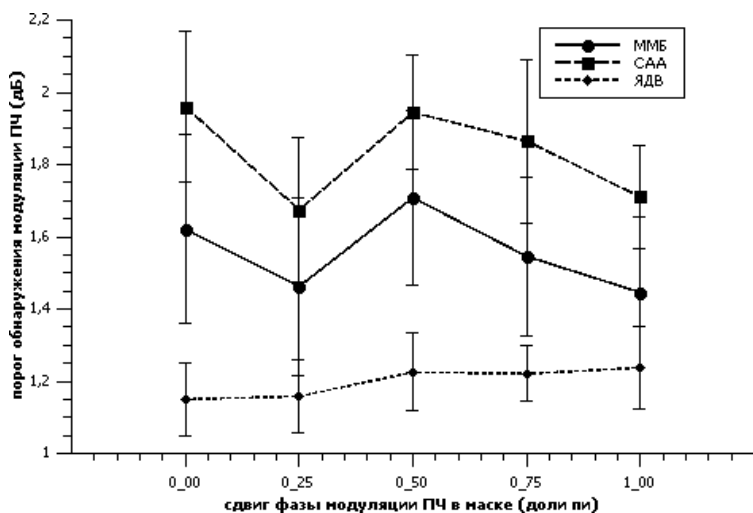

Рисунок 5. Зависимость порога обнаружения модуляции пространственной частоты элементов текстуры от сдвига фазы модуляции в маске

Представлены данные 3 испытуемых. По оси абсцисс – сдвиг фазы модуляции в маске относительно теста (в долях π), по оси ординат – пороговая амплитуда модуляции (дБ). Вертикальными отрезками обозначены 95 % доверительные интервалы.

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты указывают на то, что ЗФВП, чувствительные к модуляции пространственной частоты, избирательны к частоте модуляции и не избирательны к ориентации модуляции и фазе модуляции.

Нам известна лишь одна ранее опубликованная работа, в которой использовалась модуляция пространственной частоты [1]. Ее авторы не ставили своей целью определить полосы пропускания ЗФВП, но указали на наличие избирательности этих механизмов к ориентации и частоте модуляции пространственной частоты. Наши данные согласуются с результатами этой работы в части, касающейся избирательности к частоте модуляции, и не совпадают в отношении избирательности к ориентации модуляции. В чем же может быть причина этого расхождения?

Первое, на что следует обратить внимание, это различия в использованных стимулах. В указанной работе применялись текстуры, несущая которых представляла собой шум, пропущенный через фильтр Габора. При этом

несущая и огибающая были коллинеарны. В ситуации, когда несущая и огибающая коллинеарны, в процесс решения задачи обнаружения модуляции может включаться не только механизм текстурного зрения (ЗФВП), реагирующий на особенности текстурной поверхности, но и механизм интеграции контура, реагирующий на близкорасположенные коллинеарные элементы и осуществляющий локальное объединение градиентов яркости. Включение в процесс обработки дополнительного механизма может существенно изменить пороги обнаружения модуляции. В нашем же исследовании использовались стимулы с ортогональными ориентациями несущей и огибающей, что исключало вовлечение в процесс обработки механизмов интеграции контура. Таким образом, мы полагаем, что обнаруженная A. Arsenault et al. избирательность к ориентации модуляции пространственной частоты может отражать ориентационную избирательность механизмов интеграции контура, но не ЗФВП.

В предыдущем исследовании [2] в качестве теста мы использовали текстуру, модулированную по контрасту. ЗФВП, чувствительные к модуляции контраста, продемонстрировали избирательность ко всем переменным параметрам маски: ориентации оси модуляции, частоте модуляции и фазе модуляции. Отличия с текущими результатами очевидны, хотя в обоих исследованиях мы использовали одну и ту же исходную текстуру и процедуру эксперимента. Столь очевидное различие в результатах при смене модулируемого параметра текстуры может указывать на то, что модуляция контраста и модуляция пространственной частоты обнаруживаются разными механизмами, имеющими различную пространственную организацию. Так, модуляции контраста, по-видимому, обнаруживаются фильтрами, имеющими вытянутые, линейные, оппонентные по своей организации рецептивные поля [2]. Что же касается модуляции пространственной частоты, то отсутствие ориентационной избирательности реагирующих фильтров позволяет предполагать округлую организацию центральной области их рецептивных полей. Избирательность к частоте модуляции указывает на наличие тормозного окружения вокруг центральной возбудительной области поля. А отсутствие избирательности к фазе может указывать на нелинейность самого поля.

Заключение

В работе определены настроечные характеристики ЗФВП, чувствительных к модуляциям пространственной частоты. Полная полоса пропускания фильтров по частоте модуляции составила 3 октавы. Избирательность ЗФВП к ориентации оси модуляции и фазе модуляции не обнаружена. Полученные результаты позволили предположить концентрическую организацию рецептивных полей этих фильтров с нелинейной суммацией в пределах поля.

Литература

1. *Arsenault A., Wilkinson F., Kingdom F.* Modulation frequency and orientation tuning of second-order texture mechanisms // *Journ. of the Optical Society of America.* – 1999. – V. 16. – pp. 427–435.
2. *Babenko V., Yavna D., Solov'ev A., Miftakhova M.* Spatial selectivity of visual mechanisms sensitive to contrast modulations // *J. Optical Technology.* – 2011. – V. 78. – no. 12. – pp. 771–776.
3. *Blakemore C., Campbell F. W.* On the existence of neurones in the human visual system selectively sensitive to the orientation and size of retinal images // *J. Physiol.* – 1969. – V. 203. – no 1. – pp. 237–260.
4. *Campbell F. W., Robson J. G.* Application of Fourier analysis to the visibility of gratings // *J. Physiol.* – 1968. – V. 197. – no. 3. – pp. 551–566.
5. *Ellemberg D., Allen H. A., Hess R. F.* Second-order spatial frequency and orientation channels in human vision // *Vision Res.* – 2006. – V. 46. – pp. 2798–2803.
6. *Graham N.* Beyond multiple pattern analyzers modeled as linear filters (as classical V1 simple cells): Useful additions of the last 25 years // *Vision Research.* – 2011. – V. 51. – pp. 1397–1430.
7. *Graham N., Wolfson S. S.* Is there opponent-orientation coding in the second-order channels of pattern vision? // *Vision Res.* – 2004. – V. 44. – no 27. – pp. 3145–3175.
8. *Gray R., Regan D.* Spatial frequency discrimination and detection characteristics for gratings defined by orientation texture // *Vision Res.* – 1998. – V. 38. – pp. 2601–2617.
9. *Grigorescu C., Petkov N., Westenberg M. A.* Contour detection based on Nonclassical receptive field inhibition // *IEEE Transactions on Image Processing.* – 2003. – V. 12. – no. 7. – pp. 729–739.
10. *Huang P., Kingdom F., Hess R.* Only two phase mechanisms, +/-cosine, in human vision // *Vision Research.* – 2006. – V. 46. – no. 13. – pp. 2069–2081.
11. *Kingdom F., Keeble D.* A linear systems approach to the detection of both abrupt and smooth spatial variations in orientation-defined textures // *Vision Res.* – 1996. – V. 36. – no 3. – pp. 409–420.
12. *Kingdom F., Keeble D., Moulden B.* Sensitivity to orientation modulation in micropattern-based textures // *Vision Res.* – 1995. – V. 35. – Issue 1. – pp. 79–91.
13. *Kwan L., Regan D.* Orientation-tuned spatial filters for texture-defined form // *Vision Res.* – 1998. – V. 38. – pp. 3849–3855.
14. *Landy M. S., Oruc I.* Properties of second-order spatial frequency channels // *Vision Res.* – 2002. – V. 42. – pp. 2311–2329.

15. *Mostafavi H., Sakrison D.* Structure and properties of a single channel in the human visual system // *Vision Research*. – 1976. – V. 16. – no. 9. – pp. 957–968.
16. *Olzak L., Thomas J.* Seeing spatial patterns // *Handbook of Perception and Human Performance, Volume I: Sensory Processes and Perception* / Ed. by K. Boff, L. Kaufman, J. Thomas. – Wiley–Interscience: New York, 1986.
17. *Reynaud A., Hess R. F.* Properties of spatial channels underlying the detection of orientation-modulations // *Exp. Brain Res.* – 2012. – V. 220. – pp. 135–145.
18. *Stromeyer C., Julesz B.* Spatial-Frequency Masking in Vision: Critical Bands and Spread of Masking // *Journ. of the Optical Society of America*. – 1972. – V. 62. – no. 10. – P. 1221.
19. *Sutter A., Sperling G., Chubb C.* Measuring the spatial frequency selectivity of second-order texture mechanisms // *Vision Res.* – 1995. – V. 35. – pp. 915–924.
20. *Thomas J. P., Gille J.* Bandwidths of orientation channels in human vision // *Journ. of the Optical Society of America*. – 1979. – V. 69. – no. 5. – pp. 652–660.
21. *Westrick Z. M., Henry C. A., Landy M. S.* Inconsistent channel bandwidth estimates suggest winner-take-all nonlinearity in second-order vision // *Vision Res.* – 2013. – V. 81. – pp. 58–68.
22. *Wilson H. R., Gelb D. J.* Modified line-element theory for spatial-frequency and width discrimination // *Journ. of the Optical Society of America*. – 1984. – V. 1. – no. 1. – P. 124.
23. *Wilson H. R., McFarlane D. K., Phillips G. C.* Spatial frequency tuning of orientation selective units estimated by oblique masking // *Vision Res.* – 1983. – V. 23. – no. 9. – pp. 873–882.

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

**СОЦИОМЕТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ
МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СКЛОННЫХ
К ИСКАЖЕНИЮ СЛУЖЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ****Статья ретрагирована***Марьяна Григорьевна Иванова,
Ефимкина Надежда Владимировна*

article retracted
04.10.2018

В статье представлены методика и процедура применения социометрической экспертной методики выявления сотрудников органов внутренних дел, склонных к искажению служебной информации при осуществлении ими профессиональной деятельности. Представлен опросник, состоящий из семи вопросов, три из которых отражают отношения между оцениваемыми сотрудниками к искажению служебной информации; три вопроса оценивают действия сотрудников по обеспечению достоверности служебной информации, и один вопрос интегрально отражает ценностные ориентации и правовые установки. Установлены критерии оценки склонности к искажению информации, подтвержденные показателями поведенческих проявлений, а также дисциплинарной практикой, определены направления исследований по определению профессионально-психологических механизмов изучаемого феномена.

В качестве экспертов выступили 438 сотрудников 14 территориальных органов и подразделений внутренних дел, оцениваемых сотрудников в этих органах и подразделениях было всего 262 человека. На основании результатов статистического анализа обследуемая выборка сотрудников разделена на три группы относительно интегрального показателя, определяющего выраженность такого психологического качества, как склонность к искажению служебной информации: высокий уровень интегрального показателя ($ИП \geq 0,826$), низкий уровень интегрального показателя ($ИП \leq 0,537$) и промежуточная группа, в которую вошли сотрудники с уровнем интегрального показателя от 0,538 до 0,827. Дальнейшее исследование проводилось с двумя полярными группами и включало в себя: изучение особенностей их служебного поведения, психологических характеристик, состояния дисциплинарной практики, психодиагностическое обследование ценностно-смысловой сферы и др.

В заключении определены направления для изучения личностных особенностей сотрудников ОВД, склонных к искажению служебной информации.

Ключевые слова: *искажение информации, экспертная методика, социометрическая методика, психодиагностика, мониторинг, полярные группы, сотрудник ОВД, юридическая психология.*

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел (ОВД) сложна и многообразна, связана с непрерывным потоком информации, которая поступает в различных формах и видах (звуковой, текстовой, графической, числовой). В дальнейшем она систематизируется, обобщается, переносится, хранится. Сотрудники ОВД для успешного выполнения своей деятельности эту информацию необходимо получать, распознавать, правильно использовать и, при необходимости, без изменения распространять. Вместе с тем любая переданная информация может подвергаться искажению, изменению смысла и содержания, независимо от того, каким образом она будет распространяться.

Актуальность исследования проблем искажения информации подтверждается данными, свидетельствующими о том, что значительное число сотрудников ОВД к дисциплинарной и уголовной ответственности чаще всего привлекаются за недобросовестное выполнение служебных обязанностей в связи с представлением ими ложных сведений, сокрытием фактов обращения к ним в целях склонения к коррупционному правонарушению, размещением недостоверных сведений в отчетных документах для улучшения показателей оперативно-служебной деятельности и т. д. [1, 3, 5, 7]. Анализ данных надзорных органов за деятельностью правоохранительных органов, в частности, актов прокурорского реагирования по устранению нарушений федерального законодательства по линии МВД России, показывает, что в территориальных органах внутренних дел имеются нарушения, связанные с искажением служебной информации. В результате органы прокуратуры Российской Федерации требуют привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности.

Изучение отечественных специальных публикаций показывает, что являются недостаточно изученными вопросы искажения сотрудниками ОВД служебной информации, детерминирующие его профессиональные и психологические факторы, условия и причины, связанные с организацией службы, оценкой результатов деятельности, влияющих на уровень объективности сведений, собираемых и используемых в процессе служебной деятельности сотрудниками ОВД [4, 6, 9, 11, 14]. В необходимости изучения профессиональных и психологических детерминант в фактах искажения сотрудниками ОВД служебной информации, их профилактики в интересах

повышения уровня ее достоверности для принятия на их базе адекватных управленческих решений, способствующих повышению эффективности функционирования системы МВД России, и заключается актуальность настоящей работы.

Цель исследования представляет поиск подходов к разработке экспертной социометрической методики выявления сотрудников органов внутренних дел, склонных к искажению служебной информации.

В этой связи заметим, что в органах внутренних дел для психологического изучения личности сотрудников используются различные психодиагностические методики, оценивающие степень выраженности тех или иных психологических качеств. Однако ни одна из них не позволяет выявить склонность к искажению служебной информации, на основе установленных индивидуально-психологических особенностей [16, 17]. В ряду широко используемых психодиагностических методик возможно применение метода экспертных оценок, имеющий самостоятельную диагностическую ценность. Основным преимуществом этого метода является возможность создания интегративного психологического «портрета» и, в частности, описания его личностных особенностей как системы взаимосвязанных, взаимозависимых и компенсирующих друг друга качеств. Объективность собираемой информации обеспечивается привлечением широкого круга экспертов, которые наблюдают проявления индивидуально-психологических особенностей человека на протяжении длительного времени, при непосредственном общении в различных типах ситуаций, возникающих в процессе его профессиональной деятельности.

Особое место в этом ряду экспертных методик, позволяющих выявить неформальную структуру статусов в коллективе по заданным основаниям, к примеру, склонности к искажению служебной информации, занимает социометрический методический подход, широко используемое средство измерения социально-психологических показателей членов группы (И. А. Андреева, А. В. Петровский и др.). Вслед за этим встает вопрос об экспертных социометрических методах выявления сотрудников органов внутренних дел, определения их отличительных характеристик, при наличии которых можно отнести их к категории лиц, **проявляющих склонность к искажению служебной информации** [2, 4, 10, 15].

Представляется, что целям настоящего исследования может соответствовать модифицированный вариант социометрической процедуры, реализованный в программе социально-психологических исследований «Мониторинг», позволяющей определять сотрудников ОВД, обладающих негативным статусом в коллективе по критериям, отражающим деятельностный характер их взаимоотношений (М. И. Марьин, А. А. Бочкова и др.) [6, 8].

Автоматизированная программа создана в среде FoxPro 2.5 для Windows и включает несколько баз данных, процедуры обработки и графической интерпретации результатов тестирования.

Методическая часть программы «Мониторинг» представляет собой опросник, в котором каждый включенный в список сотрудник оценивается по семи вопросам, три из которых отражают отношение оцениваемых сотрудников к искажению служебной информации; три вопроса оценивают действия сотрудников по обеспечению достоверности служебной информации и один вопрос интегрально отражает ценностные ориентации и правовые установки.

Сотруднику предлагается следующий перечень вопросов:

1. Всегда ли стремитесь избежать искажения служебной информации?
2. Развито ли чувство ответственности за точную передачу служебной информации?
3. Всегда ли стремитесь передать только правдивую информацию?
4. Является ли служебная необходимость оправданием искажения информации?
5. Влияет ли личная заинтересованность на искажение информации?
6. Всегда ли стремитесь передать достоверность служебной информации?
7. Является ли примером соблюдение правовых норм и служебной дисциплины?

В исследовании в качестве экспертов (оценщиков) выступали 438 сотрудников 14 территориальных органов и подразделений внутренних дел, оцениваемых сотрудников в этих органах и подразделениях было всего 262 человека. В результате проведенного исследования для каждого оцениваемого сотрудника были получены интегральные показатели (ИП), характеризующие его по признакам отношения к искажению служебной информации, по признакам действия по обеспечению достоверности служебной информации, а также личностным установкам и готовности к соблюдению требований, норм и правил служебного поведения в повседневной служебной деятельности.

Кривая распределения переменных по параметру интегральной оценки представлена на рисунке 1. Полученные переменные измеряются в шкале отношений, и их распределение близко к нормальному, а числовые значения этих переменных лежат в пределах от 0 до 1, со средним значением 0,682 и стандартным отклонением, равным 0,145.

На основании результатов статистического анализа, обследованная выборка сотрудников была разделена на три группы относительно интегрального показателя, определяющего выраженность такого психологического качества, как склонность к искажению служебной информации. Высокий уровень интегрального показателя ($ИП \geq 0,826$) характеризует сотрудника

**Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018**

как человека, не склонного к искажению служебной информации, соблюдающего правовые нормы в повседневной служебной деятельности; низкий уровень интегрального показателя (ИП $\leq 0,537$) характеризует сотрудника как человека, склонного к искажению служебной информации, допускающего возможность нарушения правовых норм и требований нормативных правовых документов; в промежуточную группу вошли сотрудники с уровнем интегрального показателя от 0,538 до 0,827.

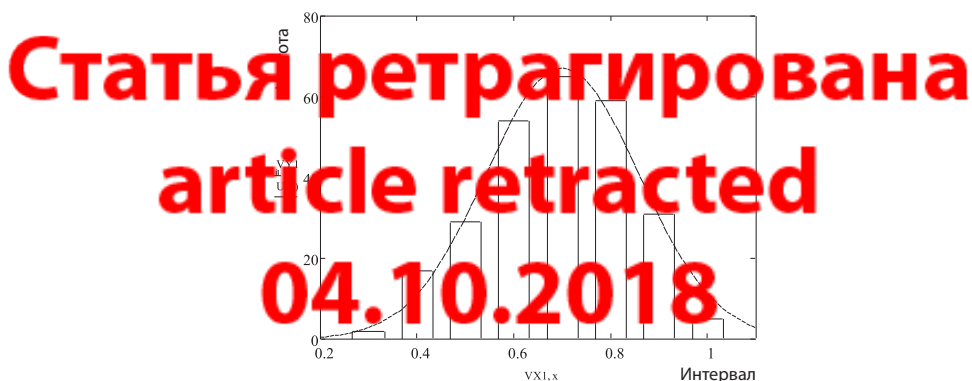

Рисунок 1. Распределение результатов обследования сотрудников ОВД по интегральному показателю склонности к искажению служебной информации

В число сотрудников с низким уровнем интегрального показателя вошли 44 человека (16 %), а в число лиц с высоким уровнем – 48 человек (18 %) (рисунок 2).

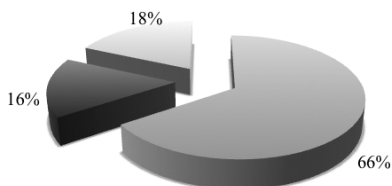

Рисунок 2. Распределение сотрудников по интегральному показателю склонности к искажению служебной информации

Сотрудники, составившие указанные полярные группы, подверглись углубленному изучению особенностей их служебного поведения, психологических характеристик, состояния дисциплинарной практики, характера

дисциплинарных правонарушений (поощрения и наказания), включенности в группу повышенного психолого-педагогического внимания, частоты случаев обращения к психологу подразделения за психологической консультацией и психологической помощью.

Кроме того, была изучена доступная служебная документация личного состава, проведено психодиагностическое обследование ценностно-смысловой сферы сотрудников полярных групп. Ценностно-смысловая сфера, как центральное образование личности, задает направленность жизнедеятельности человека и определяет соотношение «человек–мир». Ценность в сознании человека существует в представлениях о себе, в самоощущении и самоотношении, т. е. отражается во многих эмоциональных и поведенческих характеристиках [12, 13].

Для изучения структуры ценностей была использована адаптированная методика «Ценности и ориентации» М. Рокка, которая состоит из 8 терминов, включавших в себя два класса ценностей: терминальные и инструментальные [4]. Данная методика способна определить жизненную позицию сотрудников двух сравниваемых групп, уровень их вовлеченности в сферу профессиональной деятельности, семейно-бытовую и досуговую активность. Сравнительная характеристика двух обследованных групп сотрудников позволила выявить их ведущие ценности, определить сходства и различия (таблица 1). Данные таблицы свидетельствуют о существовании различий между группами сравнения в показателях ценностно-смысловой сферы, структуре ценностей и их приоритетности в служебной деятельности.

В группе сотрудников, склонных к искажению служебной информации, приоритетными ценностями, отличающими их от сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, являются: карьерный рост, совершенствование личности, материально обеспеченная жизнь. В группе сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, к числу приоритетных ценностей относятся: соблюдение требований закона, приказов; искренность выражения взглядов, без двойных стандартов.

Таблица 1.

Ранжирование исследованных ценностей в группах сравнения

<i>Ранг</i>	<i>Группа 1</i>	<i>Ранг</i>	<i>Группа 2</i>
1	Физическое и психическое здоровье	1	Физическое и психическое здоровье
2	Материально обеспеченная жизнь	2	Благополучная семейная жизнь
3	Благополучная семейная жизнь	3	Соблюдение требований закона, приказов
4	Карьерный рост, совершенствование личности	4	Искренность выражения взглядов, без двойных стандартов

Выявленные различия в ценностно-смысловой сфере сотрудников двух групп сравнения говорят о детерминированности феномена искажения служебной информации внутренними базовыми ценностными факторами, затрагивающими его глубинные психологические механизмы, определяющие спектр направленности личности.

На рисунке 3 приведен анализ данных относительно особенностей служебного поведения сотрудников групп сравнения. Они говорят о том, что полученные интегральные показатели склонности к искажению служебной информации у обследованных сотрудников нашли свое подтверждение в объективных показателях их профессиональной деятельности, в частности, в дисциплинарной практике, которую можно по-разному интерпретировать как критерия валидности результатов экспертной социометрической методики оценки лиц, склонных к искажению служебной информации.

Анализ статистических данных о привлечении сотрудников к дисциплинарной ответственности показал, что у лиц с высоким уровнем ИП дисциплинарных взысканий (наказаний) более чем в два раза меньше, чем у сотрудников с низким уровнем ИП, а число поощрений на 20 % больше, чем у сотрудников противоположной группы. Аналогичным образом сотрудники полярных групп распределились и по частоте обращений за психологической помощью к специалисту: число сотрудников, обратившихся к психологу в группе лиц, склонных к искажению служебной информации, в два раза больше, чем в альтернативной группе.

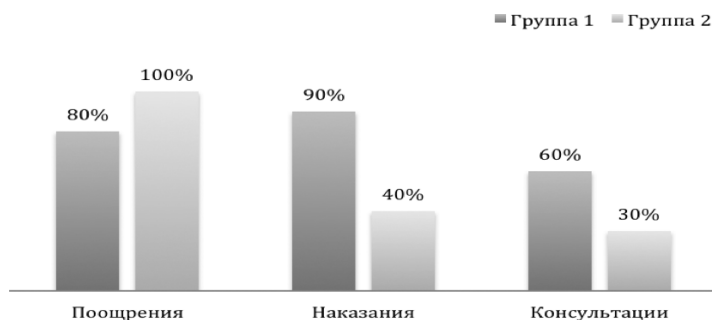

Рисунок 3. Соотношение показателей дисциплинарной практики и консультаций у психолога среди сотрудников ОВД в группах сравнения: склонных (группа 1) и не склонных (группа 2) к искажению служебной информации

Значительный интерес представляют данные рисунков 4 и 5, в которых показано, что за один и тот же временной интервал число случаев наказания

лиц, склонных к искажению служебной информации, в 3,8 раза больше числа случаев наказания сотрудников в группе, не склонных к искажению служебной информации; число случаев поощрений соответственно в 2,1 раза меньше, чем в альтернативной группе.

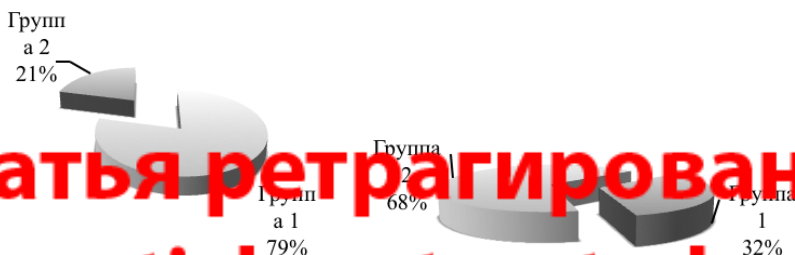

Рисунок 4. Сравнение числа случаев наказания в группах сравнения: склонных (группа 1) и не склонных (группа 2) к искажению служебной информации

Рисунок 5. Сравнение числа случаев поощрения в группах сравнения: склонных (группа 1) и не склонных (группа 2) к искажению служебной информации

Обращает на себя внимание также то, что каждый 10-й сотрудник, склонный к искажению служебной информации, состоит в группе повышенного психолого-педагогического внимания, а среди сотрудников полярной группы таких лиц, состоящих в группе повышенного психолого-педагогического внимания, не выявлено.

Таким образом, результаты исследования служебных коллективов территориальных органов внутренних дел с помощью экспертной социометрической методики продемонстрировали возможность выявления сотрудников, склонных к искажению служебной информации, допускающих возможность нарушения правовых норм и требований нормативных правовых документов в процессе профессиональной деятельности. Результаты экспериментальных исследований нашли свое подтверждение в объективных показателях служебного поведения сотрудников групп сравнения.

Изученные объективные показатели служебного поведения личного состава свидетельствуют о том, что сотрудники, склонные к искажению служебной информации, отличаются от сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, недостаточно примерным поведением, сравнительно низким уровнем служебной дисциплины, наличием у них значительного числа дисциплинарных взысканий и включением их в связи с этим в состав групп повышенного психолого-педагогического внимания.

Практическое применение предлагаемой экспертной социометрической методики будет способствовать совершенствованию системы внутреннего контроля среди действующих сотрудников органов и подразделений внутренних дел, решению вопросов методического обеспечения диагностики сотрудников, нуждающихся в коррекции, для включения их в группы психолого-педагогического внимания. Это расширит возможности своевременной психодиагностики и эффективной профилактики противоправного поведения среди сотрудников органов внутренних дел. Данный методический подход может быть использован при формировании резерва кадров на выдвижение на высшие должности, для спреования общей направленности личности, особенностей словесной формы как индикатора ситуативных изменений коллектива в целом.

Статья ретрагирована

Литература

1. Ажимова О. А., Марьин М. И., Петров В. Е. Современные технологии организации психологической работы в органах внутренних дел: методическое пособие. – М., 2005. – 27 с.
2. Василюк Ф. Е. Уровни осознания и переживания // Методы психологической науки // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27–37.
3. Ефимкина Н. В. К вопросу об искажении информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 16–18.
4. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9–17.
5. Иванова Е. М. Психология профессиональной деятельности. – М., 2011. – С. 58–59.
6. Марьин М. И., Бочкова А. А. Психологические особенности сотрудников ОВД, склонных к противоправному поведению // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 47–53.
7. Марьин М. И., Бочкова А. А., Сафронов А. Д., Касперович Ю. Г., Ефимкина Н. В. Психологическое обеспечение профилактики преступлений коррупционной направленности у сотрудников органов внутренних дел: методические рекомендации. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2014. – 44 с.
8. Марьин М. И., Котенёв И. О., Киселёва Л. Е. Методика экспертных оценок эффективности адаптации к управленческой деятельности выпускников Академии управления МВД России: учеб.-практ. пособие. – М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2012. – 96 с.
9. Пономарёва М. А., Юхновец Т. И. Психодиагностика личности: пособие для студентов вузов. – Минск, 2008.

10. Психологические тесты / Под ред. А. А. Карелина. – Т. 1. – М., 2000. – С. 25–29.
11. *Тарасов А. Н.* Психология лжи. – М.: Книжный мир, 2005. – 327 с.
12. *Удалова Е. А.* Искажения соционического типа. Быть или казаться. – М., 2009. – 191 с.
13. Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008. – С. 13.
14. *Щербатых Ю. В.* Психология лжи и обмана. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. – 284 с.
15. [Kunda P. The Psychology of the Unconscious: Guilt, Deceit in the Market, Late Politics, and Marriage] / Пер. с англ. Н. Исуповой, Н. Мальгиной, Н. Мироннова, О. Тереховой. – СПб., 1999. – 270 с.
16. Экстремальная психология в особые условия деятельности: монография / Под науч. ред. Б. Г. Бовина. – М., 2015. – 514 с.
17. *Weinrich H.* Linguistik der Lüge. – Aufl. – Munchen: Beck, 2000. – 90 p.

**Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018**

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

FAMILY ROLE IN FORMATION OF A SELF-ASSESSMENT AT CHILDREN WITH A HEARING DISORDER

*Mushastaja Natal'ja Viktorovna
Danchenko Irina Vladimirovna*

The relevance of this writing caused by certain significant factors for the inclusion of children with hearing impairment in the general education environment. In the process of socialization is necessary to form a number of personal characteristics, including adequate self-esteem.

Changes, taking place in our society, lead to an exacerbation of socio-stress and increase emotional intensity, on the grounds, that children have different problems – lack of confidence, shyness, aggression, violence, low self-esteem.

The formation of self-esteem in childhood has a decisive influence of family. It becomes the foundation of identity formation. The absence of a positive overall self-esteem at an early age is difficult to compensate in later periods, especially at children with hearing disorder, which are facing enormous difficulties in communication even in their family (children with impaired hearing function from the families with hearing parents).

Self-esteem plays a very important role in the effective management of behavior, without it – is difficult or even impossible to determine in the life. Self-esteem is the criterion for understanding by the personality of its own identity and social values. It determines the stance of man and his relationship with the surrounding reality. Direction of activity of specialists within the educational process on children with disabilities from all social space leads to reproductive transformations, establishes thought in the minds of teenagers of their own "inferiority", develops a negative self-image, as the result the formation of personality suffers.

A chance for harmonious development of the child with disabilities, that can not only adapt to the existing conditions, but also to modify them, changing and developing at the same time, can be reached in the event that will be proposed formation mechanisms and technologies, in particular, of the self-esteem.

Keywords: *hard of hearing, adaptation, self-assessment, realization, communication, society, deformation, anxiety, formation.*

References

1. Andrushchenko T. Yu. *Psichologicheskie uslovija formirovaniya samoocenki v mladshem shkol'nom vozraste* [Psychological conditions of formation of a self-assessment at younger school age]. Moscow, Pedagogics, 2008.

2. Bityutskaya E. V. Kognitivnoe ocenivanie trudnoj zhiznennoj situacii s pozicij dejatel'nostnogo podhoda A. N. Leont'eva [Cognitive estimation of a difficult life situation from positions of activity approach of A. N. Leont'ev]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2013, no. 2, pp. 40–56.
3. Borozdina L. V., Volkova N. N. Opyt korekcii “triady riska” [Experience of correction of “risk triad”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 1, pp. 72–86.
4. Boskis R. M. *Gluhie i slaboslyshashhie deti* [Deaf and hard of hearing children]. Moscow, NPA of RSFSR Publ., 2003.
5. Boskis R. M. *Uчителю о детях с нарушениями слуха* [For teacher about children with a hearing disorder]. Moscow, Prosveshhenie, 2008.
6. Veraksa A. N. Social'nyj aspekt v razvitii reguljatornyh funkcij v detskom vozraste: obzor sovremennyh zarubezhnyh issledovanij [Social aspect in the development of regulatory functions at children's age: review of modern foreign researches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 4, pp. 91–101.
7. Voronova M. N., Korneev A. A., Akhutina T. V. Longitjudnoe issledovanie razvitija vysshih psihicheskikh funkcij u mladshih shkol'nikov [Longitudinal research of the development of the highest mental functions at younger school students]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2013, no. 4, pp. 48–64.
8. Gordeeva T. O. Bazovye tipy motivacii dejatel'nosti: potrebnostnaja model' [Basic types of activity motivation: a model of needs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 3, pp. 63–78.
9. Gurovets G. V., Lenok Ya. Ya. Korrekcionno-razvivajushhie igry kak metod obuchenija v special'noj pedagogike [The correctional developing games as a training method in a special education]. *Defektologija – Defectology*, 2006, no. 2, pp. 77–83.
10. Davydov V. V., Dragunova T. V., Itelson L. B., Petrovsky A. V. *Vozrastnaja i pedagogicheskaja psihologija* [Age and pedagogical psychology]. Moscow, Prosveshhenie, 2009, 288 p.
11. Zakharova E. I. Osobennosti vzaimodejstvija materej s det'mi v uslovijah “pozdnego” materinstva [Features of interaction of mothers with children in the conditions of the “late” motherhood]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 2 (14), pp. 97–101.

12. Zinchenko Yu. P., Evdokimov V. I., Rybnikov V. Yu. Analiz otechestvennyh i zarubezhnyh dissertacij v sfere medicinskoj (klinicheskoj) psihologii (1990–2011) [The analysis of domestic and foreign theses in the sphere of medical (clinical) psychology (1990–2011)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 2, pp. 3–15.
13. *Izuchenie slaboslyshashhih detej v processe obuchenija. Pod red. prof. R. M. Boskis* [Studying of hard of hearing children in the course of training. Ed. of the Prof. R. M. Boskis]. Moscow, Pedagogics, 2009.
14. *Issledovanie lichnosti s naruseniem sluha. Pod red. T. V. Rozanovoj, N. V. Jashkovoj* [Research of the personality with a hearing disorder. Ed. of T. V. Rozanova, N. V. Yashkova]. Moscow, Prosveshhenie, 2011.
15. Kapustin S. A. Stili roditel'skogo vospitanija v sem'jah klientov psihologicheskoj konsul'tacii po detsko-roditel'skim problemam [Styles of parental education in families of clients of psychological consultation on the child-parental problems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 4, pp. 76–90.
16. Krasnaya M. A. Razrabotka i aprobacija metodiki opredelenija pozicii cheloveka v social'noj situacii [Development and approbation of a technique of definition of person's position in a social situation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 1, pp. 103–111.
17. Leongard E. I., Samsonova E. G., Ivanova E. A. *Ja ne hochu molchat': Iz opyta raboty po organizacii obuchenija gluhih i slaboslyshashhih detej* [I don't want to be silent: From the experience of the organization of training of deaf and hard of hearing children]. Moscow, Prosveshhenie, 2010.
18. Matveev V. F. *Psihologicheskie narushenija pri defektah zrenija i sluha* [Psychological violations with visual and hearing impairments]. Moscow, Prosveshhenie, 2007.
19. Nudel'man M. M. Predstavlenie gluhih shkol'nikov ob ocenke ih lichnosti sverstnikami [Idea of deaf school students of an assessment of their personality by contemporaries]. *Defektologija – Defectology*, 2013, no. 6.
20. Osin E. N., Rasskazova E. I. Kratkaja versija testa zhiznestojkosti: psihometricheskie harakteristiki i primenenie v organizacionnom kontekste [Short version of the resilience test: psychometric characteristics and application in an organizational context]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2013, no. 2, pp. 147–166.
21. *Osnovy obuchenija i vospitanija anomal'nyh detej. Pod red. A. I. D'jachkova; Akademija ped. nauk* [Bases of training and education of abnormal children.

- Ed. of A. I. Dyachkov; Academy of Ped. Sciences]. Moscow, Prosveshhenie, 2005.
22. Petrova V. G. *Otnoshenie gluhih uchashhihsja k tovarishham i samoocenka. Pod red. I. M. Solov'eva i dr.* [Relation of deaf pupils to companions and a self-assessment. Ed. of I. M. Solov'iev, et al.]. Moscow, Prosveshhenie, 2011.
 23. Prilepskaya T. N. Osobennosti samoocenki i urovnja pritzazanij u gluhih i slaboslyshashhih shkol'nikov [Features of a self-assessment and level of claims at deaf and hard of hearing school students]. *Defektologiya – Defectology*, 2009, no. 5.
 24. Puzanov B. P., Seliverstov V. I., Shahovskaja S. N., Kostenkova Ju. A. *Korrekcionnaja pedagogika: Osnovy obuchenija i vospitanija detej s otklonenijami v razvitii* [Correctional pedagogics: Bases of training and education of children with deviations in the development]. Moscow, Akademiya, 2011.
 25. Rasskazova E. I. Modeli stadij izmenenija povedenija v psihologii zdorov'ja: vozmozhnosti i ogranichenija [Models of stages of behavioral change in health psychology: opportunities and restrictions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2014, no. 4, pp. 102–119.
 26. Sobkin V. S., Veryasova E. S. Struktura cennostnyh orientacij vospitatelej detskogo sada [Structure of valuable orientations of kindergarten teachers]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal*, 2013, no. 1 (9), pp. 134–143.
 27. Sokolova E. T. *Samosoznanie i samoocenka pri anomalijah lichnosti* [Self-awareness and self-esteem of the individual anomalies]. Moscow, MSU Publ., 2009.
 28. Zuckerman I. W. Problema socializacii vypusknikov special'nyh shkol dlja detej s narushenijami sluha [Problem of socialization of graduates of special schools for children with a hearing disorder]. *Defektologiya – Defectology*, 2008, no. 1.
 29. Chesnokova M. G. Obshhepsihologicheskie osnovanija issledovanija zdorov'ja lichnosti [General psychological bases of the research of individual health]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal*, 2013, no. 1 (9), pp. 96–102.
 30. Shevandrin N. I. *Psihodiagnostika, korrekcija i razvitie lichnosti* [Psychodiagnosics, correction and the development of personality]. Moscow, VLADOS, 2008.
 31. Shevandrin N. I. *Social'naja psihologija v obrazovanii. Ch. 1* [Social psychology in education. P. 1]. Moscow, VLADOS, 2005.
 32. Shipkova K. M. Izmenenie profilja sluhorechevoj asimmetrii pri afazii [Changing profile of audioverbal asymmetry in aphasia]. *Vestnik Moskovskogo*

- universiteta. Serija 14. Psihologija – The Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology, 2013, no. 4, pp. 65–75.*
33. Anauate C. Psychological problems of late adoption as observed in Brazil through a cultural-historical approach // *Psychology in Russia: State of the Art, 2013, 6 (4), pp. 176–185.*
34. Razina N. V. Attitudes to motherhood in different cultures // *Psychology in Russia: State of the Art, 2014, 7 (2), pp. 93–104.*
35. Rodrigues T. F. Meaning in couples relationships // *Psychology in Russia: State of the Art, 2014, 7 (3), pp. 126–135.*

AGGRESSIVENESS IN CHILDREN OF EIGHT YEARS FROM TWO-PARENT AND SINGLE-PARENT FAMILIES

***Tashcheva Anna Ivanovna
Malyshko Liudmila Nikolaevna
Bedredinova Svetlana Valer'evna***

In the article the authors offer the comparative analysis of aggression in modern girls and boys.

There is quite a lot of research of aggression in domestic and foreign psychology. However, the absolute majority of these works concern adults and children of older age groups (e. g. adolescents); almost all the studies on children of eight years are carried out by psychologists of our country from the middle to the end of the 20th century. There are virtually no studies concerning features of aggressiveness in modern children of the analyzed age.

The authors could not find empirical studies on gender differences in the manifestation of aggression in children of this age, connection of one of the most important and interesting psychological phenomena with other psychological characteristics of children of eight years.

Respondents at the age of eight – pupils of the first form of secondary schools – were the object of the study.

Methodological tools of research included tests of S. Rosenzweig and R. Kettell (CPQ 12), “Nonexistent Animal” technique, A. I. Tashcheva’s questionnaire “Attribute Support Communication” (“ASC”).

The main results of the study have made it possible to demonstrate the typical behaviors of children of eight years in frustrating situations, common gender features of children’s reactions to conflict regardless of their sex; specific reactions in conflict situations of children with high aggressiveness and children with “normative” and low aggressiveness.

The obtained results can be useful to psychologists, teachers and parents for effective understanding and interaction with children of eight years, for creating a psychological support program for reducing the level of aggressiveness in boys and girls of the studied age.

Keywords: girls, boys, eight-year-old children, aggression of children, aggressiveness of children, "normative" aggressiveness, increased aggressiveness, low aggressiveness, low self-appraisal, frustrated situations.

References

1. Berkoviz L. *Agressiia: prichiny, posledstviia i kontrol'* [Aggression: causes, consequences and control]. St. Petersburg, 2001, 512 p.
2. Beron R., Richardson D. *Agressiia* [Aggression]. St. Petersburg, 2001, 352 p.
3. Buttner C. *Zhit' s agressivnymi det'mi* [Living with aggressive children]. Moscow, 1991, 144 p.
4. Enikolopov S. N. *Agressivnost' kak spetsificheskaia forma aktivnosti* [Aggression as a specific form of activity]. Moscow, 2002, 127 p.
5. Zharnovetskaia N. Iu. *Vozrastno-polovye osobennosti vospriiatiia shkol'nikami agressivnosti odnoklassnikov* [Age and gender characteristics of pupils' perception of the aggressiveness of classmates]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Proceedings of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2006, no. 3 (20), pp. 96–101.
6. Lorenz K. *Agressiia* [Aggression]. Moscow, 2008, 485 p.
7. Parens H. *Agressiia nashikh detei* [Aggression in our children]. Moscow, 1997, 152 p.
8. Tashcheva A. I. *Konsul'tativnaia beseda: Uchebnoe posobie* [Counseling interview: a training manual]. Rostov-on-Don, 2014, 64 p.
9. Tashcheva A. I. *Oprosnik "Atributivnoe soprovozhdenie obshcheniia" ("ASO") // Entsiklopedicheskii slovar' po psikhologii obshcheniia* ["Attributive support of communication" questionnaire ("ASQ"): Encyclopedic dictionary of psychology of communication]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2013, 543 p.
10. Tashcheva A. I., Bedredinova S. V., Malyshko L. N. *Empiricheskoe issledovanie lichnostnykh osobennostei mladshikh shkol'nikov iz nepolnykh semei v sviazi s ikh polom* [The empirical study of personality characteristics of junior schoolchildren from single-parent families with respect to their gender]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki – Theoretical and Applied Aspects of Modern Science*, 2015, no. 7–10, pp. 153–155.
11. Tashcheva A. I., Gridneva S. V. *Lichnostnye determinanty sovladaiushchego so strakhami povedeniia u detei 9–10 let. Sovladaiushchee povedenie: sovremennoe sostoianie i perspektivy* [Personal determinants of coping with fears in children of 9–10 years. Coping behavior: the current status

- and prospects]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Science Publ., 2008, pp. 328–347.
12. Fromm E. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow, 2006, 640 p.
 13. Shkurko T. A., Balakina A. A. Osobennosti otnoshenii k drugim liudiam zhitelei gorodov luga Rossii, differentsirovannykh po territorial'no-prostranstvennym parametram prozhivaniia v gorode [Features of relations to other people of the inhabitants of the cities of the South of Russia, who are differentiated by spatial parameters of living in the city]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2015, V. 12, no. 1, pp. 91–100.
 14. Tashcheva A., Gridneva S. Personal Determinants of Coping with Fears of Modern Children // 5-th International Conference on Education and Educational Psychology (ICEEPSY 2014), Kyrenia, Cyprus. Abstract Book / Eds. Z. Bekirogullari, M. Y. Minas. Kyrenia, Future Academy, 2015, P. 174.

FEATURES OF LIFE-SENSE REPRESENTATIONS IN OLD AGE

Bedredinova Svetlana Valer'evna
Tashcheva Anna Ivanovna
Shul'ts Evgeniia Olegovna

The article brings forward the comparative analysis of terminal and instrumental values, life areas of values, features of interpretation of life senses and characteristics of the substantial aspect of life-sense representations of older people, carried out in 1989 and 2009.

Respondents at the age from 60 to 75 years with different education, family and social status were the object of the study. Methodological tools of the study included M. Rokich's "Value Orientations"; "Questionnaire of Terminal Values"; "Free Semantic Evaluation" technique, S. Rosenzweig and T. Leary's test, and interviews for studying characteristics of life-sense representations.

The main results of the study have shown that the revealed representations of life senses correspond to values and dominant spheres of life peculiar to this age group. Older people discover life-sense representations in happy family and friends, health and communication; they rationalize the path of life. There are differences in life-sense representations in men and women: women are more focused on the family sphere, while men, along with family and parenting, discover the sense of life in professional activities and public recognition.

The obtained results can be useful to psychologists, when rendering psychological assistance if the life-sense crisis is a client's problem, family members with older

people for considering age characteristics and problems of the aged, and all the people who are interested in the sense of life problem.

Keywords: life-sense representations, life senses, sense of life, value guidelines, terminal values, life spheres, elderly age, old age, older people, portraits of the aged.

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Rudakova I. A. *Obshchaia teoriia smysla, psikhologicheskie kontseptsii smysloobrazovaniia, smyslodidaktika. Khrestomatiia dlia magistrantov pedagogiki i psikhologii* [General theory of sense, psychological concepts of sense creating, sense-didactics: a reader for pedagogy and psychology students]. Moscow, 2014, 430 p.
2. Abakumova I. V., Levshina A. A. Smyslozhiznennye strategii aktivnogo sotsial'nogo povedeniia [Sense creating of the strategy of active social behavior]. *Materialy vserossiiskoi psikhologicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Kategoriia smysla v filosofii, psikhologii, psikhoterapii i v obshchestvennoi zhizni"* [Proc. the All-Russian Psychological Conference with International Participation "The category of sense in philosophy, psychology, psychotherapy and social life"]. Moscow, KREDO Publ., 2014, pp. 10–12.
3. Antsyferova L. I. Pozdnii period zhizni cheloveka; tipy starenii i vozmozhnosti postupatel'nogo razvitiia lichnosti [The late period of human life; types of aging and possibilities of progressive development of the person]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1996, V. 17, no. 6, pp. 60–71.
4. Borozdina L. V., Molchanova O. N. Osobennosti samootsenki v pozdnem vozraste [Features of self-assessment at a later age]. *Vestnik MGU. Psikhologiya – Bulletin of Moscow State University. Psychology*, 1988, no. 1, pp. 41–52.
5. Gridneva S. V. Razvitie kommunikativnoi kompetentnosti kazhdogo chlena sem'i – odno iz effektivnykh sredstv profilaktiki ideologii ekstremizma i terrorizma [The development of communicative competence of each family member is one of the effective means of preventing the ideology of extremism and terrorism]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 5–6, pp. 47–51.
6. Gridneva S. V., Tashcheva A. I. Smyslozhiznennye predstavleniia liudei pozhilogo vozrasta [Life-sense representations in older people]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2014, V. 12, no. 3, pp. 37–42.
7. Gridneva S. V., Tashcheva A. I. Empiricheskoe issledovanie smyslozhiznennykh predstavlenii v pozhilom vozraste [The empirical study of life-sense representations in the elderly]. *Materialy vserossiiskoi psikhologicheskoi*

- konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Kategoriia smysla v filosofii, psikhologii, psikhoterapii i v obshchestvennoi zhizni"* [Proc. the All-Russian Psychological Conference with International Participation "The category of sense in philosophy, psychology, psychotherapy and social life"]. Moscow, KREDO Publ., 2014, P. 41.
8. Krasnova O. V. "My" i "Oni": eidzhizm i samosoznanie pozhilykh liudei ["We" and "they": ageism and the self-consciousness of elderly people]. *Psikhologiya zrelosti i starenia – Psychology of Maturity and Aging*, 2000, no. 3, pp. 18–36.
 9. Kruteleva L. lu., Abakumova I. V. Perspektivy issledovaniia smyslozhiznennykh strategii lichnosti [Prospects of studying life-sense strategies of the person]. *Materialy vserossiiskoi psikhologicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Kategoriia smysla v filosofii, psikhologii, psikhoterapii i v obshchestvennoi zhizni"* [Proc. the All-Russian Psychological Conference with International Participation "The category of sense in philosophy, psychology, psychotherapy and social life"]. Moscow, KREDO Publ., 2014, pp. 71–72.
 10. *Psikhologiya starosti i starenia. Khrestomatiia: ucheb. posobie dlia stud. psikhol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [The psychology of old age and ageing. A reader for psychology students of institutions of higher education]. Moscow, Akademiia Publ., 2003, 416 p.
 11. *Samoregulatsiia i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniia lichnosti* [Self-regulation and prediction of social behavior]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 264 p.
 12. Tashcheva A. I. Kontseptsiiia organizatsii psikhologicheskoi pomoshchi odinokim liudiam pozhilogo vozrasta v strukture Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiia [The concept of psychological assistance to lonely older people in the Ministry of Labour and Social Development]. *Psikhologiya zrelosti i starenia – Psychology of Maturity and Aging*, 1998, no. 4, pp. 75–87.
 13. Tashcheva A. I. Psikholog v territorial'nom tsentre [A psychologist in a territorial center]. *Sotsial'noe obespechenie – Social Support*, 1995, no. 10, pp. 12–16.
 14. Shavkova U. G. Vliianie ponimaniia smysla zhizni na perezhivanie starenia pozhilymi liud'mi [The influence of understanding the sense of life on older people's experience of aging]. *Psikhologiya zrelosti i starenia – Psychology of Maturity and Aging*, 2001, no. 3, pp. 91–99.
 15. Tashcheva A., Gridneva S. Personal Determinants of Coping with Fears of Modern Children // 5-th International Conference on Education and Educational Psychology (ICEEPSY 2014), 22–25 October, Cyprus. Abstract Book / Z. Bekirogullari, M. Y. Minas (eds.). Kyrenia, Future Academy, 2015, P. 174.

PERCEPTIONS OF THEMSELVES AND THE WORLD OF THE PSYCHOLOGY STUDENTS

Vasileva Olga Semenovna
Gracheva Nadezda Mikhailovna

The article explains the relevance of the study of subjective picture of the world, a holistic view of themselves and the world to understand what factors affect the formation of proactive personality, especially with regard to professionals working in the profession of the “man–man”. The results of an empirical study of representations of themselves and the world models of the world psychology students of the second year of study. Analyzed self-image, identity characteristics, the characteristics of the world in which respondents live, the ratio of the major spheres of activity. The tendency of gradual transition from a negative perception of the world and the relevant characteristics of the world in which he lives respondent to positive depending on the attitudes and perceptions of parents.

The novelty of the study lies in the fact that with the help of content analysis of responses and mathematical methods, supplemented by the characteristics of the models of the world proposed by V. M. Smirnov. So, for example, a person with a chaotic model of the world tend to a negative attitude to his father, and in general to the males, the negative attitude towards its past and low meaningfulness of life. Antagonistic models are difficulties in relation to the objectives. Mechanistic model tend the acceptance of the family and family values. Organismic model of the world tend value the cultivation suprasituational values that stimulates its holders to work on themselves. There was a significant relationship to the role of the father and mother in the formation of certain features of the world picture. There is analysis of gender-specific representations of themselves and the world, in particular in relation to the family and the opposite sex.

Keywords: *picture of the world, a model of the world, attitude, parents, chaotic model, antagonistic model, mechanistic model, organismic model.*

References

1. Andreeva G. M. Obraz mira v structure social'nogo poznaniya [The image of the world in the structure of social cognition]. *Mir psihologii – The World of Psychology*, 2003, no. 4., pp. 31–41.
2. Brushlinskyi A. V. Psikhologiya sub"ekta [Subject's psychology]. SPb., Alteyia, 2003, 109 p.
3. Burikova I. S., Konovalova M. A., Pushkina M. A, Iuriev A. I. Opyt psichologicheskogo izmereniya chelovecheskogo kapitala. Monografiya [The experience of the psychological dimension of human capital. Monography]. SPb., 2009.

4. Volovikova M. I. Predstavleniya russkih o npravstvennom ideale [Russian representation of the moral ideal]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2005, 332 p.
5. Emelyianova T. P. Konstruirovaniye socialnih predstavlenit v uslovyah transformacii rossiiskogo obshestva [The construction of social representations in the transformation of Russian society]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2006, 400 p.
6. Znakov V. V. Psichologia subiekta kak metodologiya ponimaniya chelovecheskogo bytiya [Psychology as a subject of the methodology of understanding the human being]. Psichologicheskyy zhurnal – Psychological Journal, 2003, V. 24, no. 2, pp. 95–106.
7. Znakov V. V., Riabikina Z. I. Sub'ekt, lichnost' i psichologiya chelovecheskogo bytiya [The subject, personality and psychology of the human being]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2005, 384 p.
8. Il'in E. P. Psichologiya individual'nyh razlichii [Psychology of individual differences]. SPb., Piter, 2011, 701 p.
9. Kazachkova V. G. Metod nezakonchennyh predlozhenii pri izuchenii otnoshenii lichnosti [Method of incomplete offers when studying the relations of the personality]. Voprosy psichologii – Approaches to Psychology, 1989, no. 3, pp. 154–157.
10. Leont'ev D. A. Test smislozhiznennykh orientatsii (SZhO). 2-e izd. [Test orientation of the meaning of life. 2nd ed.]. Moscow, Smysl, 2000, 18 p.
11. Malyuchenko G. N., Smirnov V. M. Social'no-psichologicheskii analiz celostnyh predstavlenii o mire [Socio-psychological analysis of a holistic view of the world]. Saratov, SSU Publ., 2006, 156 p.
12. Petrenko V. F. Mnogomernoie soznaniye: psichosemanticheskaya paradigma [Multidimensional consciousness: Psychosemantic paradigm]. Moscow, Novyi hronograf, 2010, 440 p.
13. Petrenko V. F. Osnovy psichosemantiki [Psychosemantics foundations]. SPb., Piter, 2005, 480 p.
14. Pravnik D. U. Gendernaya variativnost' obraza mira lichnosti [Gender variance of personality' image of the world]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2007, 248 p.
15. Proaktivnost'. Vikipediya [Proactivity. Wikipedia]. URL.: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%EE%E0%EA%F2%E8%E2%ED%EE%F1%F2%FC>
16. Psichologiya individual'nyh razlichii. Pod red. U. B. Gippenreiter, V. I. Romanova [Psychology of individual differences. Eds. U. B. Gippenreiter, V. I. Romanov]. Moscow, KnoRus, CheRo, 2000, 776 p.
17. Rubinshtein S. L. Osnovy obshei psichologii [Basics of general psychology]. SPb., Piter, 2009, 713 p.

18. Rumianceva T. V. Psichologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenii v pare. Test "Kto ya?" [Psychological consultation: diagnostics of the relations in couple. Test "Who I am?"]. SPb., 2006, pp. 82–103.
19. Yalom I. Ekzistencial'naiia psichoterapiya [Existential Psychotherapy]. Moscow, Klass, 2006, 321 p.
20. Adler A. What life should mean to you. London, George Allen and Unwin, 1980, 300 p.
21. Dweck C. S. Self-theories: Their role in motivation, personality and development. Philadelphia, 1999.
22. Frankl V. E. Man's Search For Ultimate Meaning Hardcover. Cambridge, Massachusetts, Perseus Publ., 1997, 222 p.
23. Hess E. P., Bridgwater C. A., Bornstein P. H. Situational determinants in the perception of assertiveness: Gender-related influences // Behav. Ther., 1980, no. 11, pp. 49–58.
24. Rogers C. R. Becoming partners: Marriage and its alternatives. New York, Delacorte Press, 1972.

ETHNIC IDENTITY TYPES OF RUSSIAN YOUTH AS AN INDICATOR OF A POSITIVE READINESS TO ACCEPT THE FORCED MIGRANTS FROM UKRAINE

***Grishina Anastasija Vasil'evna
Lunin Sergej Leonidovich***

This article describes the currently conducted research of ethnic identity types and ethnic stereotypes of Russian youth and their influence on relations with the forced migrants from Ukraine. The introductory part of the paper is devoted to the relevance of the study, including a brief description of changes in the migration situation in Russia in 2014. The main part of the article reveals the concept of ethnic identity and ethnic stereotypes, which are described in the context of inter-ethnic relations. The following is a classification of types of ethnic identity by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova: hypoidentity, positive ethnic identity and hyperidentity. Further discloses the concepts of ethnic image and ethnic stereotype, describes the type of person most likely to mastering and distribution of ethnic prejudices and the formation of ethnic stereotypes.

The article also gives a review of the main difficulties that displaced persons may face in the process of social and psychological adaptation to the new place of residence. According to the authors, Ukraine immigrants have the basis for successful social and psychological integration, however, the level of social tension in attitude

to Ukrainian migrants is growing, ethnic conflicts occur more often. In order to identify the main causes of this contradiction, it was decided to carry out an empirical study of Russian students' relations to forced migrants from Ukraine. The following is a description of the organizational phase of the study: its goal, hypotheses and objectives, a description of the selected sample and methodological tools for collecting empirical data, and author profiles. As a result of the study it is planned to draw conclusions about the dependence of positive acceptance of forced migrants on the type of ethnic identity and the level of tolerance.

Keywords: tolerance, ethnic identity, hypoidentity, hyperidentity, social tension, ethnic stereotypes, ethnic images, autostereotypes, heterostereotypes.

References

1. Abakumova I. V., Grishina A. V. Otnoshenie studentov k migrantam kak faktor i pokazatel' ethnonkonnessional'nih ustanovok sovremennoi molodegi [Students' relations towards migrants as a factor and an indicator of ethno-religious attitudes of today's youth]. *Rossiiskii psichologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 3, pp. 22–28.
2. Bogomolova N. N. *Sotsialnaia psichologiya massovoi kommunikatsii: ychebnoe posobie dlia studentov vyzov* [Social psychology of mass communication: A manual for universities' students]. Moscow, Aspect Press, 2008.
3. Vinterhoff-Shpurk P. *Mediapsihologiya. Osnovnie principy* [Mediapsychology. The basic principles]. Kharkiv, Humanitarian Center Publ., 2007.
4. Grishina A. V. Psichologicheskie osobennosti vospriyatiya obraza trydovogo migranta v SMI v molodegnoi srede [Psychological characteristics of migrant worker image perception in media among the youth]. *Rossiiskii psichologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 5–6, pp. 62–66.
5. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Karavayeva L. P. Megkyltyrnie vzaimodeistvia i sotsialnaia distantsia [Intercultural communication and social distance]. *Natsionalnii psichologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 2 (14), pp. 5–12.
6. Evgenyeva T. V. *Ustanovki i stereotipy massovogo soznaniya* [Attitudes and stereotypes of mass consciousness]. Available at: <http://www.elitarium.ru/> (Accessed 01 February 2015).
7. Zvezdina G. P. Problema formirovaniya mirovozzrencheskoi bezopasnosti kak sredstva profilaktiki ekstremisma v molodegnoi srede [The problem of formation of ideological security as a means of preventing extremism among young people]. *Rossiiskii psichologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 6, pp. 76–80.
8. Soldatova G. U. Diagnostika tipov etnicheskoi identichnosti [Diagnosis types of ethnic identity]. *Psichologiya obscheniya. Enciklopedicheskii slovar'* –

- Psychology of Communication. Encyclopedic Dictionary* (ed. by A. A. Bodalev), Moscow, Cogito center, 2011, 511 p.
9. Soldatova G. U. *Psihologiya mezhetnicheskoi napriagennosti* [Psychology of ethnic tensions]. Moscow, Smysl, 1998.
 10. Stefanenko T. G. *Ethnopsihologia: praktikum* [Ethnopsychology: workshop]. Moscow, Aspect Press, 2006.
 11. Furnham A., Bochner S. *Kul'turnii shok* [Culture shock] / Soldatova G. U., Shaygerova L. A., Kalinenko V. K., Kravtsova O. A. *Psihologicheskaya pomosh migrantam: travma, smena klytyr, krizis identichnosti* [Psychological assistance to migrants: trauma, change of cultures, identity crisis]. Moscow Publ., 2002, pp. 193–200.
 12. Aleksieva M. The sociocultural role of media and school in transferring information and forming values // *Education Sciences and Psychology*, 2012, no. 1, pp. 38–45.
 13. Domke D. Racial cues and political ideology. An examination of associative priming // *Communication Research*, 2011, V. 28, no. 6, pp. 772–801.
 14. Dunas D. V. The effect of the “last drop”: On the question of the media's ability to have a harmful impact on the audience // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2013, V. 6 (1), pp. 144–152.
 15. Gladkova A. A. The role of television in cultivating the values of pluralism and cultural diversity in children // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2013, V. 6 (1), pp. 138–143.

PUBLIC ACTIVITIES OF YOUTH: PARTICIPATION MOTIVES

***Levshina Anastasiia Andreevna
Lunin Sergei Leonidovich***

The article deals with the motivational component of the sense-value sphere of young people participating in public activities. The authors offer an overview of domestic and foreign sources on this problem, as well as results of a survey of young people of Rostov-on-Don.

Sociological, psychological, and political studies undertaken in the UK, France, Belgium and Canada are among foreign sources discussed in this article. Foreign authors distinguish two predominating motives: a desire to help others and make new friends. The review of Russian sources concerning the problem starts from the studies of the 90-ies of the XX century – the period of formation of youth public activities in the form in which it exists today. The authors also consider modern works describing motivational component of young people's participation in various social

initiatives. The article notes that the Russian research in this area is characterized by a focus on various political organizations and informal youth organization, while public activities in the field of social service (volunteer organizations) remain out of sight. The authors offer the results of their own survey of young people of Rostov-on-Don. The survey has been devoted to the motivation to participate in social activities. Members of various youth organizations, as well as students, who were not interested in volunteer initiatives, have taken part in it. According to the survey findings, different motives, which conventionally are grouped into three groups – social, personal, and socially neutral – predominate in different groups of young people (representatives of various public organizations; students who are not involved in this form of activity).

Keywords: motive, motivation, social activities, public organizations, youth, social activity, volunteerism, volunteer, sense-value sphere, society.

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Levshina A. A. Formirovanie smyslozhiznennoi strategii aktivnogo sotsial'nogo povedeniia molodezhi v usloviakh dopolnitel'nogo obrazovaniia [Formation of a life-sense strategy of active social behavior of youth in the context of additional education]. *Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Akademicheskaiia nauka – problemy i dostizheniia* [Proc. the V International Scientific-practical Conference "Academic science: problems and achievements"]. North Charleston, USA, 2 December, 2014, V. 1, pp. 60–64.
2. Ginzburg M. R. Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaiia problema [Personal self-determination as a psychological problem]. *Voprosy psikhologii – Approaches to Psychology*, 1988, no. 2, pp. 19–27.
3. Diligenskii G. G. Socio-political psychology. Available at: http://polbu.ru/digilensky_psychology/
4. Zapesotskii A. S. *Obrazovanie: filosofia, kul'turologiia, politika* [Education: philosophy, culturology, politics]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 456 p.
5. Levshina A. A. *Smyslozhiznennye strategii aktivnogo sotsial'nogo povedeniia razlichnykh grupp molodezhi. Diss. cand. psikh. nauk* [Life-sense strategies of active social behavior of different groups of young people. Cand. psych. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011.
6. Liaukina G. A. Molodezhnye obshchestvennye organizatsii, problemy i perspektivy razvitiia [Youth public organization, problems and prospects of development]. *Molodezh' i sovremennaia sotsial'no-ekonomicheskaiia politika. Tezisy dokladov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Proc. the Interuniversity Scientific-practical Conference of Students and Young Scientists "Youth and modern socio-economic policy"]. Kazan, "TISBI" Publ., 28 April, 2000, 108 p.

7. Mishurova I. V., Kutelev P. V. *Upravlenie motivatsiei personala: Uchebno-prakticheskoe posobie* [Managing the motivation of staff: a training manual]. Moscow, "MarT" Information and Recruitment Centre Publ., Rostov-on-Don, "MarT" Publ., 2004, 240 p.
8. Ostova E. V. Motivation. New philosophical encyclopedia. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2755/%D0%9C%D0%9E%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF
9. Rodina O. A. *Molodezhnye obshchestvennye ob"edineniia v sovremennoi Rossii: sotsiologicheskii analiz effektivnosti. Diss. cand. sots. nauk* [Youth public organizations in modern Russia: a sociological analysis of effectiveness. Cand. soc. sci. diss]. Ekaterinburg, 2006.
10. Serdalieva D. A. *Effektivnost' funktsionirovaniia sovremennykh obshchestvennykh molodezhnykh organizatsii Astrakhanskoi oblasti: sotsiologicheskii analiz. Diss. cand. sots. nauk* [Efficiency of functioning of modern public youth organizations of the Astrakhan region: a sociological analysis. Cand. soc. sci. diss]. Astrakhan, 2007, 180 p.
11. *Sotsial'no-znachimye initsiativy detei i molodezhi: nauchno-metodicheskie materialy i rekomendatsii (regional'nyi opyt)* [Socially important initiatives of children and youth: scientific-methodical materials and recommendations (regional experience)]. Moscow, Federal Institute of Education Development Publ., 2014, 152 p.
12. Ianitskii O. N. *Sotsial'nye dvizheniia: sto interv'iu s liderami* [Social movements: a hundred interviews with leaders]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1991, 235 p.
13. Brewis G., Russel J., Holdsworth C. Bursting the bubble – Students Volunteering and the Community // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/Bursting+the+Bubble+Students+Volunteering+and+the+Community>
14. Donahue K., Russell J. PROVIDE Volunteer Impact Assessment // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/PROVIDE+Volunteer+Impact+Assessment>
15. Gaskin K. Young people volunteering and civic service. A review of literature // URL: <http://www.ivr.org.uk/component/ivr/young-people-volunteering-and-civic-service-a-review-of-literature>
16. Holdsworth C. Student Volunteers. A national profile // URL: http://www.hecsu.ac.uk/assets/assets/documents/futuretrack/Student_Volunteers_-_A_National_Profile.pdf
17. Hustinx L. Individualization and new styles of youth volunteering: an empirical exploration // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/Individualisation+and+new+styles+of+youth+volunteering>

18. Hutin M. Young people help out // URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/Young+people+help+out>
19. Muxel A. L'expérience politique des jeunes // Presses de Sciences Po. Janvier, 2001.
20. Political activity among young adults // The Daily, 2005, December 6.

PROCEDURAL CHARACTERISTICS OF VITAL ELECTIONS OF THE STUDYING MEN AND WOMEN DEPENDING ON EXPRESSIVENESS OF A PERSONAL MATURITY

Rashchupkina Yuliya Valer'evna

In article results of research of procedural characteristics of vital elections of the studying men and women are stated. Elections of a way of life, career and significant other person act as vital elections of young people. For each of vital elections the procedural characteristics reflecting confidence, independence, sensibleness of a choice and expressed in self-assessments of respondents are considered. Procedural characteristics are analysed in connection with a maturity of the personality causing their specifics for each of vital elections. The personal maturity is considered as a specific phenomenon which structure is reflected by integrity of the interconnected components, including valuable and motivational, emotional and strong-willed, reflexive, operational components. Types of a personal maturity are allocated on the basis of the maintenance of each of components and considered in a continuum "a personal maturity – personal immaturity".

As object of research 269 subjects (134 men and 135 women) getting an education in graduation classes of high schools of Azov and in Higher Education Institutions of Rostov-on-Don acted. Features of procedural characteristics of each of vital elections of men and women depending on expressiveness and types of their personal maturity and the maintenance of the choice are empirically studied and opened. It is empirically established that expressiveness of procedural characteristics of each of vital elections of men and women is caused by a type of the maturity and sexual differentiation of subjects. According to the offered empirical criteria each of vital elections of men and women was considered in the context of the maturity. It is empirically established that irrespective of a floor the general for personally mature young people moderately mature is the choice them significant another, for personally unripe young people each of vital elections didn't ripen. At personally mature men and women each of vital elections is specific according to procedural characteristics.

Keywords: *vital elections, procedural characteristics, productive characteristics, personal maturity, personal infantilism, types of a maturity, expressiveness of a maturity, mature choice, unripe choice, studying youth.*

References

1. Dzhaner'yan S. T. Professional'nye Ya-kontseptsii muzhchin i zhenshchin so stabil'nym tipom kar'er [Professional I-concepts of men and women with stable type of a pit]. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region – News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region*, 2005, no. 3.
2. Dzhaner'yan S. T., Rashchupkina Yu. V. Osobennosti lichnostnoy zrelosti gorodskoy uchashcheyshya molodezhi [Features of a personal maturity of the city studying youth]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region – News of Higher Education Institutions. North Caucasus Region*, 2015, no. 1.
3. Dzhaner'yan S. T. Struktura tipov professional'nykh Ya-kontseptsiy [Struktura of types of professional I-concepts]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2005, V. 2, no. 3, pp. 78–92.
4. Dolmatova S. V. Soznatel'nyy vybor professii kak priznak lichnostnoy zrelosti sub"ekta [Conscious choice of profession as sign of a personal maturity of the subject]. *Materialy III Vserossiyskogo s"ezda psikhologov 25–28 iyunya. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Materials III of the All-Russian congress of psychologists on June 25–28. Publishing house of St. Petersburg State University*, 2003, V. 3, pp. 123–125.
5. Zaytseva L. A. *Kharakteristiki i faktory vybora kar'ery v svyazi s individual'no-psikhologicheskimi osobennostyami i etapami professional'nogo stanovleniya sub"ektov* [Characteristics and factors of a choice of career in connection with individual and psychological features and stages of professional formation of subjects]. Diss. ... Cand. of Psychol. Sciences, Rostov-on-Don, 2006, 193 p.
6. Komlev A. A. Zhiznenny vybor cheloveka: vidy i factory vliyaniya v aspekte vozmozhnostey [Vital choice of the person: types and factors of influence in aspect the opportunities]. *Mir psikhologii – World of Psychology*, 2004, no. 4, pp. 41–51.
7. Mitina L. M. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie vybora professii (Pod red. L. M. Mitinoy)* [Psychological maintenance of choice of profession (Ed. of L. M. Mitina)]. Moscow Psychological and Social Institute, Flint Publ., 1998, 184 p.
8. Nikolaeva V. I. Psikhologicheskie kharakteristiki lichnostnogo vybora (na materiale podrostkovo-yunosheskogo perioda) [Psychological characteristics of a personal choice (on material of the teenage and youthful period)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 6.
9. Rashchupkina Yu. V. Protsessual'nye kharakteristiki zhiznennykh vyborov molodykh lyudey v zavisimosti ot vyrazhennosti lichnostnoy zrelosti [Procedural characteristics of vital elections of young people depending

- on expressiveness of a personal maturity]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve – Education Psychology in Polycultural Space*, 2015, no. 2.
10. Halina N. V. Tsenostnyye orientatsii lyudey pozhilogo vozrasta i ikh predstavleniye o tsennostnykh orientatsiyakh znachimykh drugikh [Valuable orientations of people of advanced age and their idea of valuable orientations of significant others]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – News of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen*, 2009, no. 102, pp. 408–411.
 11. Shchebetova A. L. Psikhologicheskie osobennosti situatsiy zhiznennogo vybora v srednem vozraste [Psychological features of situations of a vital choice in the middle age]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2011, V. 2, no. 6, pp. 111–113.
 12. Bjorklund D. F. The role of immaturity in human development // *Psychological Bulletin*, 1997, V. 122 (2), pp. 153–169.
 13. Schwartz B. *The paradox of choice: why more is less*. New York, Ecco, 2004, 304 p.

ACMEOLOGICAL TRAINING AS A METHOD OF TRAINING EMPLOYEES OF ENTERPRISES MENTORING

**Rud' Ol'ga Vladimirovna
Demidova Irina Feliksovna**

The article deals with the phenomenon of mentoring which becomes urgent in modern enterprises. The authors describe patterns of the implementation of mentoring activities. They also state the problem of training employees in this type of activity. Not only the experienced, qualified and competent employee can be a mentor, but also the employee with communicative and pedagogical skills, well-developed reflection, autopsychological competence, and motivation to this type of activity. The necessity of training employees without interrupting the main working process dictates the requirements for methods of such training. Among all the methods of training adults active methods of training meet such requirements. The authors give arguments for acmeological training as a method of training employees of enterprises mentoring.

Acmeological training is aimed at the development of personal and professional qualities of the person. The increase of employees' professionalism, their transition to a new level of professionalism, increase of efficiency of professional activity and transfer of the acquired knowledge and skills into real professional work are results of acmeological training. These propositions have been confirmed in results of the empirical research. The "Effective Mentor" acmeological training, which included a variety of

exercises forming the psychological readiness for mentoring activities, development of communication, methodological skills and autopsychology competence, has been developed and carried out for training employees in the implementation of mentoring activities at the Open Joint-stock Company "TAGMET". The psychological diagnostics and statistical processing of data using the Wilcoxon criterion have been used for assessing its effectiveness. The employees who have taken part in acmeological training have increased readiness to carry out mentoring activities and have acquired a number of personal characteristics that contribute to the effectiveness of this type of activity.

After six months diagnostic results have shown an insignificant decrease of certain parameters in comparison with the results immediately after training. The authors draw a conclusion about the possibility of the widespread introduction of acmeological training in the practice of work with personnel.

Keywords: mentor, mentoring activities, adaptation of employees, training adults, acmeological training, acmeological criteria, autopsychological competence, personality development, efficiency of activity, psychological diagnostics, technologies of training.

References

1. *Akmeologicheskie tekhnologii lichnostno-professional'nogo razvitiia gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Acmeological technologies of public employees' personal and professional development]. Moscow, 2003.
2. *Akmeologicheskii slovar'* [Acmeological dictionary]. Moscow, Russian Academy of State Service Publ., 2004.
3. Anikushin E. A. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii i aktivnye metody obucheniia* [Innovative educational technologies and active learning methods]. Tomsk, V-Spektr Publ., 2010.
4. Bezrukova E. Iu., Bukhtiarova I. V., Siniagin Iu. V. *Psikhologicheskie tekhnologii v formirovanii upravlencheskoi komandy: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Psychological technologies when creating a management team: textbook]. Moscow, 2003.
5. Zazykin V. G. *Vvedenie v akmeologiu* [Introduction to acmeology]. Ivanovo, 2013.
6. Zel'dovich B. Z. *Aktivnye metody obucheniia: metodicheskoe posobie dlia prepodavatelei* [Active learning methods: methodical manual for teachers]. Moscow, Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov Publ., 2012.
7. Kniazev A. M., Odintsova I. V. *Akmeologicheskie tekhnologii aktivno-igrovogo obucheniia* [Acmeological technologies of active-game learning]. Moscow, Russian Academy of State Service Publ., 2007.
8. Nesterova A. Mentoring: the best of the past that works for the future / Ubo.ru. Business education in Russia and abroad. Federal expert channel. Available at: <http://www.ubo.ru>

9. Panfilova A. P. *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii: Aktivnoe obuchenie* [Innovative educational technologies: Active learning]. Moscow, Akademiia Publ., 2009.
10. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [Psychology of personality adaptation]. St. Petersburg, Meditsinskaia pressa Publ., 2002.
11. Reddin V. Dzh. *Testy dlia menedzherov* [Tests for managers]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1997.
12. Ren'sh M. A., Sadovnikova N. O., Lopes E. G. *Sotsial'no-psikhologicheskii trening* [Socio-psychological training]. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2007.
13. Sitnikov A. P. *Akmeologicheskii trening. Teoriia, metodika, psikhotekhnologii* [Acmeological training. Theory, methods, psychotechnology]. Moscow, Technological Business School Publ., 1996.
14. Stepnova L. A. *Razvitie autopsikhologicheskoi kompetentnosti: ovladenie autopsikhologicheskimi tekhnologiyami* [Development of autopsychological competence: mastering autopsychological technologies]. Moscow, Russian Academy of State Service Publ., 2001.
15. Charina E. V. *Otnoshenie v sisteme "Nastavnik–molodoi spetsialist" v protsesse professionalizatsii. Diss. cand. psikh. nauk* [Relations in the system of "mentor–young professional" in the process of professionalization. Cand. psych. sci. diss.]. Moscow, 2004, 160 p.
16. Britell G. K. *Competency and Excellence: The Search for an Egalitarian Standart. The Demand for a Universal Guarantee // Minimum Competency Achievement Testing* / Eds. R. M. Jueger, C. K. Tittle, Berkeley, 1980.
17. Isaeva T. E. *To the nature of Pedagogical Culture: Competence – Based approach to its Structure*. Rostov-on-Don, 2003.
18. Whiddett S., Holliforde S. *The Competencies, Handbook*, CIPD, 1999.

PROFESSIONAL SUCCESS OF EDUCATION MANAGERS: PSYCHOLOGICAL CRITERIA AND DETERMINANTS

***Shcherbakova Tat'iana Nikolaevna
Avramenko Denis Igorevich***

The article deals with the main projections of modernization of Russian education in the professional activity of education managers. Characteristics and criteria of education managers' professional success are distinguished and described. This paper examines the characteristics of different levels of determination of professional

success of managers of educational institutions. The authors emphasize the role of different types of psychological competence – communicative, social, informational, autopsychological – in the organization of activities of the subject of management. Directions and possibilities of development of managers' professional psychological competence in this area are described. Important subjective factors of professional success in managerial activity are systematized. The analysis of managers' presentations of the criteria and characteristics of success is offered.

The article shows substantive and structural features of the psychological portrait of a modern manager of education as a subject of innovation management activities. The analysis and interpretation of results of the empirical study of the level of subjective control, degree of achievement motivation, strategy of behavior in conflict situations, and a number of characteristics demonstrating an aspiration for authoritarianism and power or submission and altruism among education managers are offered.

The authors characterize psychological risks and informational and communicative difficulties in modern education managers' activities. The order for managers for psychological support of professional development is revealed and structured. Directions, possibilities and psychological conditions of the development of managers' resources in the context of professional activity are described.

Based on the results of the theoretical and empirical analysis the article substantiates the necessity of using psychological characteristics of technologies in the development of professional competence of education managers. The main directions and objectives of realization of the program of psychological support of professional and personal development and competent behavior of modern managers of the educational institution are established.

Keywords: professional success, education manager, psychological competence, personal potential, risks of management, subjective control, behavior in conflict situations, achievement motivation, self-efficacy, competitiveness.

References

1. Abakumova I. V, Kukuliar A. M., Fomenko V. T. Smyslodidaktika kak sistemnoe voploshchenie obshchei teorii smysla v praktike uchebnogo protsessa [Sense-didactics as a system implementation of the general theory of sense in the practice of the educational process]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2014, V. 11, no. 3, pp. 24–32.
2. Arutiunian V. E. Problema motivatsii razvitiia psikhologicheskoi kompetentnosti pedagoga v sisteme povysheniia kvalifikatsii [The problem of motivation in the development of psychological competence of the teacher in the system of professional development]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki: nauchno-metodicheskii i prikladnoi zhurnal – Humanities and Social Sciences: Methodological and Applied Journal*, 2012, no. 2.

3. Astapenko E. V. Autopsikhologicheskaja kompetentnost' menedzherov srednego zvena: funktsii, pokazateli, proektsii [Autopsychological competence of middle managers: functions, parameters, projections]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, V. 7, no. 4, pp. 64–66.
4. Mekson M., Al'bert M., Khedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Foundations of management]. Moscow, "I. D. Williams" Limited Liability Company Publ., 2008, 672 p.
5. Khlebunova S. F., Shcherbakova T. N., Alimova E. E. *Psikhologicheskie osnovy innovatsionnogo menedzhmenta v usloviakh gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniia. Uchebnoe posobie* [Psychological foundations of innovation management in state and public administration: training manual]. Rostov-on-Don, State Budgetary Educational Institution of Additional Professional Education of Rostov Regional "Institute of Professional Development and Retraining of Educationalists" Publ., 2013, 320 p.
6. Shcherbakova T. N., Malkarova R. Kh. Kommunikativnyi resurs kak akmeologicheskii faktor professional'nogo razvitiia pedagoga [Communicative resource as an acmeological factor of the teacher's professional development]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 1, pp. 40–45.
7. Shcherbakova T. N., Misirov D. N. Psikhologicheskaja kompetentnost' i uspeshnost' professional'noi podgotovki menedzherov [Psychological competence and the success of managers' professional training]. *Izvestiia IuFU. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University*. Pedagogical science, 2011, no. 12, pp. 47–59.
8. Shcherbakova T. N. Psikhologicheskaja kompetentnost' uchitelia kak professional'nyi resurs [Psychological competence of the teacher as a professional resource]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2005, V. 2, no. 4, pp. 66–84.
9. Hoekstra H. A. A career roles model of career development // *Journal of Vocational Behavior*, 2011, V. 78, Is. 2, pp. 159–173.
10. Hogan R., Hogan J. Personality and status // *Personality, social skills and psychopathology: An individual differences approach* / Eds. D. G. Gilbert, J. J. Connolly. N.-Y., Plenum Press, 1991, pp. 137–154.
11. McMillan J. H., Schumacher S. *Research in education: Evidence-based inquiry*. Pearson Higher Ed, 2014.
12. Murpfi P. K., Alexander P. A. A motivated exploration of motivation terminology // *Contemporary Educational Psychology*, 2000, 25, pp 3–53.

13. Stuart C. Speak for yourself: The complete guide to effective communication and presentations. London, Piths, 2000, 294 p.
14. Vinkenburg C. J., Weber T. Managerial career patterns: A review of the empirical evidence // Journal of Vocational Behavior, 2012, V. 80, Is. 3, pp. 592–607.
15. Welsh W. N. The Effects of School Climate on School Disorder // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 2000, V. 567, no. 1, pp. 88–107.

BANDWIDTH OF VISUAL FILTERS THAT TRANSMIT THE SPATIAL FREQUENCY MODULATION

Miftakhova Mayya Bajrasovna

Yavna Denis Viktorovich

Zvezdina Galina Pavlovna

Ermakov Pavel Nikolaevich

Babenko Vitaly Vadimovich

It is known that scene is divided into different local segments on early stages of visual processing, and every single segment is depicted in parallel independently. On the next stage the local segments are grouped in a certain way. This operation is realized with so-called second-order filters. Every filter is featured by its bandwidth. Our goal in this study is to determine the bandwidths in three types of parameters of second-order filters sensitive to spacial frequency modulation: axis (orientation), frequency and phase of modulation.

The study was carried out in backward masking paradigm. Gabor textures with sinusoidal spatial frequency modulation of these elements were used as test stimuli. Patches used in the masking stimuli were also modulated in frequency with different orientation, frequency or phase of modulation compared to test stimulus. Threshold amplitude of modulation in test stimulus was determined in two-alternative forced-choice procedure. The second-order filters spatial frequency bandwidth was determined to be about 3 octaves. At the same time we found that filters were not selective to orientation and phase of modulation. Selectivity to modulation frequency is assumed to show the receptive field organization in which on-center is surrounded by off-periphery. No orientation selectivity may be an evidence of concentric organization, whereas no phase selectivity indicates receptive field nonlinearity.

Keywords: *vision, texture, spatial frequency, modulation, psychophysics, masking, detection thresholds, filters, passband, receptive field.*

References

1. Arsenault A., Wilkinson F., Kingdom F. Modulation frequency and orientation tuning of second-order texture mechanisms // *Journ. of the Optical Society of America*, 1999, V. 16, pp. 427–435.
2. Babenko V., Yavna D., Solov'ev A., Miftakhova M. Spatial selectivity of visual mechanisms sensitive to contrast modulations // *J. Optical Technology*, 2011, V. 78, no. 12, pp. 771–776.
3. Blakemore C., Campbell F. W. On the existence of neurones in the human visual system selectively sensitive to the orientation and size of retinal images // *J. Physiol.*, 1969, V. 203, no 1, pp. 237–260.
4. Campbell F. W., Robson J. G. Application of Fourier analysis to the visibility of gratings // *J. Physiol.*, 1968, V. 197, no. 3, pp. 551–566.
5. Ellemberg D., Allen H. A., Hess R. F. Second-order spatial frequency and orientation channels in human vision // *Vision Res.*, 2006, V. 46, pp. 2798–2803.
6. Graham N. Beyond multiple pattern analyzers modeled as linear filters (as classical V1 simple cells): Useful additions of the last 25 years // *Vision Research*, 2011, V. 51, pp. 1397–1430.
7. Graham N., Wolfson S. S. Is there opponent-orientation coding in the second-order channels of pattern vision? // *Vision Res.*, 2004, V. 44, no 27, pp. 3145–3175.
8. Gray R., Regan D. Spatial frequency discrimination and detection characteristics for gratings defined by orientation texture // *Vision Res.*, 1998, V. 38, pp. 2601–2617.
9. Grigorescu C., Petkov N., Westenberg M. A. Contour detection based on Nonclassical receptive field inhibition // *IEEE Transactions on Image Processing*, 2003, V. 12, no. 7, pp. 729–739.
10. Huang P., Kingdom F., Hess R. Only two phase mechanisms, +/-cosine, in human vision // *Vision Research*, 2006, V. 46, no. 13, pp. 2069–2081.
11. Kingdom F., Keeble D. A linear systems approach to the detection of both abrupt and smooth spatial variations in orientation-defined textures // *Vision Res.*, 1996, V. 36, no 3, pp. 409–420.
12. Kingdom F., Keeble D., Moulden B. Sensitivity to orientation modulation in micropattern-based textures // *Vision Res.*, 1995, V. 35, Issue 1, pp. 79–91.
13. Kwan L., Regan D. Orientation-tuned spatial filters for texture-defined form // *Vision Res.*, 1998, V. 38, pp. 3849–3855.
14. Landy M. S., Oruc I. Properties of second-order spatial frequency channels // *Vision Res.*, 2002, V. 42, pp. 2311–2329.
15. Mostafavi H., Sakrison D. Structure and properties of a single channel in the human visual system // *Vision Research*, 1976, V. 16, no. 9, pp. 957–968.

16. Olzak L., Thomas J. Seeing spatial patterns // Handbook of Perception and Human Performance, Volume I: Sensory Processes and Perception, Ed. by K. Boff, L. Kaufman, J. Thomas. Wiley-Interscience, New York, 1986.
17. Reynaud A., Hess R. F. Properties of spatial channels underlying the detection of orientation-modulations // Exp. Brain Res., 2012, V. 220, pp. 135–145.
18. Stromeyer C., Julesz B. Spatial-Frequency Masking in Vision: Critical Bands and Spread of Masking // Journ. of the Optical Society of America, 1972, V. 62, no. 10, P. 1221.
19. Sutter A., Sperling G., Chubb C. Measuring the spatial frequency selectivity of second-order texture mechanisms // Vision Res., 1995, V. 35, pp. 915–924.
20. Thomas J. P., Gille J. Bandwidths of orientation channels in human vision // Journ. of the Optical Society of America, 1979, V. 69, no. 5, pp. 652–660.
21. Westrick Z. M., Henry C. A., Landy M. S. Inconsistent channel bandwidth estimates suggest winner-take-all nonlinearity in second-order vision // Vision Res., 2013, V. 81, pp. 58–68.
22. Wilson H. R., Gelb D. J. Modified line-element theory for spatial-frequency and width discrimination // Journ. of the Optical Society of America, 1984, V. 1, no. 1, P. 124.
23. Wilson H. R., McFarlane D. K., Phillips G. C. Spatial frequency tuning of orientation selective units estimated by oblique masking // Vision Res., 1983, V. 23, no. 9, pp. 873–882.

THE SOCIOMETRIC EXPERT METHODOLOGY FOR DETECTING THE EMPLOYEES IN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES, DISPOSED TO DISTORT THE CONFIDENTIAL INFORMATION

*Maryin Mikhail Ivanovich
Efimkina Nadezhda Vladimirovna*

The article highlights the materials on the development the sociometric expert methodology for detection of employees in Internal Affairs Agencies, disposed to distort the confidential information at the execution of their duties. The questionnaire consisting of seven questions three of which reflect the relation of the estimated employees to distortion of office information is presented; three questions estimate actions of employees for ensuring reliability of office information and one question integrally reflects valuable orientations and legal installations. The criteria of evaluation the inclination to the distortion of information have been set, they are confirmed by the indexes of behavior manifestations and by the disciplinary practice; the directions

of investigations of defining the professional and psychological mechanisms of the studied phenomenon have been defined.

438 employees of 14 territorial authorities and divisions of internal affairs acted as experts, the estimated employees in these bodies and divisions there were only 262 persons. On the basis of results of the statistical analysis the surveyed selection of employees is divided into three groups of rather integrated indicator defining expressiveness of such psychological quality as tendency to distortion of office information. High level of an integrated indicator ($SP \geq 0,826$); low level of an integrated indicator ($SP \leq 0,537$) and intermediate group into which employees with the level of an integrated indicator from 0,538 to 0,827 entered. Further research was carried out with two polar groups, which included: studying of features of their office behavior, psychological characteristics, conditions of disciplinary practice, psychodiagnostic inspection of the valuable and semantic sphere, etc.

In the conclusion the directions for studying of personal features of the staff of Department of Internal Affairs inclined to distortion of office information are defined.

Keywords: distortion of information, sociometric methodology, psychodiagnostics, monitoring, polar groups, employee of Department of Internal Affairs, legal psychology.

References

1. Azhimova O. A., Mar'in M. I., Petrov V. E. *Sovremennye tehnologii organizacii psihologicheskoy raboty v organah vnutrennih del: metodicheskoe posobie* [Modern technologies of the organization of psychological work in law-enforcement bodies: methodical grant]. Moscow Publ., 2005, 277 p.
2. Vasiljuk F. E. Urovni postroenija perezhivaniya i metody psihologicheskoy nauki [Levels of creation of experience and methods of psychological science]. *Voprosy psihologii – Approaches to Psychology*, 1988, no. 5, pp. 27–37.
3. Efimkina N. V. K voprosu ob iskazhenii informacii v dejatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del [To a question of distortion of information in activity of staff of law-enforcement agencies]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2013, no. 4 (55), pp. 16–18.
4. Znakov V. V. Nepravda, lozh' i obman kak problemy psihologii ponimaniya [Untruth, lie and deception as comprehension psychology problem]. *Voprosy psihologii – Approaches to Psychology*, 1993, no. 2, pp. 9–17.
5. Ivanova E. M. *Psihologija professional'noj dejatel'nosti* [Psychology of professional activity]. Moscow Publ., 2011, pp. 58–59.
6. Mar'in M. I., Bochkova A. A. Psihologicheskie osobennosti sotrudnikov OVD, sklonyh k protivopravnomu povedeniju [Psychological peculiarities of employees of Internal Affairs Agencies, disposed to illegal behavior]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied Legal Psychology*, 2014, no. 3, pp. 47–53.

7. Mar'in M. I., Bochkova A. A., Safronov A. D., Kasperovich Ju. G., Efimkina N. V. *Psihologicheskoe obespechenie profilaktiki prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti u sotrudnikov organov vnutrennih del: metodicheskie rekomendacii* [Psychological prevention of corruption crimes by employees of Internal Affairs Agencies: methodical recommendations]. Moscow, MIA Administration Academy of Russia Publ., 2014, 44 p.
8. Mar'in M. I., Kotenjov I. O., Kiseljova L. E. *Metodika jekspertnyh ocenok jeffektivnosti adaptacii k upravlencheskoj dejatel'nosti vypusnikov Akademii upravlenija MVD Rossii: ucheb.-prakt. posobie* [The methodology of expert evaluations of adaptation to the management activity of graduates from MIA Administration Academy of Russia: study and practical guide]. Moscow, MIA Administration Academy of Russia Publ., 2012, 96 p.
9. Ponomarjova M. A., Juhnovec T. I. *Psihodiagnostika lichnosti: posobie dlja studentov vuzov* [Psychodiagnosics of the personality: a grant for students of higher education institutions]. Minsk Publ., 2008.
10. *Psihologicheskie testy. Pod red. A. A. Karelina* [Psychological tests. Ed. A. A. Karelin]. Moscow Publ., 2000, pp. 25–29.
11. Tarasov A. N. *Psihologija lzhi* [Psychology of lie]. Moscow, Knizhnyj mir, 2005, 327 p.
12. Udalova E. A. *Iskazhenija socionicheskogo tipa. Byt' ili kazat'sja* [Distortions of sotsionichesky type. To be or seem]. Moscow Publ., 2009, 191 p.
13. *Cennostnye osnovanija psihologicheskoy nauki i psihologija cennostej. Otv. red. V. V. Znakov, G. V. Zalevskij* [Valuable bases of psychology and psychology of values. Ed. V. V. Znakov, G. V. Zalevskij]. Moscow, Publishing house "The Institute of psychology RAS", 2008, P. 13.
14. Shherbatyh Ju. V. *Psihologija lzhi i obmana* [Psychology of lie and deception]. Rostov-on-Don, Feniks, 2011, 284 p.
15. Jekman P. *Psihologija lzhi* [Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage]. SPb Publ., 1999, 270 p.
16. *Jekstremal'naja psihologija v osobyh uslovijah dejatel'nosti: monografija. Pod nauch. red. B. G. Bovina* [Extreme psychology in special conditions of activity: monograph. Scientific ed. of B. G. Bovin]. Moscow Publ., 2015, 514 p.
17. Weinrich H. *Linguistik der Luge*. Aufl, Munchen, Beck Publ., 2000, 90 p.

НАШИ АВТОРЫ

Мушастая Наталья Викторовна

старший преподаватель кафедры профессиональной педагогики, психологии и культурологии Новороссийского Государственного морского университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Ленина, д. 93, г. Новороссийск, 353918

Служебный телефон: (8 (8617) 717–525

E-mail: myshastaya.n@mail.ru

Данченко Ирина Владимировна

соискатель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–17

E-mail: lady.dan4encko@yandex.ru

Ташёва Анна Ивановна

доцент кафедры психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–47

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

Малышко Людмила Николаевна

студентка 3 курса кафедры психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–47

E-mail: lusenok2006@yandex.ru

Бедрединова Светлана Валерьевна

доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–17

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

OUR AUTHORS

Mushastaja Natal'ja Viktorovna

Senior Lecturer, Vocational Pedagogy, Psychology and Cultural Studies Department, Novorossiysk State Maritime University named after Admiral Ushakov, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 93, Lenina St., Novorossiysk, 353918

Official telephone: 8 (8617) 717-525

E-mail: myshastaya.n@mail.ru

Danchenko Irina Vladimirovna

Applicant of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: lady.dan4encko@yandex.ru

Tashcheva Anna Ivanovna

Associate Professor, Department of Personality Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-47

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

Malyshko Liudmila Nikolaevna

Third-year student, Department of Personality Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-47

E-mail: lusenok2006@yandex.ru

Bedredinova Svetlana Valer'evna

Associate Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: gridneva-sveta@mail.ru

Шульц Евгения Олеговна

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: jenya-shults@mail.ru

Васильева Ольга Семеновна

профессор кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат биологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: vos@sfedu.ru

Грачева Надежда Михайловна

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: list-n@list.ru

Гришина Анастасия Васильевна

старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: avgrishina@sfedu.ru

Лунин Сергей Леонидович

соискатель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: luninsergey1978@yandex.ru

Shul'ts Evgeniia Olegovna

Postgraduate student, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University
Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 230-32-17
E-mail: jenya-shults@mail.ru

Vasileva Olga Semenovna

Professor of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Biological Sciences
Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 230-32-17
E-mail: vos@sfnedu.ru

Gracheva Nadezda Mikhailovna

Postgraduate Student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University
Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 230-32-17
E-mail: list-n@list.ru

Grishina Anastasija Vasil'evna

Senior Lecturer, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 230-32-17
E-mail: avgrishina@sfnedu.ru

Lunin Sergej Leonidovich

Applicant of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University
Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Official telephone: +7 (863) 230-32-17
E-mail: luninsergey1978@yandex.ru

Левшина Анастасия Андреевна

преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: a.a.levshina@gmail.com

Ращупкина Юлия Валерьевна

аспирант кафедры психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-47

E-mail: yulk-r@yandex.ru

Рудь Ольга Владимировна

начальник бюро кадрового резерва и развития персонала Отдела кадров и подготовки персонала ОАО «Таганрогский металлургический завод», аспирант Таганрогского института управления и экономики

Служебный адрес: ул. Заводская, д. 3, г. Таганрог, 347928

Служебный телефон: 8 (8634) 65-01-38

E-mail: olga.rud@tagmet.ru

Демидова Ирина Феликсовна

заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии Таганрогского института управления и экономики, доцент, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Петровская, д. 45, г. Таганрог, 347900

Служебный телефон: 8 (8634) 61-11-92 (доб. 562)

E-mail: idema@list.ru

Щербакова Татьяна Николаевна

заведующая кафедрой психологии Ростовского института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, профессор, доктор психологических наук

Служебный адрес: пер. Гвардейский, д. 2/51, пер. Доломановский, г. Ростов-на-Дону, 344011

Служебный телефон: 8 (863) 267-56-00

E-mail: tatiananik@list.ru

Levshina Anastasiia Andreevna

Lecturer, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: a.a.levshina@gmail.com

Rashchupkina Yuliya Valer'evna

Postgraduate Student, Personality Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-47

E-mail: yulk-r@yandex.ru

Rud' Ol'ga Vladimirovna

Head of the Bureau of Personnel Reserve and Personnel Development, Open Joint Stock Company "Taganrog Metallurgical Works", post-graduate student of Taganrog Institute of Management and Economics

Official address: b. 3, Zavodskaya St., Taganrog, 347928

Official telephone: 8 (8634) 65-01-38

E-mail: olga.rud@tagmet.ru

Demidova Irina Feliksovna

Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Taganrog Institute of Management and Economics, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 45, Petrovskaya St., Taganrog, 347900

Official telephone: 8 (8634) 61-11-92 (extention number 562)

E-mail: idema@list.ru

Shcherbakova Tat'iana Nikolaevna

Head of the Department of Psychology, Rostov Institute of Professional Development and Retraining of Educationalists, Professor, Doctor of Psychology

Official address: b. 2/51 Gvardeysky Lane, Dolomanovsky Lane, Rostov-on-Don, 344011

Official telephone: 8 (863) 267-56-00

E-mail: tatiananik@list.ru

Авраменко Денис Игоревич

аспирант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Гвардейский, д. 2/51, пер. Доломановский, г. Ростов-на-Дону, 344011

Служебный телефон: 8 (863) 267-56-00

E-mail: avramenko888@yandex.ru

Мифтахова Майя Байрасовна

магистр психологии

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 226, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: 8 (863) 230-32-37

E-mail: ms.miftakhova@mail.ru

Явна Денис Викторович

старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 226, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: 8 (863) 230-32-37

E-mail: yavna@fortran.su

Звездина Галина Павловна

доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: 8 (863) 230-32-17

E-mail: galzvezdina@yandex.ru

Ермаков Павел Николаевич

академик РАО, директор Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор биологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 205, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-07

E-mail: psyf@sfedu.ru

Avramenko Denis Igorevich

Postgraduate student, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: b. 2/51 Gvardeysky Lane, Dolomanovsky Lane, Rostov-on-Don, 344011

Official telephone: 8 (863) 267–56–00

E-mail: avramenko888@yandex.ru

Miftakhova Mayya Bajrasovna

Master of Psychology

Official address: of. 226, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–37

E-mail: ms.miftakhova@mail.ru

Yavna Denis Viktorovich

Senior Lecturer of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 226, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–37

E-mail: yavna@fortran.ru

Zvezdina Galina Pavlovna

Associate Professor, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–17

E-mail: galzvezdina@yandex.ru

Ermakov Pavel Nikolaevich

Member of the Russian Academy of Education, Director of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Professor, Doctor of Biological Sciences

Official address: of. 205, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–07

E-mail: psyf@sfedu.ru

Бабенко Виталий Вадимович

профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, доктор биологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 226, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: 8 (863) 230-32-37

E-mail: babenko@sfedu.ru

Марьин Михаил Иванович

профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8, г. Москва, 125171

Служебный телефон: 8 (499) 745-81-19

E-mail: marin_misha@mail.ru

Ефимкина Надежда Владимировна

адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России

Служебный адрес: ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8, г. Москва, 125171

Служебный телефон: 8 (499) 745-81-19

E-mail: e_n_v@inbox.ru

Babenko Vitaly Vadimovich

Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Doctor of Biological Sciences

Official address: of. 226, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-37

E-mail: babenko@sfedu.ru

Maryin Mikhail Ivanovich

Professor of Psychology, Pedagogics and Works Organization Department (Administration Academy of MIA Russia), Doctor of Psychological Sciences

Official address: b. 8, Z. and A. Kosmodemyanskih St., Moscow, 125171

Official telephone: 8 (499) 745-81-19

E-mail: marin_misha@mail.ru

Efimkina Nadezhda Vladimirovna

Adjunct of Psychology, Pedagogics and Work Organisation Department (Administration Academy of MIA Russia)

Official address: b. 8, Z. and A. Kosmodemyanskih St., Moscow, 125171

Official telephone: 8 (499) 745-81-19

E-mail: e_n_v@inbox.ru

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении сносок и библиографического списка используйте ГОСТы: ГОСТ 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.1–2003.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов и 10 ключевых слов (или словосочетаний, состоящих из двух слов). Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы (не менее 20 источников, включая зарубежные) и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати). В англоязычном варианте должны быть: сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, список литературы.

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиям публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте Российского психологического журнала: www.rpj.sfedu.ru

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу: 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, ком. 518, Редакция журнала «Российский психологический журнал».

Тел. +7 (863) 243–15–17; факс +7 (863) 243–08–05 E-mail: rpj@bk.ru

INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the journal.

To be accepted for publishing in the journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times or Arial.

If cited in article the literature is pointed out alphabetically at the end of the article. The literature in foreign languages goes after the one in russian. Reference to sources as a sequence number of the cited book or article (with the number of page in semicolon) is denoted in brackets. When writing notes and references use State Standards: State Standard 7.0.5–2008 and State Standard 7.1–2003.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words. Following the abstract, a list of 10 keywords (or combinations of two words) should be included. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system for verifying the formal correctness of the abstract, keywords, references (at least 20 works, including works in foreign languages), and notes. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

Forwarded to editorial staff, materials should be presented in two languages: Russian and English. The English version should contain the abstract, keywords, references, author information.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at: www.rpj.sfedu.ru

For supplemental information please go to: 344038 Rostov-on-Don, M. Nagibina Av., 13, of. 518, «Russian Psychological Journal» editorial office.

Tel. +7 (863) 243–15–17; fax +7 (863) 243–08–05 E-mail: rpj@bk.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2015
ТОМ 12 № 2

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2015
Vol. 12 Issue 2

Сдано в набор 22.06.2015. Подписано в печать 26.06.2015
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 10,93. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 31/15.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш И.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru